

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА и
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

На правах рукописи

Ковалева Анастасия Михайловна

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ РОССИЙСКИМИ
СМИ В ЭПОХУ ПОСТДЕМОКРАТИИ**

Специальность: 23.00.02

23.00.02 – «Политические институты, процессы и технологии»

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Кугай Александр Иванович

Санкт-Петербург
2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Дискурс национализма: теоретические и методологические позиции анализа.	
1.1. Теоретико-методологические основания дискурса национализма.....	19
1.2. Концептуально-метафорические основания дискурса гражданской нации и солидарности.....	35
Глава 2. Фундаментальные концепты дискурса национализма.....	59
2.1. Конструирование межэтнических конфликтов средствами массовой информации в России	59
2.2. Метафорическое конструирование межнациональных конфликтов и образа врага зарубежными СМИ как основа ведения информационной войны против России.....	76
Глава 3. Дискурс гражданской солидарности в эпоху постдемократии.....	86
3.1. Тенденции развития современных демократических обществ и их влияние на российскую демократию.....	86
3.2. Конструирование гражданской солидарности российскими средствами массовой информации в парадигме постдемократии и глобализации.....	108
Заключение.....	151
Список литературы.....	155

Введение

Актуальность темы исследования. Построение единой гражданской нации и, соответственно, ее «*conditio sine qua non*»¹ - гармоничных межнациональных и межконфессиональных отношений, - является витальной необходимостью для существования и развития Российской Федерации в связи с исторически сложившейся полиэтничностью и религиозной гетерогенностью нашего государства. Для достижения прогресса в макрополитической консолидации населения необходимо сконструировать адекватную модель коллективной идентичности и общественной солидарности в рамках комплексной стратегии по формированию гражданской нации. Радикальные меры вроде отказа от этнотерриториального принципа деления на субъекты федерации представляются опасными из-за возможной угрозы эскалации антиправительственных настроений ввиду наличия этносепаратизма в ряде регионов России. Посягательство на территориальную целостность субъекта федерации, образованного по национальному признаку, угрожает стабильности государства активизацией местных протестных движений и мобилизацией региональной элиты, отстаивающей национально-культурную самобытность.

Вследствие напряженной геополитической обстановки и перманентно обостряющихся противоречий между Россией и зарубежными государствами представляется актуальным выкристаллизовать схему конструирования конфликтов в средствах массовой информации, как межэтнических, так и иных, особенно политических, затем проследить и сравнить, как происходит процесс конструирования у нас в стране и за рубежом, а также секвенировать политико-гражданский дискурс на составляющие его национально

¹ «*Conditio sine qua non*» (лат.) – «непременное условие».

обусловленные метафорические модели, концепты и кластеры, помогающие описать системность концептов.

Благодаря эксклюзивному доступу к информационным ресурсам и телекоммуникационным технологиям элиты могут конструировать и трансформировать дифференциальную социально-политическую реальность, а также общественное мнение. Националистический дискурс, во-первых, является эффективным инструментом политической мобилизации социальных групп, например, этнических и религиозных, а во-вторых, мощным средством осуществления дискриминационных практик для обеспечения реализации интересов и целей групп давления, лобби, представителей разных видов элит и отдельных лиц. Воспроизводство этнических предрассудков и клише, основанное на психологических манипуляциях, может осуществляться с помощью текстов, слов и коммуникации. Ввиду интенсивного развития информационных технологий, чье значение в постиндустриальную эпоху невозможно и даже опасно недооценивать, а также медиаконвергенции и медиакратии, субъекты политики получают все новые инструменты для эффективного манипулирования общественным мнением, формируют определенные ценностные установки и парадигмы мышления, реконструируют/деконструируют уже существующие убеждения в своих интересах с помощью СМИ (и так называемых «новых медиа»).

В повседневной риторике средств массовой информации России до недавнего времени использовалась терминология, относящаяся к дискурсу этнического национализма в большей степени, чем к гражданско-правовому. Межэтническая напряженность обычно эскалируется СМИ путём акцентирования внимания на национальной принадлежности фигурантов административных и уголовных правонарушений, ввиду чего конфликты фреймируются как межэтнические, хотя, по сути, являются по большей части, социально-бытовыми и отражают существующие структурные противоречия и триггерные точки проводимой социальной и, в частности,

национальной политики. Ввиду смещения акцентов с «врагов» внутренних на «врагов» внешнеполитических, таких как Турция, Украина, США и Великобритания, трансформировались и метафорические модели и концепты вражды. Это связано с необходимостью сплочения граждан России ввиду обостряющихся внешнеполитических угроз и усиления давления на наше государство со стороны международного сообщества.

Построение гражданской нации способствует консолидации этносов на основе мощной национальной идеи. Дискурс гражданской нации является «противоядием» против дискурса этнического национализма. Без понимания механизмов и особенностей функционирования политического дискурса и политической коммуникации, без исследования взаимодействия языка, культуры, менталитета, мышления невозможно понимание того, как именно построить гармоничные межнациональные и межконфессиональные отношения в нашей стране, как сформировать гражданскую нацию. Поэтому исследование гражданского дискурса, концептов и метафорических моделей, его составляющих, является необходимым для анализа особенностей концептов «гражданская нация», «этническая нация», «патриотизм», «идентичность» и других как базисных элементов, своего рода «*veritates aeternae*»² национальной политической концептосферы.

Для того чтобы консолидировать общество на основах взаимного уважения, ответственности и солидарности независимо от конфессиональной или этнической принадлежности, представляется необходимым приблизиться к пониманию сути демаркации «друзей» и «врагов», отыскать «противоядие» от господствующих паттернов групповой репрезентации, основанных на жестком разграничении «своих» и «чужих», что само по себе несет неисчерпаемый конфликтогенный потенциал. Единство нации – это *modus operandi* и несомненный приоритет в эпоху постправды, господства симулякров, когда главным становится не факт и даже не его истинность, а

² «*Veritates aeternae*» (лат.) – «вечные истины».

его интерпретация. Именно поэтому, каким бы ни был конфликт, если СМИ представят его как политический или межэтнический, социум воспримет точку зрения масс-медиа или «авторитетных» интернет-источников как должное. По этой причине становится неактуальным прямое физическое противостояние, а самым важным уже стало дискурсивное господство в «символическом пространстве».

В диссертации национализм трактуется как мобилизационный ресурс³. В оптике настоящего исследования – две его разновидности: этнический и гражданский национализм. Национализм в примордиалистском понимании опирается на представление о нации как объективной данности, естественной фазы развития этноса, а в парадигме конструктивизма – как «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон). Гражданский национализм рассматривает нации как социально-исторические конструкты, сложившиеся в результате усилий государств, правящей и интеллектуальной элиты по реструктуризации гетерогенного населения конкретной территории в относительно гомогенное (с точки зрения политического единства и верховенства права и закона) социально-культурное сообщество.

Автор исследует концептуально-метафорическое и нарративное конструирование российской нации средствами массовой информации с целью представления дискурсивной концептуально-метафорической и нарративной модели гражданской солидарности как основания укрепления единства российской нации.

Конструирование гражданской солидарности, гражданской нации в постиндустриальном обществе, подверженном влиянию глобализации, а также в условиях перманентно изменяющейся, в высшей степени нестабильной геополитической обстановки становится одной из важнейших

³ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология/ В.С. Малахов. – М.: КДУ, 2005. – С. 36-37. В том числе, как «политическая идеология, рассматривающая нацию в качестве единственного источника суверенитета, преимущественного объекта лояльности и предельного основания легитимности власти».

задач, стоящих перед нашим государством, учитывая влияние постдемократических тенденций на политический режим.

Степень научной разработанности темы. Тема данного научного исследования ввиду его междисциплинарного характера широко представлена в корпусе иностранной и отечественной литературы. Поскольку исследование фокусируется на исследовании не только межэтнических конфликтов с позиций конструктивизма, но также на изучении процесса формирования гражданской нации, гражданской солидарности и коллективной идентичности с помощью средств массовой информации, существует необходимость в анализе массива научной литературы по политологии, социологии, политической метафорологии, когнитивной лингвистике.

Тремя базовыми методологическими подходами к анализу феномена национализма и националистического дискурса являются примордиализм, инструментализм и конструктивизм.

К апологетам западного и отечественного конструктивизма относятся такие ученые, как Б. Андерсон, П. Бергер, А. Брубейкер, Т. Лукман, Э. Хобсбаум, а также отечественные исследователи – Л.М. Дробижева, В.С. Малахов, В.А. Тишков⁴. В научно-исследовательской парадигме примордиализма работали Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, а также зарубежные ученые - П. Ван ден Берге, К. Гирц, Г. Зиммель, Э. Шилз⁵.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма /Б. Андерсон. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. - 286 с Бергер П. Социальное конструирование реальности/ П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. – 323 с. Брубейкер Р. Этничность без групп/ Р. Брубейкер. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 408 с. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991)/ Э. Хобсбаум. М.: Издательство Независимая Газета, 2004. – 632 с. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России/ Л.М. Дробижева. - М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. - 376 с. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология/ В.С. Малахов. – М.: КДУ, 2005. – 320 с. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии/ В.А. Тишков. М.: Наука, 2003. — 544 с.

⁵ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса/ Ю.В. Бромлей. - М.: Наука, 1983. - 418 с. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н.Гумилев — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. — 496 с. 3. Berghe Van den, Pierre L. The ethnic phenomenon. Greenwood Press, 1987. – 301 p. Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 560 с. Зиммель Г. Человек как враг/ Г. Зиммель// Социологический журнал. – 1994. - № 2. – С. 114-119. Шилз Э.

Наиболее известными приверженцами инструментализма являются Ф. Барт, Д. Мойнихэн, М.Н. Губогло, В.А. Ядов⁶.

В данном исследовании использовались работы зарубежных и российских ученых-когнитивистов, изучающих политическую лингвистику и дискурс-анализ, также тех, кто занимается исследованием общих проблем когнитивной лингвистики: Р. Водак, Т.А. ван Дейк, М. Джонсон, Д. Лакофф, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал⁷.

С точки зрения цели и задач данного исследования также следует обратиться к работам исследователей, занимающихся проблемами и актуальными вопросами политической коммуникации, таким как Х. Арендт, Г. Лассуэлл, Н. Луман, М. Фуко⁸.

Труды ученых, относящиеся к эпохе постмодернизма, использованные в исследовании, Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, Ги Дебора, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, П. Рикера, Х.И. Ортега-и-Гассета⁹, полезны своей конструктивистской

Общество и общества: макросоциологический подход/ Э. Шилз// Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972, с.341-359

⁶ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы/ Ф. Барт. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с. D.P. Moynihan Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. Daniel Patrick Moynihan. Published by OxfordUniversity Press, USA (1993) Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки/ М.Н. Губогло. - М.: Наука, 2003. -764 с. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд./В.А. Ядов — М. : ЦСПиМ, 2013. — 376 с.

⁷ Wodak R. Discourse and Discrimination. Rhetorics of racism and antisemitism / R. Wodak. М. :Reisigl. Taylor&Francis. 2000. 312 p. Dijk T. A. van. Discourse and Context / T. A. van Dijk. N. Y. : Cambridge University Press, 2008. 267 p. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : Сб. – М. : Прогресс, 1990. – С. 250. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 360 с. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии/ Н.Н. Болдырев. — Изд. 2-е, стер. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. — 123 с. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2003. – 248 с. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса/ Е.И.Шейгал. – М.: РГБ, 2005. – 431 с.

⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт — М.: ЦентрКом, 1996. – 231 с. Лассуэлл Г. Язык власти / Г. Лассуэлл // Политическая лингвистика. – 2006.– № 20. – С. 264–280. Луман Н.. Реальность массмедиа. / Н. Луман. - М.: Праксис, 2005. – 315 с. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы/ М. Фуко. – М.: Ад Маргинем, 1999. – 504 с.

⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция/ Ж. Бодрийяр. – М.: Постум, 2015. – 240 с. Бурдьё П. Социология социального пространства/ П. Бурдьё. СПб: Алетейя, 2007. - 288 с. Дебор Ги. Общество спектакля/ Ги Дебор. – С-Пб: Логос, 2000. – 232 с. Делез Ж. Капитализм и шизофрения/ Ж.Делез, Ф.Гваттари. - Екатеринбург.: У-Фактория, 2007. – 672 с. Рикер П. Время и рассказ. Том 1/ П. Рикер. М., СПб.: Университетская книга, 2000. – 311 с. Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике/ П. Рикер М.: Медиум, 1995. – 131 с. Рикер, П. Метафорический процесс

направленностью, поскольку в них описывается лингвистическое конструирование социальной реальности.

Поскольку для конструирования макрополитической идентичности и национальной идеи необходимо проанализировать структурные трансформации социально-политического пространства современной России, требуется обратиться к работам ученых, занимающихся исследованиями институциональных метаморфоз постиндустриального информационного общества, изучением специфики коллективного поведения и действия, таких как Э. Гидденс, М. Кастельс, К. Крауч, Д. Роткопф, Ю. Хабермас, а также социологов, изучающих генезис институтов государства и место политической элиты в социуме, например, Р. Михельса и Г. Моска¹⁰.

Исследование идентичности и ее формирования, построения и трансформации демократии, гражданского общества и гражданской нации, в частности, в условиях глобализации и модернизации, представлены в работах таких отечественных ученых, как В.А. Авксентьев, В.А. Ачкасов, Ю.В. Арутюнян, Н.А. Баранов, В.А. Волков, И.Ф. Кефели, А.П. Кочетков, О.В. Попова, М.М. Шумилов, в том числе и иностранных, таких как Ф. Фукуяма, М. Хайдеггер, С. Хантингтон¹¹.

как познание, воображение и ощущение Текст. / П. Рикер // Теория метафоры / Вст. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. - С. 416-434. Рикер П. Я-сам как Другой/ П. Рикер. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс/ Х.Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2008. – 352 с.

¹⁰ Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь/ Э. Гидденс. — М.: Весь мир, 2004. – 120 с. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с. Крауч, К. Постдемократия/ К. Крауч. М.: Высшая Школа Экономики, 2010. – 192 с. Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром / Д. Роткопф М.: АСТ АСТРЕЛЬ, Полиграфиздат, 2010. 475 с. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие/ Ю. Хабермас. - СПб.: Наука, 2001. - 380 с. Михельс Р. Социология политической партии в условиях современной демократии/ Р. Михельс. Диалог. 1990. № 5, 9; 1991, №4. Моска Г. Правящий класс/ Г. Моска // Социс. 1994. № 10. С. 187—198.

¹¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы/ В.А. Авксентьев. - Ставрополь, 2002. - 267 с. 17. Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичность в обществе модерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2012. Сер. 6. № 1 – С. 85-91. Арутюнян Ю.В. Этносоциология/ Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробизева. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с. Баранов Н.А. Современные трансформации демократии: выбор России // Политэкс: Политическая экспертиза: Научный журнал. Том 2. №1. СПб: Изд-во С.-Петеб. Ун-та, 2006. - С. 280-299. Волков В.А. Цивилизационная идентичность России: евразийский вектор / НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Северо-Западного института управления РАНХиГС. Выпуск 4(31). ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2017. С.155-161. Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике/ И.Ф. Кефели. – СПб:

Хотелось бы также отметить работы В.Ю. Зорина¹², посвященные исследованиям межнациональных и межконфессиональных отношений и проблематике нациестроительства.

Также в данном исследовании использовались работы А.Лейпхарта, Э. Тоффлера и Т. Фотопулоса¹³, размышляющих о новых социальных движениях, демократии участия в сложных многосоставных обществах, подверженных мощной дифференциации и дезинтеграции вследствие этнических, религиозных, региональных и/или идеологических различий. Работы Б. Барбера¹⁴, в которых рассматриваются проблемы национальных государств, развития гражданского общества, ксенофобия, а также солидарность между людьми, лежащая вне государств и наций, оказали масштабное влияние на развитие современной политической философии.

Существенным для понимания способа построения гармоничной взаимовыгодной модели взаимодействия гражданина и государства является исследование работ, посвященных политическому насилию и насилию вообще: Платона, Аристотеля, Д. Локка, Т. Гоббса, М. Вебера, Г. Спенсера, М. Ганди, Р. Жирара, П. Концена, Э.Фромма¹⁵.

«Северная звезда», 2004. – 286 с. Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире/ А.П. Кочетков. - М.: Аспект Пресс, 2020. - 208 с. Попова О.В. Европейская vs общегражданская идентичность: противостояние существует? // Вестник СПбГУ. Серия 6. - 2012. Вып. 1. - С. 78–84. Шумилов М.М. Кризис неолиберальной модели экономического развития России в контексте конфликта на Украине и санкций Запада / М.М. Шумилов// Управленческое консультирование. Научно-практический журнал СЗИУ РАНХИГС. 2014. - №6 (66). – С. 110-125.

Fukuyama, Francis. Reflections on the End of History, Five Years Later // History and Theory. — 1995. — Vol. 34. — № 2. — P. 27—43. Хайдеггер М.: Сборник статей /М.Хайдеггер. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/ С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. – 576 с.

¹² Зорин Ю.В. От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики/ Ю.В. Зорин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. - Том VI. - №3. – с. 122-154, Ю.В. Зорин. Государственная национальная политика в России и современность / Зорин Ю.В.// Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 225. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 33 с.

¹³ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах/ А.Лейпхарт, 1997. – Аспект Пресс, 288 с Тоффлер, Э. Шок будущего/ Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2008. — 560 с. . Т. Fotopoulos. Towards An Inclusive Democracy. The Crisis of the Growth Economy and the Need for a New Liberatory Project (London/New York: Cassell Continuum, 1997), 401 pp

¹⁴ Barber, Benjamin. 1995. "Jihad Vs McWorld" in Braving the New World: Readings in Contemporary Politics, pp. 17-27.

¹⁵ Платон. Диалоги. (Серия «Философское наследие». Т. 98)/ Платон. — М.: Мысль, 1986. Аристотель. Политика. Наука об управлении государством/ Аристотель. - М., 2003. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине/ Т. Гоббс. — Москва-Минск: АСТ, Харвест, 2001.

Несмотря на наличие колоссального массива научной литературы по проблематике работы, существует недостаток публикаций по комплексному параллельному анализу конструирования гражданской солидарности и межэтнических конфликтов средствами массовой информации.

Гипотеза исследования заключается в том, что оптимальной основой существования и развития российской нации является гражданская солидарность.

Объектом исследования является дискурс национализма (этнического и гражданского) как мобилизационный ресурс.

Предметом исследования является концептуально-метафорическое и нарративное конструирование российской нации средствами массовой информации.

Цель исследования – представить дискурсивную концептуально-метафорическую и нарративную модель гражданской солидарности как основания укрепления единства российской нации.

Для решения поставленной цели определен перечень задач:

1. Охарактеризовать теоретико-методологические основания дискурса этнического национализма и дискурса гражданской нации.
2. Определить основные подходы к определению понятий «дискурс», «нация», «национализм», «солидарность», «идентичность».
3. Осуществить дескриптивный и компаративный дискурсивный анализ практик конструирования межэтнических конфликтов в современной России и за рубежом, опираясь на публикации СМИ.
4. Операционализировать теорию К.Крауча о постдемократии, отражающую тенденции развития современных демократических обществ, исследовать ее влияние на гражданскую солидарность.

— С. 158 Вебер М. Хозяйство и общество/ М.Вебер. - М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010. – 432 с. Спенсер Г. Личность и государство/ Г. Спенсер. – М.:Социум, 2007. – 208 с. Ганди М. Моя жизнь/ М. Ганди. - М., Гл. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1969. Жирар Р. Насилие и священное / Р. Жирар. - М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с. Концен П. Фанатизм/ П.Концен. М.: Гуманитарный центр, 2011. Фромм Э. Бегство от свободы/ Э.Фромм. — М.: АСТ; АСТ Москва, 2009.

5. Изучить основные направления нарративного конструирования дискурса гражданской нации СМИ в современной России.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные широкому спектру проблем, существующих в современной России и зарубежных государствах: трансформации демократических институтов под влиянием парадигмы постдемократии и дискурса постправды, влиянию глобализационных процессов на структуру коллективной и индивидуальной идентичности, политтехнологическом использовании средств массовой информации с целью конструирования социальной реальности (в том числе межэтнических конфликтов), выгодного для отдельных представителей элиты и лоббистских групп общественного мнения.

В данном научном исследовании используются общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция.

При изучении дискурса и входящих в его состав метафор и нарративов были использованы системный, структурно-функциональный методологические подходы и методологию постмодернизма (в том числе, постпозитивизм и постструктурализм).

В исследовании применяются принципы и методологические подходы политической лингвистики, политической философии, когнитивной лингвистики. Методы когнитивной лингвистики необходимы для описания метафорических концептов – объектов исследования данной науки. Политическая лингвистика изучает политическую коммуникацию, языковую деятельность политических акторов, направленную на борьбу за власть, влияние и ресурсы; она исследует многообразный, многомерный комплекс взаимосвязей между мышлением, языком, коммуникативными актами и процессами, а также субъектами и объектами политики. В данном исследовании методологический аппарат политической лингвистики

требуется для анализа взаимообусловленных политических и национальных культурных концептов, являющихся наиболее актуальными для россиян (таких как «патриотизм», «нация», «родина») исследование которых наряду с метафорами и нарративами (изучаемыми политической метафорологией), необходимо для описания дискурсивной модели гражданской нации. Исключительно важен также дискурсивный подход когнитивной лингвистики к анализу политических текстов с учетом контекста.

При анализе конкретных этнических конфликтов и практик их дискурсивного конструирования в данной работе применялся контент-анализ публикаций средств массовой информации. При исследовании политических метафор и концептов в публикациях СМИ России, США, Турции и Европы использовался компаративный анализ.

Данное научное исследование, представляющее собой синтез разнородных концепций и теорий, сконцентрированных вокруг нескольких семантических ядер, характеризующих основные триггерные точки заявленной темы (например, «постдемократия» и «солидарность»), отличается структурной и содержательной нелинейностью и мультидискурсивностью, что является продуктивным инструментом разностороннего изучения темы, и фактически опирается на полипарадигмальный подход, интегрирующий различные методологии.

Эмпирическую базу исследования составили: нормативно-правовые акты; аналитические материалы и статистические данные социологических опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения об уровне национализма, патриотизма, а также этнической и конфессиональной толерантности в Российской Федерации; политическая публицистика; интернет-ресурсы, освещавшие проблематику исследования; данные российских и зарубежных средств массовой информации.

Научная новизна заключается в следующем:

1. В результате авторского осмысления процессов макрополитической консолидации населения на основе гражданской солидарности

операционализована и экстраполирована на российскую социально-политическую действительность концепция постдемократии К. Крауча, обоснована ее значимость для конструирования гражданской солидарности, заключающаяся в том, что ввиду трансформации складывавшихся веками традиционных институтов демократических государств, частичной утраты их дееспособности и легитимности вследствие глобализации и перехода от индустриального к постиндустриальному обществу гегемонии информационных технологий и разветвленных коммуникаций (включая и сетевое пространство), возникли новые формы коллективного действия и гражданского участия, в том числе и неинституционализированные, направленные на решение актуальных социально-политических проблем (от экологических инициатив до защиты гражданских прав).

Постдемократия – это не новый тип политического режима, а широкое постпозитивистское аналитическое понятие, обобщающее воздействие глобализационных процессов на демократические государства, функционирующие в социально-политической и экономической парадигме постиндустриального общества развитых информационно-коммуникационных технологий с существенным влиянием на политические процессы частных корпораций, включая ТНК.

2. При помощи дискурсивного (дескриптивный, компаративный и контекстный) анализа практик конструирования межэтнических конфликтов средствами массовой информации в России и за рубежом показано, что СМИ, воздействуя на общественное сознание метафорическими средствами националистического дискурса, могут вызывать открытые конфликты и разжигать их намеренно в интересах отдельных личностей, политических объединений, групп интересов, бизнес-лобби, либо провоцировать их ненамеренно ввиду некомпетентности или иных причин.

3. Раскрыто и сформулировано в конкретных положениях воздействие глобализационных процессов на социально-политическую обстановку в мире и в Российской Федерации, заключающееся в том, что: 1)

происходит формирование интернациональной парадигмы социокультурного и этноконфессионального развития, предполагающей сохранение уникальности культур и этнических групп; 2) увеличение степени самостоятельности отдельных регионов (особенно регионов-локомотивов), интенсификация международного сотрудничества между региональными государственными структурами разных стран, а также между городами, реализующими программы экономического и социокультурного сотрудничества; 3) параллельный рост солидарности и уважения к другим этносам, конфессиям и культурам наряду с эскалацией межэтнических и межконфессиональных противоречий как на региональном, так и федеральном уровне; 4) возрастание роли как телевизионных и печатных, так и сетевых СМИ («новых СМИ») ввиду массового распространения Интернет-технологий, вследствие чего является целесообразным их использование для конструирования гражданской солидарности.

4. Развита и концептуализирована теория П. Рикера о нарративной идентичности и предложен термин «нарративная солидарность». Нарративная солидарность основана на динамическом единстве, сотрудничестве и симбиозе граждан для решения актуальных социально-политических проблем и индуцирована консолидацией индивидов вокруг конкретной историко-культурной парадигмы, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность нарративных метафорических концептов и иных дискурсивных образований (вроде мифологем как универсальных образов, сцен и сюжетов мифологии, которые органично инкорпорируются в политические нарративы) положительно воспринимаемых большей частью социума вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности. Нарратив динамического единства событий прошлого – как триумфальных, так и трагических, - консолидирующих граждан на основе исторической памяти, а также настоящего – на данный момент, оптимальная и наиболее эффективная основа метафорического конструирования дискурса гражданской солидарности в России.

5. Обоснована целесообразность деконструкции дискурса этнического национализма с целью нейтрализации его конфликтогенного потенциала посредством СМИ. Гражданская нация – это дискурсивный конструкт, репрезентирующий примат политико-правового над этнокультурным на основе единых общегосударственных ценностей и стандартов во всех сферах жизни общества. Наиболее оптимальным является конструирование гражданской нации на основе дискурса солидарности, имплицитно подразумевающего социальную ответственность, взаимное уважение, взаимовыручку, инициативность и эффективный симбиоз граждан в решении социально-экономических и политических проблем совместно с государством.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Системную силу дискурсам национализма (гражданского и этнического) придают метафорические концепты и нарративы, входящие в его состав как базисные структурные элементы.

2. Базисом конструирования гражданской нации, способствующим консолидации населения поверх этнокультурных, конфессиональных, региональных различий, а также панацеей от дискурса этнического национализма и дискурса сепаратизма является политически, этнически, религиозно нейтральная идея гражданской солидарности. Гражданская солидарность – продуктивный бесконфликтный способ сосуществования и сотрудничества проживающих на территории России этнических и конфессиональных групп на основе политического единства, верховенства Права и Закона, гражданского патриотизма (любви к стране, ее символам – эпосу, гербу, флагу, национальной культуре, мифологемам). Гражданская солидарность – основа дискурса гражданской нации, плод целенаправленных усилий элиты и институтов гражданского общества по обеспечению национального единства.

3. Суть этнического национализма заключается в том, что нарративно-архетипические примордиалистские схемы фреймирования (клише,

предубеждения, стереотипы, когнитивные искажения, универсальные многокомпонентные концепты, встречающиеся в любой национальной концептосфере: «родина», «народ», «семья», «друг», «враг», мифологемы и пр.), а также национальные нарративы, будучи глубоко укорененными в разнородных социальных дискурсах, эффективно используются для программирования социальной реальности с помощью средств массовой коммуникации.

4. В постиндустриальную эпоху современные демократические режимы, подвергаясь воздействию глобализационных процессов, развились до постдемократий.

5. Тиражирование нарративов (идеологических, событийных, политических и пр.), паттернов, фреймов, метафорически кодирующих положительные образы, сценарии, истории взаимодействия, сотрудничества, взаимовыручки представителей разных этногрупп и конфессий в СМИ, а также ключевых особенностей их мировоззрения, обычаев и традиций, включая мифы и легенды, - это эффективный инструмент конструирования гражданской солидарности в ее нарративной модальности, т.е. через культурную экспликацию и «рассказывание историй», что является важным элементом архитектуры дискурса гражданской нации.

6. Нарративная солидарность основана на динамическом единстве, сотрудничестве и симбиозе граждан для решения актуальных социально-политических проблем и индуцирована консолидацией индивидов вокруг конкретной историко-культурной парадигмы, которая есть совокупность нарративных метафорических концептов и иных дискурсивных образований (вроде мифологем как универсальных образов, сцен и сюжетов мифологии, которые органично инкорпорируются в политические нарративы) положительно воспринимаемых большей частью социума вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования

заключается в возможности использовать его положения и выводы для

конструирования гражданской солидарности в рамках нациестойительства. С учетом специфики российской государственности конструирование гражданской нации будет наиболее эффективным при соразмерной репрезентации в ее дискурсе метафорических концептов и нарративов не только гражданского и историко-патриотического сегментов солидарности, но и этноконфессионального. Концепция постдемократии имеет определяющее значение для конструирования дискурса гражданской нации и солидарности ввиду возникновения новых форм коллективного действия, а также институциональных и неформальных изменений в структурах демократических государств, функционировании политических институтов и коллективном поведении вследствие развития средств массовой коммуникации и как результат глобальных геополитических трансформаций.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы исследования апробированы на следующих российских и международных научно-практических конференциях, форумах, семинарах и круглых столах: международная научная конференция «30 лет Перестройки», проводившаяся 16 апреля 2015 года, по итогам проведения которой подготовлена статья на тему «Конструирование межэтнического конфликта средствами массовой информации»; конференция для аспирантов 1 года обучения, проводившаяся кафедрой иностранных языков СЗИУ РАНХиГС 23 апреля 2015 года, на которой аспирантом было подготовлено выступление на тему «National policy discourse in the media in the modern Russia»; обучающий семинар «Профилактика проявления национального и религиозного экстремизма в молодежной среде», проводившийся 28 ноября 2014 г.

По теме выпускной квалификационной работы имеется 5 публикаций, 3 из которых опубликованы в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования.

Глава 1. Дискурс национализма: теоретические и методологические позиции анализа

1.1. Теоретико-методологические основания дискурса этнического национализма

Автор работы рассматривает дискурс как способ и процесс истолкования и/или конструирования реальности с помощью языка как семантической системы, как сложный коммуникативный процесс формирования метафорических концептов и интерпретативного фреймирования событий, фактов, явлений социальной жизни и совокупность соответствующих контексту когнитивных структур. Фундаментальной основой националистического или иного, потенциально конфликтогенного дискурса является система из взаимосвязанных метафорических концептов, составляющих дихотомическую бинарную оппозицию: «свои» - «чужие», которая является базисной структурной составляющей для дискурсов данного типа. Существует множество коннотативно разнообразных и семантически богатых трактовок термина «дискурс» - это и вербальная коммуникация, осуществляющаяся в конкретной лингвокультурной парадигме (Ю.Хабермас)¹⁶, коммуникативный акт, текст, который рождается ситуационно с учетом экстралингвистических факторов (Г. Видоусен).

Т. Ван Дейк в монографии «Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации» рассматривает проблему дискурсивного характера властных взаимоотношений в современном обществе, их репрезентации в текстах, в частности, медийных, а также проблему воспроизводства расизма (национализма), этнических и расовых предрассудков и стереотипов, предвзятости и иных форм дискриминации и

¹⁶ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие/ Ю. Хабермас. - СПб.: Наука, 2001. – с. 75 В данной монографии автор рассматривает дискурс как форму коммуникативного действия, чье целевое предназначение – достижение компромисса субъектами коммуникации.

экслюзии на уровне социально-политических дискурсов. Расистский дискурс (Ван Дейк употребляет именно это понятие вместо националистического дискурса) способствует культивации в общественном сознании представления о различиях между «своими» и «чужими», использующиеся для достижения определенных целей заинтересованных лиц. Элиты или организации, контролируя дискурс, манипулируют людьми¹⁷. Национально-этническое доминирование или гражданский национализм воспроизводятся через неодинаковые паттерны доступа к публичному дискурсу для мажоритарных и миноритарных групп, а не только посредством неодинакового доступа к гражданству, жилью, работе, образованию и материальным ценностям. У Ван Дейка в монографии «Язык. Познание. Коммуникация» представлена трактовка дискурса как речевого потока, постоянно трансформирующегося языка, включающего в себя национально-культурные особенности наряду с индивидуальными социально-психологическими характеристиками участников коммуникативных смыслопорождающих актов¹⁸.

Монография М.Фуко «Надзирать и наказывать» интересна тем, что автор заостряет внимание на трансформации сущности власти с течением времени: власть перестает быть прерогативой исключительно органов государственной власти, становясь всепроникающей, «древообразной», также, используя терминологию Ж. Делеза и Ф. Гваттари, можно назвать ее «ризомоморфной» (ризома – многоуровневая, подобная корневой системе дерева структура). Поскольку власть устанавливает знание, она с помощью дискурсивного манипулирования смыслами и интерпретациями способна конструировать общественное мнение, например, воспроизводя этнические предрассудки, стереотипы и клише в своих интересах. Власть и знание проявляют себя через дискурс. Отношения власти не могут ни возникнуть, ни

¹⁷ Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации/ Т. Ван Дейк. - М.: Либроком, 2013. — С. 48

¹⁸ Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация/ Т. Ван Дейк. - Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — С. 213.

развиваться, ни адекватно функционировать вне производства, накопления, циркуляции дискурсов¹⁹.

Ги Дебор в своем труде «Общество спектакля» описывает «спектакль» как универсально значимую идеологию, имплицитно растворенную в социальном пространстве²⁰. Он рассматривает «спектакль» (что, кстати, тождественно понятию «дискурс») как коммуникативное отношение между людьми, опосредованное образами, включая скрытые манипулятивные практики заинтересованных лиц, имеющих доступ к информационным ресурсам и политическому дискурсу. «Спектакль» – это надстроенная декорация, символическое пространство, которое конструируется и конституируется субъектами политики²¹. Общественная деятельность, социальная реальность расколота на метафорически представленный образ и действительность. Мировоззрение и когнитивно-поведенческие установки программируются и трансформируются: «если перевернуть мир с ног на голову, истина в нем станет ложью». Это, фактически, основной принцип конструирования реальности в процессе ведения информационной войны или любого типа конфликта, например, межэтнического.

Ж. Бодрийяр пишет, что в результате «порождения моделей» образуются симулякры, копии того, чьего оригинала-эйдоса не существует, формирующие гиперреальность²². Когнитивная функция языка подразумевает возможность создания любой парадигмы мышления, выраженной в специфических для конкретного дискурса категориях, понятиях, нарративах и метафорических концептах. Речь идёт о конструировании социально-политической реальности с помощью манипулирования единицами языка (знаками) и их семантическими

¹⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы/ М. Фуко. – М.: Ад Маргинем, 1999. – С. 348.

²⁰ Дебор Ги. Общество спектакля/ Ги Дебор. – С-Пб: Логос, 2000. С. 204.

²¹ Там же. С. 185.

²² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция/ Ж. Бодрийяр. – М.: Постум, 2015. – С. 74. «Симуляция — это уже не симуляция территории, референтного сущего, субстанции. Она — порождение моделей, реального без первопричины и без реальности: гиперреального»

(смысловыми) значениями. Языковые конструкции, формирующие определенный тип высказывания и, как следствие, дискурс, используются СМИ (точнее, заинтересованными лицами, оказывающими на них давление) в качестве инструмента борьбы за политическую власть и материальные ресурсы. Постмодернистскому глобальному обществу развитых информационных технологий, подконтрольному социальному программированию, становится трудно различать, где правда, а где ее искусно сконструированный суррогат, о котором будет говориться в следующих главах, – постправда.

Использование вербальных конструкций в качестве элементной базы создания репрессивных практик встречается повсеместно. Дискурс как система является сложным и нелинейным, фрактально ветвящимся, ризомоморфным, состоящим из «смыслопорождающих моделей» (фреймов, нарративов, архетипов, метатипов, паттернов), которые подобны молекулам в узлах кристаллической решетки.

Существует три основных методологических подхода к рассмотрению этноса (нации), этничности и национализма в целом.

Примордиализм (эссенциализм, субстанционализм) является старейшим из научных подходов к изучению этничности и нации. Представления об изначальной потребности людей в этнической идентификации стали формироваться в начале XX века. Антропология и этнология стали складываться как научные дисциплины под воздействием практических задач, связанных с генезисом колониальной системы, проблемами территориальной экспансии и взаимодействия с коренным населением колоний. Среди известных учёных причисляли себя к примордиалистам К. Гирц и Э. Шилз, чьи основные труды были написаны в 1950-1960 годы. Апологеты примордиалистской парадигмы рассматривают этносы и нации как реально, физически существующие формы объединений с присущими им атрибутивными характеристиками, а не как сознательно сконструированные абстрактные структуры, как предлагает более поздний

конструктивистский подход, постепенно вытеснивший примордиализм и появившийся вслед за ним инструментализм.

Изучая многочисленные кровавые межэтнические конфликты между, например, индейцами Северной Америки и белыми переселенцами, индусами и англичанами, африканцами и «цивилизованными» европейцами, этнологи XIX века пришли к выводу об иррациональности этих противоречий, генетической обусловленности конфликтогенности тех коренных народов, с которыми у правительств метрополий возникали столкновения. Позднее это экстраполировалось и на взаимоотношения американцев и рабов африканского происхождения.

Примордиалистский подход объясняет солидарность этнических групп (моноэтнических наций) изначальной потребностью людей в идентификации и консолидации, объявляя этнос объективной данностью. Биологический вариант субстанционализма активно развивал П. Ван ден Берге. Он понимал этничность как следствие генетической предрасположенности человека к предпочтению родства индивидуализму, которое он назвал «непотизм»: «Ethnic solidarity is an extension of kin-based solidarity - that is, of nepotism» («Этническая солидарность – это расширение солидарности, основанной на родстве, то есть, непотизм»)²³. Он видел будущее за своей концепцией: «ethnocentrism and racism, too, are deeply rooted in our biology and can be expected to persist even in industrial societies, whether capitalist or socialist»²⁴.

Дихотомическое разделение мира с его полиморфными и дивесифицированными экзогенными и эндогенными связями на «друга» и «врага» индуцировано имплицитным инстинктом выживания, действующим и поныне в виде соответствующего дискурса в социальных системах,

²³ Van den Berghe P. The ethnic phenomenon/ Van den Berghe P. - Greenwood Publishing Group, Inc., 1987. – P. 37

²⁴ Van den Berghe P. The ethnic phenomenon/ Van den Berghe P. - Greenwood Publishing Group, Inc., 1987. – p. 12 «Этноцентризм и расизм глубоко укоренены в нашей природе и можно ожидать, что они сохранятся даже в индустриальных обществах, будь то капиталистическое или социалистическое»

поэтому зачастую политика государств выстроена вокруг этого разделения, поскольку оно «вырастает» из первобытных времен, в которых важнейшим приоритетом было физическое выживание и передача генетического материала последующим поколениям.

В советской этнографии более распространенным является эволюционно-историческое направление примордиализма, которое вплоть до начала 90-х годов являлось единственным направлением в изучении этничности²⁵. Эссенциалисты подчеркивают в этничности привязанность людей, в том числе в рамках психологической теории аффилиации, то есть витальной потребности в принадлежности к группе.

Эволюционно-исторический вариант примордиализма рассматривает личностное стремление к инклюзии в группу опосредованным социализацией, которая осуществляется под воздействием культурного кода этнической группы. Этническая группа, отмечал М. Вебер, сохраняет культурное наследие²⁶.

В связи с кризисом мировой колониальной системы, провалом американской идеи «плавильного котла» и постепенному движению от аккультурации и ассимиляции мигрантов к политике мультикультурализма новым практикам национального строительства требовались иные научные обоснования и парадигмы для объяснения возникновения и разрешения конфликтов, поэтому был «взят на вооружение» инструменталистский подход, получивший наибольшую популярность с 70-х годов XX века²⁷. «Multicultural nationalism has been an answer to the social fact of ethnic fragmentation, leading to institutional transformations» («Мультикультурный

²⁵ Ю.В. Бромлей определяет этнос как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающую не только общими чертами, но и стабильными особенностями культуры и языка, менталитетом, а также сознанием своей сплоченности и отличия от других подобных образований (самосознанием), зафиксированном в этнониме.

²⁶ Вебер М. Хозяйство и общество/ М.Вебер. - М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010. – 432 с.

²⁷ Кудрин А.В. Об основных подходах к пониманию этничности как категории общественных наук/ А.В. Кудрин// Россия: социально-экономические и правовые проблемы трансформации общества. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. — с. 291

национализм был ответом на социальный факт этнической фрагментации, что привело к институциональным преобразованиям»)²⁸. Сторонники теории мультикультурализма выступают против гипертрофии роли исторического опыта в восприятии актуальности проблемы безопасности этногруппы.

Этнические группы четко сохраняют границы в связи с витальной потребностью людей в преодолении отчуждения, характерного для постиндустриального общества, аффилиации, самоидентификации и психологической, а также физической безопасности. Этническая группа (этническая нация) трактуется как общность, объединяемая социально-политическими, экономическими, культурными интересами, а этничность (этнический национализм) как инструмент достижения коллективных интересов, мобилизации в политической борьбе²⁹. Этническую мобилизацию объясняют потребностью в преобразовании структуры социальной стратификации, в отстаивании экономических и политических интересов элиты.

Создатели инструменталистского подхода исходили из того, что с помощью межгрупповой дифференциации можно сформировать этническую идентичность каждой группы, которая будет определять характер отношений внутри групп и мобилизовать их на целенаправленную политическую деятельность. К разновидностям инструментализма относится элитарный инструментализм.³⁰

Инструменталист Д. Мейсон отмечает: демонстрация элитой этнической лояльности является частью манипулятивных стратегий, направленных на формирование выгодного ее представителям публичного дискурса. К. Салливан описывает характерную пропагандистскую стратегию

²⁸ Koos A.K. Common Origin, Common Power, or Common Life: The Changing Landscape of Nationalisms/ A.K. Koos. Open Journal of Political Science 2012. Vol.2, No.3, 45-58

²⁹ Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе...// Вопросы социологии. - 1993. - № 1. - с.4

³⁰ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. – с. 312-313. «Одной из самых распространенных является трактовка роли элит... в мобилизации этнических чувств, межэтнической напряженности и эскалации ее до уровня открытого конфликта»

этнической элиты, которые в политических целях трансформируют социальную напряженность в межэтническую нетерпимость, проецируя негативные чувства неудовлетворенных своим статус-кво граждан (рессентимент, который Ф. Ницше считал частью так называемой «морали рабов») на иные этноконфессиональные группы и целенаправленно фокусируя внимание на тех их традициях и обычаях, которые принципиально «несовместимы» с принятыми в мажоритарных группах. Этнический конфликт, таким образом – это следствие карикатурной гипертрофии межгрупповых различий и межгруппового соперничества за обладание социально-экономическими, политическими ресурсами, форма взаимодействия конкурирующих групп, камуфлирующая в сфере политики проявление других конфликтов. Без активной, настойчивой, насыщенной резкими и эмоциональными метафорическими концептами и нарративами пропаганды национализма, «вплетенной» в националистический дискурс, этнические предрассудки не переходят в экзophobia³¹. Примордиалистски детерминированная исключительность конкретной этногруппы, ее «кровные» права на территорию, ресурсы и определенный статус в составе государства или вне его являются удобными инструментами для манипулятивной деятельности элит и политизации этничности.

Этнический конфликт с точки зрения сторонников направления экономического инструментализма объясняется распространением в обществе репрессивных практик стигматизации, маргинализации и, как следствие, социально-экономической эксплуатации миноритарных групп.

С углублением процесса взаимной интеграции наук и глобализации становится все сложнее отделить чисто этнический конфликт от других, к тому же, все труднее отыскать такой конфликт ввиду того, что этнические и религиозные группы по сравнению с другими обладают большей мобилизационной способностью, их проще использовать для достижения

³¹ Ксенофобия на Юге России: сепаратистские конфликты и пути их преодоления / под ред. В.В. Черноус. - Ростов н/Д, 2000. – 230-231 с.

определенных социально-политических или экономических целей. Часто политические конфликты камуфлируются под этнические: элита использует апеллирование к этническим чувствам, эксплуатируя их и трансформируя в политический ресурс. Политизация этничности в 90-е годы и в последующие десятилетия послужила фундаментом многочисленных конфликтов и войн как в России и бывших советских республиках, так и в бывших странах социалистического блока, а позднее «перекинулась» и на другие государства (Первая и Вторая гражданская война в Чеченской республике, армяно-азербайджанский конфликт (Нагорный Карабах), война в Абхазии и Южной Осетии, война в Приднестровье, конфликт в Ферганской долине, эскалация межнационального противостояния русских и титульных наций в Прибалтике, распад Югославии, отделение Косово от Сербии и т.д.).

В связи с воздействием глобализации и постдемократических тенденций проблемы сосуществования различных этногрупп в полиэтнических государствах, а также проблемы статус-кво в государствах с диспропорциональным развитием регионов обозначились особенно жестко и привели к формированию своего рода «этнических анклавов», а также зон регионального сепаратизма, возникших на этнической или социально-экономической основе, в частности, в регионах-«локомотивах» с серьезной промышленной инфраструктурой и наукоемкими производствами, а также статусом туристических центров, многие из которых мотивированы к выдвижению требований о сецессии (Квебек в Канаде, Техас в США, Бавария в Германии, Каталония и Страна Басков в Испании, Фландрия и Валлония в Бельгии и т.д.). Кроме возрастания сепаратистских и националистических настроений, сейчас мы можем в определенной степени наблюдать ренессанс ирредентизма как политики объединения нации или этноса в рамках единого государства как результата коллективной воли народа.

Конструктивизм как методологический подход утверждался и кристаллизировался в перманентном диалектическом взаимодействии с

примордиализмом. Основным понятием данной теории является понятие «конструкт». Он понимается как способ восприятия и истолкования мира, как классификационно-оценочный шаблон, с помощью которого выстраивается система индивидуальных для каждого субъекта биполярных значений («свой» - «чужой», «мы» - «они» и так далее), предназначенных для описания и оценки реальности. Формирование конструктивистского подхода в науке началось в 60-е гг. XX в. под влиянием известной работы П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»³².

Одним из видных представителей конструктивизма считается Бенедикт Андерсон. Он подчеркивает роль элиты в конструировании национального идеала. Он именует нацию (этнос) «воображаемой общностью», которая одновременно суверенна и культурно самобытна³³.

Р. Брубейкер в своем труде «Этничность без групп»³⁴ рассматривает любую форму коллективной идентичности как проект, который конструируется. Нарративно-метафорическое фреймирование как совокупность актов лингвокогнитивного кодирования конституирует конфликты и насилие в качестве этнического. От исхода интерпретативных конфликтов (метаконфликтов) зависит результат дискурсивного конструирования реальности, которая выстраивается сообразно целям и интересам «победителей», обладающих большей властью и влиянием (ресурсами), чем их оппоненты. Этнос/нации и расы в большей степени являются способами восприятия, которые структурируют и упорядочивают реальность зачастую таким образом, что это, в итоге, приводит к социальной атомизации, межгрупповой дифференциации и эскалации противоречий.

Х. Ортега-и-Гассет в монографии «Восстание масс» фокусируется на искусственности, сконструированности цивилизации, общества, отдельных

³² Бергер П. Социальное конструирование реальности/ П. Бергер, Т. Лукман// М.: Медиум, 1995. — с. 36 Согласно парадигме конструктивизма, познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует социальную реальность.

³³ Андерсон Б. Нации и национализм/ Б.Андерсон. - М.: Праксис, 2002. – с. 10

³⁴ Брубейкер А. Этничность без групп/ А.Брубейкер. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – с. 28-29.

культур³⁵. Он безжалостно критикует стандартного человеческого индивида, не желающего отличаться от остальных, погруженного в социальную апатию и конформизм, довольного тем, что ему дано и что его окружает. Он прозорливо предсказал постмодернистскую экзистенциальную опустошенность, которая будет царить в глобальном обществе десятилетия спустя. С помощью институтов государства обличенный властью человек массы способен конструировать социально-политическую реальность в своих эгоистических целях, что может привести к хаосу, конфликтам на этнической, религиозной, политической или экономической почве. Современное массовое общество формально видится целостным и упорядоченным, но на самом деле устойчивость институтов представляется сомнительной, а тотальная разобщенность и атомизация – очевидны, поскольку межличностные отношения подверглись тотальной переоценке и стали «бартерными», основанными на выгоде. Социальные связи утратили свое «цементирующее» значение в эпоху постмодернизма. События и факты перестали трактоваться линейно, пишет Ортега-и-Гассет.

При объективном анализе современных этнических конфликтов с применением насилия целенаправленная деятельность по конструированию этих конфликтов становится очевидной, ее трудно скрыть. Поэтому конструктивизм является на данный момент времени крайне актуальной и перспективной научной концепцией. Этнос/нация является автопоэтической самоподдерживающейся и самовоспроизводящейся системой, нуждающейся лишь в периодическом поддержании, вследствие этого демонстративное подчеркивание этносом/нацией/группой собственной значимости, уникальности и обособленности, стремление интенсифицировать, усилить коллективную идентичность, апеллирование к общим ценностям, корням является индикатором:

³⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс/ Х.Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2008. – С. 54

1) наличия манипулятивной активности либо внутри группы (национальная элита, руководство), либо третьих лиц, желающих использовать высокий мобилизационный потенциал в своих целях (лобби, бизнес-элита);

2) стремления группы к изменению статус-кво (результат коллективного действия, направленного на ликвидацию угрозы, в существовании которой не сомневаются члены этнической группы).

Г. В. Калугина в своей статье «Местная власть и трансформация дискурса национальной политики в постсоветскую эпоху» упоминает, что в 2000-е годы все больше экономических, политических, социальных проблем и проблем, связанных с преступностью, стало фреймироваться в русле расистского (националистического) дискурса, а национальная риторика все чаще стала использоваться в качестве инструмента политической мобилизации и борьбы за власть³⁶. Разумеется, нельзя недооценивать этническую специфику коммуникативного поведения и ее воздействие на процесс межэтнического и межкультурного взаимодействия.

А.Г. Здравомыслов в статье «Трансформация смыслов в национальном дискурсе» пишет, что пространство национального дискурса пластично, перманентно реконструируется, а национальная принадлежность плюралистична, поэтому многозначны и все компоненты национального дискурса, «производные от того центрального понятия, которым является нация»³⁷. В.Н. Гуляихин вводит термин «этническое бессознательное» по аналогии с работой Ф. Джеймсона «Политическое бессознательное», описывая его как двухслойную структуру³⁸. Оно программирует определенный алгоритм действий человека как на бытовом уровне, так и на политическом, являясь витальной детерминантой общественного поведения.

³⁶ Калугина Г.В. Местная власть и трансформация дискурса национальной политики в постсоветскую эпоху// Полития. – 2010. - № 2(57). – с.94

³⁷ Здравомыслов А.Г. Трансформация смыслов в национальном дискурсе/ А.Г. Здравомыслов// Язык и этнический конфликт. – М.: Гендальф, 2001. – с. 46

³⁸ Гуляихин В.Н. Этноколлективное бессознательное как детерминанта социально-психологического развития// Вестник ВолГУ. – 2007. – Серия 7. Выпуск 6. – с.78

«Верхний слой» формируется под воздействием национально/этнически обусловленного культурного опыта и включает в себя культурные коды, мифологию, нормы поведения, традиции. «Нижний слой» включает нарративы, фреймы, базовые метафоры национальной концептосферы: «мать», «отец», «Родина» и т.д.

О. Христофорова подчеркивает, что рационализация национальных стереотипов содействует более глубокому взаимодействию и, как следствие, взаимопониманию национальных культур, а проблемы коммуникации между нациями и этносами зависят от языкового сознания, от нарративных интерпретационных схем, существующих в «этническом коллективном бессознательном»³⁹. Стефаненко Т. Г. в монографии «Этнопсихология» фокусируется на том, что социокультурные различия между представителями противоборствующих групп являются одной из причин эскалации межэтнической напряженности, что следует учитывать при изучении технологии конструирования конфликтов, маскирующихся под этнические⁴⁰.

В.С. Малахов в статье «Еще раз о националистическом дискурсе» делает упор на тот факт, что национализм воплощает стремление к культурно-этнической гомогенизации общества⁴¹. Он подчеркивает многозначность термина «национализм», спорность соотношения демократии и национализма, проблематичность и дискуссионный характер, заложенный в понятии «национальный дискурс» из-за его эвристической вариативности, мотивируя всем вышеперечисленным несовпадение коммуникативных моделей разных ученых, изучающих эти вопросы.

³⁹ Христофорова О. Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтнические взаимодействия/ О.Христофорова// Язык и этнический конфликт. – М.: Гендальф, 2001. – С. 102

⁴⁰ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология/ Т. Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – с.267

⁴¹ Малахов В.С. Еще раз о националистическом дискурсе/ В.С. Малахов// Pro et contra. – 1999. - №1. – с.130

Национализм, считает автор, является дискурсивным феноменом и одновременно – политической идеологией, которая конкурирует с другими⁴².

А.Г. Здравомыслов в статье «Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм» указывает на противоречивый характер этничности: она выступает инструментом консолидации социальных групп, но одновременно и служит базисом для межгрупповой дифференциации, воспроизводя конфликтогенные факторы, эскалирующие межэтнические противоречия⁴³. Конструирование этничности является многоуровневым и многосубъектным процессом. Этническая идентичность воспроизводится не только через дискурсы, управляемые властью, но и через устойчивые паттерны, сепаратирующие «нас» от «них» на подсознательно-инстинктивном уровне.

В. Шнирельман в статье «Расизм вчера и сегодня» логически продолжает мысль А.Г. Здравомыслова и пишет, что расизм/национализм (как, кстати, и иные виды дискриминации) обладает необычайной способностью к мимикрии, видоизменяясь в соответствии с социально-политическими обстоятельствами и ситуативными потребностями властных структур⁴⁴. Изучая расу (этнические группы), автор делает вывод, что эти понятия имплицитно содержат в себе конфликтогенный компонент.

П. Бурдьё в своем труде «Социология социального пространства» изучает социальную реальность. По его убеждению, она постоянно поддерживается и формируется за счет действий по конструированию и реконструированию объективных и субъективных структур (диспозиций агентов), то есть, существующих социальных отношений и представлений людей об окружающем мире. Также автор рассматривает понятие «габитус» как систему диспозиций, порождающих и структурирующих поведение

⁴² Малахов В.С. Еще раз о националистическом дискурсе/ В.С. Малахов// Pro et contra. – 1999. - №1. – с.131

⁴³ Здравомыслов А.Г. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм /А.Г. Здравомыслов, А.А. Цуциев // Социологический журнал. -2003. - №3. – с.41

⁴⁴ Шнирельман В. Расизм вчера и сегодня/ В. Шнирельман// Pro et Contra. – Сентябрь-октябрь. - 2005. – с. 47

агентов, их представления и саморепрезентации, кроме того, габитус функционирует как «вмонтированная» программа поведения, некая матрица восприятия (и здесь он смыкается с дискурсом), постановки целей, решения задач. Элита, заинтересованные группы или лица формируют у граждан определенное восприятие реальности – габитус, например, пользуясь своей властью над медийными дискурсами. «Властные отношения стремятся воспроизвестись в отношениях символической власти»⁴⁵. В контексте габитуса автора общество есть совокупность отношений, складывающихся в различные поля: социальное, политическое, экономическое. Отсюда проистекают три вида капитала. Символический капитал – престиж, статус, влияние.

Г. Зиммель в статье «Человек как враг» рассматривает проблему инстинктивного стремления индивида к соотнесению себя с определенной группой, поскольку склонность к самоидентификации есть защитный механизм, отвечающий за выживание, это стремление - модификация состояния «войны всех против всех»⁴⁶. Наиболее влиятельные агенты конструирования социальной реальности, такие как масс-медиа, дистиллируя инстинктивную враждебность конформистской части представителей этнических групп, вызванную чувством психологической неудовлетворенности (рессентимент) и свойственную каждому индивиду амбивалентность, участвуют в легитимации и институционализации националистического дискурсивного способа мышления, что нередко провоцирует массовые столкновения и преступления, которые классифицируются как совершенные «на почве межэтнической ненависти».

Этнический конфликт в парадигме примордиализма может быть вызван инстинктивной убежденностью этногруппы в наличии внешней угрозы, этим объясняется агрессивность и воспроизводство этнического насилия. Стихийный эссенциалистский конформизм, то есть, потребность

⁴⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства/ П. Бурдьё. СПб: Алетейя, 2007. – с. 159

⁴⁶ Зиммель Г. Человек как враг/ Г. Зиммель// Социологический журнал. – 1994. - № 2. – с.117.

человека ощущать себя членом «извечной» общности, обладающей мифологией, характерными символами, культурно-языковыми и генетическими особенностями, элиты или иные заинтересованные лица могут использовать, чтобы сконструировать конфликт и достичь какой-либо цели с его помощью.

Ф. Барт в монографии «Этнические группы и социальные границы» рассматривает проблему этнической идентичности, границ этнических групп, а также структуру межэтнических отношений. Этническая идентичность вполне может быть изменена индивидом, как и место работы и проживания, это, фактически, «оболочка», которая наполняется содержанием в зависимости от ситуации и индивидуальной мировоззренческой парадигмы⁴⁷. В эпоху глобальной информатизации политическая культура в большей степени формируется электронными СМИ, политический дискурс становится удобной искусственной конструкцией влияния на общественное сознание и формой его программирования.

К. Шмитт в своем труде «Понятие политического» рассматривает различие друга и врага как специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы⁴⁸.

Конструктивизм рассматривает этничность как конструкт, основа которого – самоприписывание индивида к общности, существующей в субъективном восприятии, символическая маркировка культурных различий от других общностей, а также выстраивание дихотомии «мы» - «они», «друг» - «враг».

⁴⁷ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы/ Ф. Барт. – М.: Новое издательство, 2006. – с. 54

⁴⁸ Шмитт К. Понятие политического/ К. Шмитт// Вопросы социологии. — 1992. — № 1. — с. 39

1.2. Концептуально-метафорические основания дискурса гражданской нации и солидарности

Основополагающими метафорическими концептами дискурса гражданской нации, выбранными для данного исследования, являются, соответственно, «нация», «гражданский национализм», «этнический национализм», а также «солидарность», «идентичность» и «патриотизм», которые и будут рассмотрены в данном параграфе. Метафорические (семантические) сети можно уподобить нейронной сети с ее пластичными структурами взаимосвязей, разрывом и установлением новых связей, их трансформацией и изменчивостью. Власть устанавливает знание, и метафоры меняются. Это своеобразное «тело без органов» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, наполняемое содержанием по мере смены политического режима, типа элит, социально-экономического уклада.

Формирование общероссийской гражданской нации, которой в 2000-е годы угрожала политизация этничности и актуализация националистического дискурса, проявлявшаяся во многих аспектах жизни государства, зависит, в частности, от успешной инклюзии регионального национального дискурса в федеральный. Еще в 1920-е годы И.А. Ильин выработал определение «многонародной нации» по отношению к российскому обществу, в котором проживает больше ста девяноста различных национальностей и этносов.

М.Ю. Барбашин считает, что институциональное регулирование должно носить комплексный характер и элиминировать манипулятивные практики, чтобы избежать эскалации межэтнической напряженности и разрастания на этой почве конфликтогенности⁴⁹. Этнические институты являются важным социальным механизмом регулирования деятельности этнических групп и существующих в их границах диаспор, который может

⁴⁹ Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах/ М.Ю. Барбашин. – Ростов-н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2013. – с. 243-244

послужить в целях сглаживания противоречий между региональным и федеральным национальными дискурсами. На этой основе и возможно бесконфликтное формирование гражданской нации, не ущемляющей права и не уничтожающей культурной самобытности каждого народа и этноса. Грамотно репрезентируя дискурс гражданской солидарности в СМИ и объективно освещая события, происходящие в проблемных регионах России, можно избежать разрастания конфликтности на почве этничности.

Безусловно, у России имеется мощный потенциал для гражданского нациестроительства не на базе этнокультурной, лингвистической и религиозной гомогенности, а, напротив, при сохранении поликонфессиональности и полиэтничности, исторически присущих нашему государству. 11 ноября 2014 г. на XVIII Всемирном русском народном собора была принята «Декларация русской идентичности», в которой утверждается, что процесс конструирования нации, общегражданская интеграция должна осуществляться на основе доминирующей, референтной роли русского народа и православных ценностей, что в государстве со множеством конфессий представляется как минимум полемическим утверждением, учитывая написанное в Конституции⁵⁰. Но не вся страна готова принять идею единой нации ввиду сформированных примордиалистских советско-коммунистических установок о тождестве нации и национальности, ввиду чего законопроект о единой российской нации было решено переименовать в законопроект «Об основах государственной национальной политики». Между тем, больше 80% граждан России считают себя россиянами.

Тремя наиболее эффективными основаниями консолидации населения являются: происхождение (раса, этнос, нация), религиозная принадлежность (в силу высоких показателей конформизма и лояльности), гражданство

⁵⁰ Конституция Российской Федерации. – СПб: Литера, 2016. – 64 с. «...носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»

(конструирование гражданской нации также популярно, но менее продуктивно, чем первые два). Для современной России неизменно актуальной задачей является достижение баланса, в дальнейшем – непротиворечивого единства между национальной (гражданской) и этнической идентичностью, а основным приоритетом в стратегии формирования гармоничных межэтнических и межконфессиональных отношений – построение гражданской (политической) нации, что зависит от усилий институтов государства и гражданского общества наладить и поддерживать межкультурный диалог. В СССР господствовала парадигма примордиализма, утверждавшая нацию как этнокультурную общность, тогда как на Западе в приоритете трактовка термина «нация» иная: под нацией, прежде всего, понимается гражданство, территориально-политическая общность.

Два основных понимания термина «нация» таковы:

- 1) нация как гражданство, как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии;
- 2) нация как этничность, сообщество тех, кого связывают общие язык, территория, история и/или культурная идентичность.

Гражданский национализм имеет в своей основе, во-первых, солидарность, во-вторых, гармоничные межконфессиональные и межэтнические отношения, кооперацию народов и этносов во имя общего блага, тогда как этнический национализм основан на доминировании конкретно одной группы. На практике эти разновидности национализма нередко переплетены.

На государственном уровне давно четко декларируется многонациональность нашей страны, существует достаточно обширная законодательная база (например, «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», закон «О национально-

культурной автономии» и пр.), которая призвана защищать интересы малочисленных народов и этносов, создано множество общественных организаций, каждая из которых представляет определенную этническую группу, создаются национально-культурные автономии, занимающиеся просветительской деятельностью. Однако они все фактически далеки от политической сферы, поскольку цели их создания - самостоятельное решение вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Поэтому у них отсутствуют полномочия по решению действительно наболевших вопросов, таких как вопросы дискриминации и насилия со стороны националистических группировок, а также этническая преступность.

Цель государства, основанного на принципах гуманизма, заключается не просто в стимуляции прогресса, потому что цель прогресса – не только создать более благоприятные условия существования, но и поднимать уровень личностного развития как можно большего количества людей. Ввиду радикальной трансформации образовательной парадигмы в эпоху стремительного развития информационных технологий актуальными становятся новые навыки, акценты сместились на умение объективно и критически оценивать информацию, отделяя «фейки» от правдивых фактов, ранжировать данные по важности, использовать их на практике. Давать общие знания – важно, но еще важнее – прививать интерес к расширению границ познания, к духовно-интеллектуальному развитию, именно поэтому в основу дискурса гражданской солидарности следует положить адаптированную к российским реалиям древнегреческую концепцию «нравственной красоты» - «калокагатию» (совокупность высоких морально-психологических качеств, развитого интеллекта и гармоничной физической формы), подразумевающую ориентацию государства на всестороннее развитие личности и меритократию как крайне важную черту социума будущего.

Наиболее оптимальным, не ущемляющим права миноритарных групп, является конструирование идеологии на основе гражданской солидарности, пропаганды социальной ответственности, взаимного уважения, взаимовыручки, инициативности и эффективного сотрудничества граждан в решении социально-экономических и политических проблем совместно с государством. Таким образом, гражданская (этническая, конфессиональная и т.д.) мобилизация имеет шанс «выскользнуть» из рук политической элиты, минимизировать шансы стать людей жертвами манипуляций там, где они имеют место быть.

По сути, для формирования идеологии макрополитической идентичности, гражданской нации нужно положить в фундамент два инструмента: солидарность как средство сосуществования в мирное время и патриотизм как средство выживания во время обострения внешнеполитических противоречий. Их умелая комбинация во время гибридных войн обеспечит целостность государства и макрополитическое единство граждан. Патриотизм выражается в солидарности с гражданами, проживающими в стране, в готовности помочь нуждающемуся независимо от его национальной или религиозной принадлежности (патриотизм как практика, как активное действие, направленное на улучшение жизни в государстве, как ответственность за себя и за других людей). Он опасен тем, что, в какой-то степени являясь продуктом дискурсивного конструирования, может содержать в себе имплицитный конфликтогенный компонент (образ внешнего врага, оппозицию «мы-они»). Интенсификация политики государства, направленной на реализацию программ патриотической сплоченности свидетельствует о наличии потенциально опасной внешнеполитической ситуации или нестабильности внутренней.

Точное, но не исчерпывающее определение солидарности было дано в Постановлении Правительства Москвы от 08.09.2009 N 945-ПП «О дополнительных мерах по профилактике ксенофобии и этнополитического

экстремизма в молодежной среде города Москвы»⁵¹. На взгляд автора, оно требует дополнительного пояснения. Общность обычно понимается как единство, наличие сходных характеристик, интересов. Итак, «общность» в метафорической лингвистике является многокомпонентным концептом.

Если рассматривать социобиологический генезис патриотизма, то он действительно в какой-то мере происходит от непотизма, альтруистического поведения животных и первобытных людей, который подразумевает, что гибель единичной особи повысит шансы выживания популяции. Что касается лингвокультурологического генезиса, то понятие патриотизма и, фактически, гражданской нации появилось в Древней Греции, в городах с полисной демократией. Мы наблюдаем постепенное расширение границ: инстинкт самосохранения (личность) – непотизм (жертва ради блага семьи или племени) – патриотизм (жертва ради блага города, затем – государства).

Доминантой конструирования идеологического фундамента единой гражданской нации является модель коллективной идентичности, базирующаяся на консолидации населения поверх этнокультурных, конфессиональных, региональных различий, на основе политически, этнически, религиозно нейтральной идеи гражданской солидарности.

Следует, однако, учитывать, что неосторожное увеличение степени автономии, неконтролируемый партикуляризм как политика доминирования интересов конкретных этнических или религиозных групп в конкретном регионе, а также крайние формы трайбализма, угрожающие общественно-политической стабильности, могут спровоцировать эскалацию сепаратизма. Региональная элита в ряде случаев попытается воспользоваться ослаблением федерального контроля. Особенно это опасно в случае пограничных регионов и регионов-локомотивов, так как подобные прецеденты широко известны (Квебек, Техас, Каталония). Если рассматривать солидарность в

⁵¹ См.: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/25393220/> [Интернет-ресурс]. (дата обращения: 15.05.2018) «Гражданская солидарность - осознание гражданами России общей государственной и культурно-исторической общности вне зависимости от языковой, религиозной и этнической принадлежности на основе уважения прав и свобод человека и гражданина»

более широком смысле, то она нужна в качестве «антидота» от сепаратизма, который способен инициировать желание административно-территориальной единицы отделиться, потребовав сепарации.

Тем не менее, гражданская нация, построенная на основе солидарности, обладает положительным мобилизационным потенциалом, однако ее эффективная реализация требует чрезвычайно гибкой, педантичной и аккуратной политики – конструирования коллективной гражданско-политической идентичности при сохранении в полном объеме этнокультурного и конфессионального разнообразия, что с учетом интересов большого количества разнородных элементов в сильно дифференцированной структуре социума становится трудной, но все-таки разрешимой задачей при уважении к различиям и компетентном, высокопрофессиональном подходе федеральных и муниципальных государственных органов, институтов гражданского общества, а также участии рядовых граждан.

Например, сторонник «жесткого мультикультурализма» У. Кимлика предлагает наделить нетитульные этнические группы особыми правами и гарантиями сохранения их культурных особенностей, традиционного для них вероисповедания в качестве:

- 1) компенсаторного и защитного механизма необходимости интеграции в целостную гражданско-политическую общность;
- 2) части стратегии уравнивания с мажоритарными группами, дифференциации прав в целях достижения так называемой «либеральной справедливости»⁵².

Ч. Кукатас выступает за «мягкий мультикультурализм», согласно которому при нейтральном отношении государства представители миноритарных этноконфессиональных групп интегрируются в общество согласно своим возможностям и индивидуальному желанию при соблюдении законодательства.

⁵² Kymlicka, W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights / W. Kymlicka. — Oxford : Clarendon Press, 1995.

М. Вевьерка предлагает интегративный мультикультурализм, который фиксируется не только на гармоничной инклюзии миноритарных групп в национальное государство, но и на параллельной борьбе с неравенством.

Б. Андерсон в своей монографии «Воображаемые сообщества» рассматривает нацию, да и, фактически, любое сообщество как продукт деятельности коллективного разума, результат приписывания индивидом себя к определенной группе, индивидуальной и коллективной репрезентации, также как своеобразную аналитическую категорию.⁵³ Особенность подобного объединения людей - его неосуществимость без воображения, опосредующего и обосновывающего коллективную связь между индивидами, подобную грибнице. Нация, придя на смену религиозной парадигме мышления, послужила цементом для нового общества.

В культурно-исторической ретроспективе автор подчёркивает определяющую роль языка и распространения «полилингвистического» книгопечатания в структуризации общего языкового поля, открывшего пути нахождения взаимопонимания между некогда разрозненными сообществами.⁵⁴

Археологические и этнографические экспедиции 18-19 веков и последующие научные исследования, анализировавшие собранную информацию, подорвали гегемонию греческого, латинского и древнееврейского языков. Национальное самосознание развивалось вместе с прогрессом в научном исследовании вернакулярных (местных, региональных) языков, с углублением знаний об общем прошлом, корнях, традициях, а также с распространением системы образования. Андерсон называл это «лексикографической революцией».

Таким образом, язык, причём печатный язык послужил эффективным инструментом распространения национализма среди широких масс

⁵³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма /Б. Андерсон. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – с. 182

⁵⁴ Там же. С. 201

населения. Благодаря печатному языку представители разных социальных групп, таких как буржуазия или рабочие, «сумели представить себе существование тысяч и тысяч им подобных». Он также постулировал «внутреннюю несовместимость империи и нации»⁵⁵ и расистский характер империализма 19 века, в частности, британского. При этом государства того времени часто использовали категории национализма как основу для консолидации населения, однако эти «национально-воображенные» модели были подвержены «расползанию» ввиду несостоятельности империализма и существующим структурным противоречиям, имевшим тенденцию к распространению.

М. Маклюэн в «Понимании Медиа» упоминал об А. де Токвилле, который объявил печатный язык главным фактором гомогенизации Франции, превращения ее в единую однородную нацию⁵⁶.

Х. Кон в своем труде «Идея национализма» отмечает, что национализм – довольно абстрактное, фактически, конструируемое понятие, а родиной гражданского национализма в его современном понимании была Франция 18 века. То есть, нация – это продукт коллективной самоидентификации, привязанный к определенной политической реальности. Также он был первым, кто выделил гражданский и этнический национализм, введя в оборот простую бинарную концепцию, предполагавшую образование гражданской нации через критерии политической общности⁵⁷.

Э. Геллнер в монографии «Нации и национализм» рассматривает нацию как продукт человеческих убеждений, то есть нечто конструируемое усилиями социума, признанием принадлежности себя и окружающих к конкретной группе, дифференцированной по определенному признаку⁵⁸, а не существующее изначально, как утверждает примордиализм. На основе

⁵⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма /Б. Андерсон. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – с.153

⁵⁶ Маклюэн М. Понимание медиа/ М. Маклюэн. М.: Кучково поле, 2014. – с. 112

⁵⁷ Kohn H. The Idea of Nationalism. N.Y., 1944. P. 3-24.

⁵⁸ Геллнер Э. Нации и национализм/ Э. Геллнер. - М.: Прогресс, 1991. – с. 168

изучения обширного теоретического материала автор изучает формирование наций и динамику развития межэтнических взаимоотношений в исторической перспективе на различных этапах развития общества, опираясь на опыт различных государств, в том числе и СССР. Он писал, что для масштабного индустриального развития необходимо гомогенное национальное пространство – с едиными стандартами образования и единым языком для продуктивной коммуникации.

Э. Ренан в своей лекции «Что есть нация?» критикует этническое понимание нации и национальности и утверждает, что национальность – субъективная категория, а нация – это «ежедневный плебисцит»⁵⁹.

Э. Смит пишет о деконструкции понятия «нация» в эпоху развития информационных и телекоммуникационных технологий, массовых миграций и глобальных процессов, реконструировавших геополитический и социальный ландшафт, поскольку стало невозможным построение политической нации с гомогенной коллективной идентичностью, которая была бы избавлена от конфликтного потенциала⁶⁰. По его мнению, одна из целей национализма заключается в сохранении культурной идентичности населения.

Он выделил три вида национальных объединений по способам их формирования:

1) вертикальные, то есть, сконструированные благодаря усилиям интеллектуальной элиты, осуществившей мобилизацию населения на основе комплекса коллективных идеалов «этнического ядра», которые были внедрены в массовое сознание;

2) горизонтальные, то есть, сложившиеся вследствие усилий местной интеллигенции по консолидации населения и отстаивания национальной идентичности;

⁵⁹ Ренан Э. Что такое нация?// Ренан Э. Собрание сочинений в 12 томах. Том 6. Киев, 1992. С. 92

⁶⁰ Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма/ Э. Смит. М.: Праксис, 2004. - С. 25

3) смешанные, то есть, сложившиеся в результате деятельности иммигрантов на территориях бывших колониальных государств.

Когнитивная лингвистика рассматривает существование этносов и наций не как априорных субстанциальных (эссенциальных) антропологических категорий, этногенетического субстрата, что является основой примордиализма, а как коллективных репрезентаций.

Что касается Х. Кона, он определяет национализм как продукт совместной интеллектуальной деятельности элиты и общей воли народа, основанный на апеллировании к «естественному стремлению» людей к объединению, как реакцию на необходимость решения политических проблем, интеграцию масс в конкретную политическую форму. Он считает, что национализм является абстрактным, в какой-то мере схематичным чувством, которое становится по-настоящему консолидирующим в результате исторического развития, постепенной социокультурной унификации, укрепления политических и социальных институтов общества. Любовь к Родине, являющаяся сутью патриотизма, по Х. Кону – это искусственно сформированное чувство, поскольку «естественной» признается только любовь к своей семье и дому, к локальной общности – городу, деревне, селу и т.д.⁶¹

Национальность – не объективная априорная данность, это историко-политический концепт, который в большей степени определяют политические границы и этнографические, а также религиозно-культурные и лингвистические характеристики. Национальное государство, таким образом, является идеальной формой политической организации⁶², а национальность – объектом лояльности, легитимности, которыми ранее были представители аристократии и церковь.

⁶¹ Кон Х. Идея национализма/ Х. Кон// Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М.: Новое издательство, 2010. — С. 32-33

⁶² Там же. С. 41

Таким образом, этническая/национальная идентичность определяется в качестве:

1) ситуационного, подверженного изменениям результата категоризации и самоидентификации индивида, приписывания его к определенной общности;

2) результата лингвистического конструирования при помощи интеллектуальных усилий различных видов элит и социальных групп.

Некоторые видные ученые, такие как Ю. Хабермас и Р. Брубейкер, склоняются к тому, что само понятие нации изжило себя, и современное постиндустриальное общество начинает жить в парадигме постнационализма. В этом свете концепция построения гражданской солидарности выглядит еще более актуальной и стратегически выверенной. Говоря о постнационализме, Э. Хобсбаум пишет об исчерпанности понятия «нация» и о наднациональном реконструировании планеты⁶³.

Автор данного исследования предлагает считать краеугольным камнем дискурса гражданской нации и коллективной идентичности солидарность вместо толерантности. Ввиду того, что толерантность является политизированной, следует использовать слово, не вызывающее противоречивых, а то и негативных ассоциаций. Солидарность – своего рода кантовский категорический императив, золотое правило этики, ответственность не только за себя, но и за окружающих, взаимное уважение, взаимовыручка. Солидарность, а не толерантность, слово без политической и этнической окраски, способно стать «прививкой» от межэтнических и межконфессиональных противоречий и помешать усилиям заинтересованных лиц использовать мобилизационный потенциал отдельных этнических групп в своих целях.

Если рассматривать патриотизм как один из основополагающих метафорических концептов гражданской нации, то патриотизм, как и

⁶³ Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780. - Cambridge, 1990. - p. 182

коллективная идентичность, – это доспехи, остро необходимые нации и составляющим ее компонентам в условиях напряженной внешнеполитической или внутренней обстановки. Тем не менее, интенсивный рост патриотизма и/или обостренная потребность граждан в самоидентификации (этнической, религиозной, профессиональной и т.д.) – это индикатор наличия проблем в государстве или вне его.

Понятия солидарности и справедливости образуют общие метафорические поля, однако использование справедливости в качестве инклюзивно включенной составляющей солидарности не является целесообразным в плане практической применимости ввиду того, что моральная ответственность за поступки в концепции гражданской солидарности возлагается не на абстрактную, пусть и всепроникающую власть, но на каждого гражданина, поскольку в дискурсе солидарности ключевую роль играет взаимная ответственность – когда каждый полностью отвечает за себя и уважает окружающих, социальная жизнь значительно упрощается. Смысл солидарности – в продуктивном взаимовыгодном сосуществовании, симбиозе этнокультурных и конфессиональных групп, генерации новых идей для прогресса человечества, для его духовного, интеллектуального, социального и технологического развития; во взаимной ответственности, т.к. пока каждый будет придерживаться эгоистической мировоззренческой парадигмы, основанной на популярном логоэпистематическом (т.е. закреплённом в национальной культурной памяти) выражении «моя хата с краю» и его иностранном аналоге «*arg'es moi la bombe atomique*»⁶⁴, общество без насилия на этноконфессиональной или любой другой почве останется утопией, хотя при здравом размышлении в солидарности и в соблюдении правил «социалистического общежития» нет ничего сверхсложного.

⁶⁴ «После меня хоть атомная война» — Пер. с фр.

Таким образом, партиципация и гражданская солидарность как теория и практика совместного действия основаны на высокой социальной ответственности в потребности гражданами артикулировать свои интересы в форме гражданского участия, серьезных общественных инициатив.

По сути, национализм был ключом к процветанию могущественных колониальных империй и некоторых государств постколониального порядка, но теперь общество вступило в эпоху постнационализма и постдемократии ввиду следующих причин:

1) трансформации складывавшихся веками традиционных институтов демократических государств, частичной утратой их дееспособности и легитимности вследствие глобализации и перехода от индустриального к постиндустриальному обществу гегемонии информационных технологий и разветвленных международных коммуникаций, в том числе в сетевом пространстве, открывающих возможности для кросс-культурного сотрудничества и решения как глобальных, так и локальных проблем ввиду максимальной открытости Интернета для огромного количества людей, причем в обход правительств или для привлечения внимания государства;

2) интенсификации и наращивания в геометрической прогрессии взаимодействия государственных структур и транснациональных корпораций (также с частным сектором в целом);

3) экспоненциально усиливающейся проницаемости территориальных, политических и этнокультурных границ, возникновением новых форм международного сотрудничества;

4) возникновения новых форм коллективной идентичности, в частности, сетевых сообществ, продиктованных усугубляющимся дистанцированием государства от нужд и потребностей граждан, нуждающихся в грамотной артикуляции своих интересов, а также желанием последних постепенного перехода к демократическому самоуправлению в

рамках институтов гражданского общества, а в идеале – к глобальному гражданству;

5) эволюции глобальной экономики в постиндустриальную эпоху;

6) политической фрагментации некоторых демократических национальных государств, приводящей к нарастанию этносепаратизма и радикальных движений, выступающих за сецессию.

Данное диссертационное исследование во многом базируется на парадигме постмодернизма, однако автор, работая в мультидискурсивном и полипарадигмальном «ключе», не может обойти вниманием метамодернизм как перспективную парадигму, имеющую потенциал к структурной и содержательной оформленности и становящуюся актуальной вследствие ее уникального функционального назначения, в частности, реконструкции, деконструкции и органичного включения в свое «поле» некоторых характеристик модернизма и постмодернизма ввиду специфических трансформаций, происходящих с общественным сознанием, массовой культурой, социально-политическим пространством, наукой, углубившейся в развитие нанотехнологий, квантовой электроники, технологий интерактивной виртуальной реальности, etc. Она нацелена на эффективную и конструктивную адаптацию человека и гражданина к реалиям стремительно изменяющегося мира и на то, чтобы оптимизировать, подвести под непротиворечивый базис весь комплекс возможностей, методологий и инструментов, от юридических до творческих, которым обладают люди для взаимодействия с информационным обществом.

В силу своей методологической расфокусированности первоочередной задачей, относящейся к изучению метамодернизма, является выявление и секвенирование его эпистемологической и онтологической архитектоники, формальных границ и структурно-функциональных характеристик. Фактически, метамодернизм может стать ключом к пониманию процессов, которые происходят в информационном высокотехнологичном обществе, в то время как постмодернизм, повторяя

судьбу модернизма как предшествующей парадигмы, практически исчерпал свой интерпретационный ресурсный потенциал. Метамодернизм, подведенный под пусть не исчерпывающий, но грамотный научный базис, может стать зеркалом будущей цифровой цивилизации, отражающим в равной степени ее достоинства, недостатки и перспективы, и таким образом обрести незаурядное практическое применение и, возможно, впоследствии сформировать целый корпус прикладных методологий – от лингвистических и философских до социологических и политологических.

Ю. Хабермас называет геополитическую, институциональную и, в целом, космополитическую рекогносцировку «постнациональная констелляция»⁶⁵ (констелляция - понятие, пришедшее из астрологии, может трактоваться как взаимное расположение небесных тел, а также как системная совокупность каких-либо факторов). Он пишет, что мощное национальное самосознание и, как следствие, макрополитическая интеграция и консолидация населения – это основа для формирования гражданской солидарности.

В СССР каждой республике создавалась единая промышленная, индустриальная, сельскохозяйственная инфраструктура, рабочие места, условия для физического и интеллектуального развития граждан, образовательные учреждения, медицинские учреждения в целях устранения катастрофической диспропорции развития регионов и оттока населения в крупные региональные и федеральные центры на основе единых общегосударственных стандартов. Эти стандарты – один из краеугольных камней процветания гражданской нации.

Э. Дюркгейм в своих работах обозначил два вида солидарности: механическую и органическую.

⁶⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие/ Ю. Хабермас. - СПб.: Наука, 2001. – 135 с.

Механическая солидарность, пишет он в работе «О разделении общественного труда»⁶⁶, преимущественно была свойственна обществам с жесткими иерархическими социальными структурами патриархально-кастового типа, которые, как известно, выросли из эндогамии и экзогамии как предтеч институтов общества и государства.

Эндогамия – социальный институт, традиция заключения брачного союза исключительно внутри определенной группы (рода, племени, народа, касты, социальной страты, объединения людей по любому, даже условному признаку, возникшему из-за предрассудков и/или религиозных убеждений, по территории проживания), имеющая характер императивного запрета, в кастовых системах и аристократических семьях – строгое табу на «внешние» брачные связи. Остатки эндогамии сохраняются и по сей день вследствие наличия жесткой системы социальной стратификации, т.к. представители «высшего общества» часто неодобрительно относятся к бракам с теми, кто «ниже» них в плане материального благосостояния или происхождения. Первобытные племена были, за редким исключением, экзогамными: близкородственное скрещивание нецелесообразно с эволюционной точки зрения, поскольку основа процветания популяции – генетическое разнообразие.

Экзогамия – традиция заключения браков с членами чужого по крови рода, племени, семьи и т.д. Оба этих понятия достаточно спорные в плане трактовки и не являются в полном смысле антонимами, зато имеют отчетливый формальный и противоречивый характер, поскольку одна и та же социальная единица может быть и эндогамной, и экзогамной одновременно: могла существовать обязательная «узкоспециализированная» эндогамия наряду с практикующейся экзогамией. Определение экзогамии не как брака с чужаками по крови, а с двоюродными/троюродными родственниками, вносит дополнительные трудности в понимание сути данного термина. Смешанные

⁶⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда/ Э. Дюркгейм. – СПб: Канон, 1996. – 8-9 с.

браки до сих пор де-факто подвержены стигматизации и не одобряются в ряде стран с сильным националистическим дискурсом.

Органическая солидарность, считает Э. Дюркгейм, складывается в более развитых, то есть, либерально-демократических сообществах с углубленным разделением труда и гибкими, не подавляющими индивидуальность граждан, социальными структурами. В его концепции солидарность – это то, что связывает людей друг с другом, которые подобны органам тела, обладающим разным набором функций, но действующим как части единой системы. В солидарности имеет преобладающее значение синергетический эффект.

Рассмотрим понятие солидарности с использованием аналитических методов когнитивной лингвистики. Итак, солидарность – это многокомпонентный концепт, состоящий из базового слоя и окружающих его слоев, равнозначных по уровню абстракции. Автором данного исследования было выделено восемь ключевых сегментов, которые пересекаются и являются взаимосвязанными.

Таблица 1.1

Сегменты солидарности
Историко-патриотическая солидарность – уважение и любовь к истории своего народа, самоидентификация индивида в качестве его представителя, объединенного с остальными на основе общих культурных и духовных ценностей.
Этноконфессиональная солидарность - эмоционально-чувственное восприятие себя как части этнической или религиозной группы, основанное на мощной внутригрупповой сплоченности, готовности защищать ее интересы и отстаивать ее ценности.
Гражданская (общенациональная) солидарность – осознание гражданами своей историко-культурной общности на государственном уровне независимо от этноконфессиональной или лингвокультурной

принадлежности, понимание ответственности граждан друг перед другом и за будущее своей родины, готовность прийти на выручку нуждающемуся в помощи и соблюдать законы «социалистического общежития», основанное на гражданско-правовых ценностях, патриотизме, гуманизме. Может выстраиваться вокруг идеологии или консолидирующей национальной идеи. Делится на **общенациональную (на федеральном уровне)** и **социально-бытовую**, или **локальную** (помощь бездомному, прохожему на улице, соседу и т.д.) солидарность.

Классово-трудовая солидарность – чувство принадлежности к определенной социальной группе согласно своему экономическому и/или профессиональному статусу.

Кастовая солидарность – чувство принадлежности к жесткой иерархической системе, к одному из ее социальных слоев, готовность ее представителей помогать друг другу или действовать во имя общих интересов.

Духовно-ценностная солидарность – ощущение «родства душ», чувство общности, единения с человеком или людьми, разделяющими ценностные установки, взгляды, идеи, мысли конкретного индивида.

Гендерная солидарность – обостренное ощущение причастности к конкретному полу, готовность помочь, оказать поддержку на основе половой принадлежности.

Общечеловеческая (космополитическая) солидарность – чувство причастности к глобальному интернациональному обществу, основанное на безоговорочном принятии гуманистических ценностей, примате филантропии.

Далее выделим лексемы к слову «солидарность». Лексема – это группа более или менее однородных (не идентичных по смыслу, а именно однородных) по значению слов.

Таблица 1.2

Лексемы к слову «солидарность»
Единство
Сплоченность
Общность
Коллективность
Совокупность
Коллегиальность
Совместность

Автор исследования выделяет также сетевую солидарность – формирующуюся в Интернет-пространстве для решения конкретных проблем вне этнической, конфессиональной и национальной принадлежности индивидов. Она может существовать как в пределах одного государства, так и на межнациональном уровне.

Отличие солидарности от идентичности в том, что солидарность – это динамичное, подвижное понятие, подразумевающее под собой совместные действия индивидов во имя общего блага, во имя достижения конкретных целей, а не просто идентификацию человеком себя с определенной социальной, конфессиональной, этнической или иной группой. В трактовке этого термина естественным образом соединяется компонент индивидуальности с чувством коллективизма: по сути, солидарность – это сотрудничество граждан, заинтересованных в социально-политической и экономической стабильности, в техническом и культурно-нравственном прогрессе общества, в благосостоянии нации и постоянном улучшении уровня жизни.

Помимо вышеперечисленных сегментов солидарности можно также привести и дополняющую ее классификацию, которая приобретает особенную актуальность в рамках интенсивно развивающегося гражданского общества в Российской Федерации.

Таблица 1.3

Виды солидарности
Социально-правовая солидарность основана на кооперации граждан с целью решения проблем, связанных с нарушением неотъемлемых прав человека и гражданина, гарантированных законодательными актами (от обеспечения прав на комфортную экологическую среду и достойные условия труда до несоблюдения свободы слова и нарушения приватности в сфере информационных технологий), включая помимо общенационального также и наднациональный уровень (международные организации).
Социально-экономическая солидарность связана с социально-правовой, она направлена на совместное скоординированное решение гражданами актуальных проблем, связанных с дискриминацией при приеме на работу, несправедливым распределением материальных благ в рамках существующей системы социальной стратификации и «социальных контрастов», диспропорцией регионального развития, низким уровнем зарплат, коррупцией высших эшелонов власти и на местах и т.д.
Социально-политическая солидарность основана на желании граждан продуктивно артикулировать социально-политические интересы, принимать активное участие в политических процессах и в формировании политической повестки дня в соответствии с правами, закрепленными в законах государства, а также на создании институтами государства условий для полноценного функционирования институтов гражданского общества и политических сетей, осуществления общественного самоуправления и принципов социальной справедливости.

Социально-культурная солидарность связана с отстаиванием прав граждан на этнорелигиозную и лингвокультурную идентичность, созданием государством условий для сохранения духовно-нравственных гуманистических ценностей, этнокультурной гетерогенности и гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, а также с патриотизмом, любовью к своей культуре и совместной деятельностью индивидов, направленной на ее развитие.

По уровню приложения сил социума для решения проблем мы можем выделить два уровня солидарности.

Таблица 1.4

Уровни солидарности	
Микросоциальный уровень солидарности	подразумевает локальные практики конструктивного социального взаимодействия граждан на уровне своего места проживания (район, город, регион) и решения соответствующих проблем (благоустройство, решение жилищно-бытовых проблем, помощь бездомным животным, социально незащищенным слоям населения как социально-бытовая, так и правовая, экологические инициативы и т.д.)
Макросоциальный уровень солидарности	основан на консолидации и кооперации граждан для решения проблем государственного уровня – от социально-экономических до политических.

«Если ты чувствуешь, что оставаться человеком стоит - пусть это ничего не дает, - ты все равно их победил», - писал Дж. Оруэлл в культовом романе-антиутопии «1984»⁶⁷. Солидарность, если выражаться более простым, ненаучным, языком, как раз про то, чтобы «остаться человеком» вне зависимости от ситуации и обстоятельств.

На выступлении в международном дискуссионном клубе «Валдай» в 2013 году В.В. Путин говорил о формировании гражданской идентичности

⁶⁷ Оруэлл Дж. 1984/ Дж. Оруэлл. – СПб: АСТ, 2016. – 96 с.

на основе патриотизма, гражданской ответственности и солидарности, общих ценностей при сохранении этнокультурной самобытности и конфессиональной идентичности, а также о том, что мы должны гордиться нашей историей, и о «многообразии в единстве»⁶⁸. В ходе встречи с Клубом Лидеров в 2016 году он заявил, что патриотизм является нашей национальной идеей⁶⁹. Стоит уточнить, что целесообразнее было бы считать солидарность национальной идеей, поскольку она включает в себя патриотизм (см. таблицу 1.1). Председатель Конституционного суда России В.Зорькин (2018 г.) упоминал, что основным катализатором напряженности является нерешенность социально-экономических проблем, социальная поляризация и недостаточная защита прав граждан, в России децильный коэффициент является одним из самых высоких в мире. Также он говорил о необходимости формирования правовой теории, сочетающей в себе понятия индивидуальной свободы и социальной солидарности, и утверждении конституционно-правовой идентичности государства⁷⁰.

Выводы к главе:

1) Существует три основных методологических подхода к рассмотрению этнических конфликтов. Примордиалистский подход (эссенциализм, субстанционализм) рассматривает природу этнического конфликта и вероятные причины его возникновения с трех точек зрения: биологической, культурологической и психосоциологической. Второй подход, инструментализм, разделяется на два вида: элитарный и экономический. Конструктивистский подход имеет две разновидности: этносимволический и социокультурный.

⁶⁸См.: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> [электронный ресурс] (дата обращения: 10.08.2018)

⁶⁹См.: <https://lenta.ru/news/2016/02/03/putin/> [электронный ресурс] (дата обращения: 21.08.2018)

⁷⁰См.: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html> [электронный ресурс] (дата обращения: 10.08.2018)

2) Наиболее оптимальным, не ущемляющим права миноритарных групп, является конструирование идеологии на основе гражданской солидарности, пропаганды социальной ответственности, взаимного уважения, взаимовыручки, инициативности и эффективной кооперации граждан в решении социально-экономических и политических проблем совместно с государством. Гражданская солидарность оптимальна в качестве консолидирующей идеи, положенной в фундамент конструирования гражданской нации.

Глава 2. Фундаментальные концепты дискурса национализма

2.1. Конструирование межэтнических конфликтов средствами массовой информации в России

Данный параграф посвящен рассмотрению вопроса участия СМИ в процессе воспроизводства националистического дискурса. Межэтнические конфликты рассматриваются как конструкты, ключевую роль в создании которых играют масс-медиа. Власть медиакорпораций, репрезентирующих точку зрения государственных структур, заключается в возможности сепарации альтернативных источников информации и селективности новостных дискурсов⁷¹.

Р. Брубейкер пишет, что насилие становится «этническим» («расовым», «националистическим») благодаря нарративному фреймированию, кодированию конкретных событий метафорическими средствами националистического дискурса или других, связанных с ним дискурсов жертвами конфликтов или заинтересованными лицами, использующими медиапространство. Исследователь считает, что в эпоху конструирования общественного мнения, конфликтов, массовых движений на первый план выходят так называемые «метаконфликты» - конфликты за право интерпретировать событие в дискурсе, выгодном конкретным политическим/этническим/социальным группам⁷². То, что определяет существование символического пространства, - в том числе и дискурсов, в том числе и политического, - две вещи: смыслопорождение и интерпретация.

В высокотехнологичном информационном обществе решающее значение для политической элиты в ведении гибридных войн приобретает противоборство и гегемония в «символическом пространстве».

⁷¹ Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации/ Т. Ван Дейк. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 80

⁷² Брубейкер Р. Этничность без групп/ Р. Брубейкер. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – с.213

Метафора, понятие, широко используемое в различных разделах современной лингвистики, появившихся в коллаборации с другими науками (политическая метафорология, когнитивная лингвистика, дискурсивная лингвистика) осуществляет генезис смысла в социальных дискурсах, это средство категоризации и оценочной интерпретации социальной реальности. Метафоры помогают «подобраться» к сущности предмета с позиции субъекта, наблюдателя. Пока субъект не выберет для себя один смысл, одну конкретную трактовку события или явления из предложенных – для него потенциально существуют все. Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа заключается в том, что восприятие человека является семантически структурированной системой, которая опирается на конкретную культурно-лингвистическую национальную парадигму, то есть, социальная реальность – это продукт конструирования, опосредованный языком, диспозицией коллективных репрезентаций: способность человека оперировать понятиями, не существующими в его языке, ограничена.

Практически каждый язык содержит так называемые лингвистические лакуны (внутриязыковые и межъязыковые). Например, в английском и в других языках нет таких слов, как «лапти», «самовар», «кокошник», «борщ», «матрешка», «квас», «окрошка» - по классификации В.Л. Муравьева, это абсолютные лакуны (т.е. не имеющие аналогов), которые, кстати, являются важными метафорическими концептами, входящими в состав этнической концептосферы русской нации и так называемой когнитивной базы (термин из когнитивной лингвистики) – свода национально обусловленных знаний, понятий, представлений, которыми обладают носители языка. Существуют также и безэквивалентные языковые единицы – диалектизмы, архаизмы, арготизмы и т.д.

Разные языки по-разному концептуализируют реальность, кодируя ее по-своему, поэтому одной из причин возникновения межэтнического и межконфессионального насилия является категорическое несовпадение, диссонанс культурно-поведенческих нарративно-архетипических моделей, на

что обращает внимание одно из направлений бихевиоризма, в том числе и социологи П. Лазарфельд, Ч. Мерриам и Г. Лассуэлл, - политический бихевиоризм. Учитывая трансформацию структуры коллективного поведения граждан в эпоху развития постдемократии и генезиса новых форм взаимодействия общества с государством, а также эрозию традиционных демократических институтов данный подход, учитывающий специфику индивидуального поведения субъекта и его воздействия на политическую реальность, не только не утрачивает своей актуальности, но приобретает все больше сторонников.

Лингвистический компаративизм позволяет вычленить в языках черты сходства и различия для построения адекватной модели коммуникативного взаимодействия между различными этническими группами и представителями разных религий, обладающими, соответственно, различным терминологическим аппаратом.

Американский политолог Ч. Кукатас выделил несколько способов реагирования общества на этнические группы/национальности, чьи члены не являются представителями титульных групп:

- 1) мультикультурализм;
- 2) ассимиляция;
- 3) изоляционизм;
- 4) апартеид.

Все они содержат значительный конфликтогенный потенциал. Вследствие этого автором исследования предлагается положить солидарность и другие наднациональные гуманистические ценности в фундамент гражданской нации, чья концепция за счет этнической и конфессиональной нейтральности должна учитывать интересы и менталитет проживающих на территории Российской Федерации народов. Если составить список ключевых маркеров этнически фреймированных новостей в европейском медиапространстве, то обнаружатся такие стандартные темы, как социально-экономические проблемы, безработица,

этноконфессиональные и культурные различия, этническая преступность, насилие, дискриминация – причем, как ни удивительно, не только по отношению к миноритарным группам мигрантов, но и титульным нациям.

Рассмотрим в качестве примера несколько конфликтов, трактуемых как межнациональные, произошедших за последние годы в Российской Федерации, используя следующие методы дискурсивного анализа:

- 1) семантический анализ;
- 2) контент-анализ.

Итак, обратимся к анализу конфликта в райцентре Частоозерье Курганской области, где произошла драка между русскими и чеченцами, в которой приняли участие около 400 человек. Это случилось в мае 2002 года. Сначала в трех десятках статей с различных медиаресурсов (Газета.Ру, Лента.Ру, Фонтанка.Ру, БалтИнфо, Вести.ру) были выделены слова и словосочетания, характеризующие стороны конфликта, затем сгруппированы в таблицу с двумя колонками, в левой – слова и словосочетания, относящиеся к гражданско-правовому дискурсу, в правой – к дискурсу этнического национализма. В скобках обозначено количество упоминаний.

Таблица 2.5

Гражданско-правовой дискурс	Дискурс этнического национализма
Местная девушка (3)	Русские (12)
Потерпевшие (4)	Чеченцы (23)
Нападавшие (5)	Представитель кавказской диаспоры (2)
	Чеченские беженцы (6)
	Местное русское население (8)
	Лица чеченской национальности (9)
	Гости с Кавказа (3)

Оптимальным является использование этнически нейтральных, формальных терминов, относящихся к юриспруденции и не вызывающих у реципиентов ярко выраженной негативной эмоциональной реакции: «преступник», «подозреваемый», «потерпевший», а не писать вместе этого «чеченцы» и «русские», то есть, необходимо избегать использования слов, относящихся к описанию этнической принадлежности.

Теперь рассмотрим конфликт, произошедший в Бирюлёво, опираясь на анализ двадцати статей с примерно аналогичной информацией с сайтов вышеупомянутых новостных агентств. Беспорядки в Бирюлёво — массовые выступления в московском районе Бирюлёво Западное (Южный административный округ), сопровождавшиеся погромами. Поводом к событиям послужило произошедшее 10 октября 2013 года резонансное убийство местного жителя Егора Щербакова, в совершении которого подозревался мигрант-азербайджанец Орхан Зейналов.

Таблица 2.6

Гражданско-правовой дискурс	Дискурс этнического национализма
Граждане (15) Неизвестный (8) Подозреваемый (9) Преступник (20)	Мигрант (12) Лицо неславянской внешности (2) Местные жители, горожане (14) азербайджанец/азербайджанский/ выходец из Азербайджана (21) Национальный/ националист/ Националистический (20) Лицо кавказской национальности/ наружности/ внешности (5) Приезжий (7) Русский/ российский (12) Выходец с Кавказа (2)

	Межнациональный (3) Не гражданин Российской Федерации (1)
--	--

В данном исследовании был сделан упор на поиск и сравнение терминов и словосочетаний, характеризующих конфликтующие стороны. Если гражданско-правовой дискурс определяет «чужого» как «преступника», «неизвестного», «подозреваемого», то дискурс этнического национализма находит для подобного описания зачастую некорректные и даже грубые характеристики, например, «лицо неславянской внешности».

Заголовки статей, посвященных данному событию, содержат в себе очевидный националистический дискурс: «Егора Щербакова убил азербайджанец», «Подозреваемый в убийстве Егора Щербакова не является гражданином России». Хотя второй заголовок и не содержит прямого указания этнической принадлежности, но информирует о том, что преступление совершил «чужой», иностранец, активизируя в сознании читателей существующие на данный момент социальные стереотипы и предрассудки, в связи с которыми они, скорее всего, домысливают сами, что убийство совершил гражданин не Японии, Австралии или США, а одного из государств Средней Азии, таких как Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан или человек, прибывший с Кавказа. Именно так нарративно-архетипические схемы фреймирования укореняются в социальных дискурсах, постепенно приобретающих националистическую «окраску» и усиливают экзофобию, провоцируя новые конфликты вследствие социальной стигматизации и маргинализации отдельных этногрупп.

Теперь рассмотрим конфликт в городе Пугачев Саратовской области, опираясь на анализ тридцати статей, размещенных на новостных порталах, таких как Газета.Ру, Лента.Ру, Фонтанка.Ру, информационное агентство «Регнум», ИТАР-ТАСС, Вести.ру. Волнения в Пугачёве — массовые выступления жителей города Пугачёва (Саратовская область), начавшиеся 7

июля 2013 года. Поводом для протестов стало жестокое убийство чеченским подростком местного жителя.

Таблица 2.7

Гражданско-правовой дискурс	Дискурс этнического национализма
Молодые люди (5)	Уроженцы (Кавказа, южных республик) (15)
Правовой/право/закон (3)	Татарский (7)
Правоохранительные органы (7)	Русский (4)
Полиция (13)	Титульная нация (2)
Власть (4)	Уроженцы Чечни (13)
Администрация (5)	Приезжие с Кавказа/Чечни (9)
Депутат (2)	Выходцы из республик (3)
Губернатор/вице-губернатор (6)	Чеченцы/Чечня /чеченский (47)
Глава района (3)	Многонациональный/национальн ый/ Межнациональный/национальнос ть (17)
Протестующие/митингующие (6)	Местные жители (15)
	Горожане/жители города (22)

В результате проведения контент-анализа конфликта в Пугачеве очевидно преобладание дискурса этнического национализма над гражданско-правовым. При характеристике конфликтующих сторон в целом использовались термины и словосочетания, относящиеся к данному дискурсу, такие как «выходец из Чечни», «уроженец Чечни», «приезжий с Кавказа», причем в данном случае национальная принадлежность пострадавшей стороны указывалась редко. Более корректные термины, не имеющие выраженной этнической окраски, употреблялись реже, чем имеющие отношение к националистическому дискурсу, такие как «молодые

люди», «митингующие»/ «протестующие». Стоит отметить, что такие словосочетания, как «местные жители» или «жители города» являются важной частью дискурса этнического национализма, являясь неотъемлемой частью бинарной конфликтогенной оппозиции «мы» - «они». Деятельность средств массовой информации - один из наиболее существенных инструментов стабилизации/ дестабилизации межнациональных и межэтнических отношений в современной России.

Тем не менее, так называемая этническая преступность (в том числе, этнические организованные преступные группировки и другие криминальные структуры) представляет собой реальную проблему: в 2014 году в Центральном федеральном округе было ликвидировано 424 таких группировок общей численностью в 997 человек, а в Приволжском федеральном округе – 57 ОПГ численностью в 221 человека. Официальный представитель ФСИН РФ Александр Кромин представил данные, согласно которым к началу 2010 года статистика по заключенным такова, что 25,5 тысяч преступников, находящихся в тюрьмах, являются гражданами СНГ и Балтии (среди них Таджикистан, Украина, Узбекистан и пр.)

СМИ, кстати, периодически называют разгул этнопреступности «войной против русских», хотя, разумеется, нельзя сказать, что в ста процентах случаев «этнического насилия» жертвами становятся русские, зато яркие заголовки и буря негодования в Интернете способствуют разжиганию межэтнической розни, периодически поддерживаемой институциональным доминированием в дискурсах СМИ соответствующих метафорических концептов и нарративов. Вопрос о корректности термина «этническая преступность» является дискуссионным в эпоху повсеместного конструирования конфликтов различными элитами, также следует учитывать влияние индивидуальных психологических особенностей членов подобных группировок на мотивацию вовлечения в незаконную деятельность, включающую, помимо этнической, социальную (профессиональную, религиозную, статусную), а также гражданско-политическую идентичность

и, не в последнюю очередь, кровное родство, что особенно актуально для представителей сообществ патриархально-кланового типа. Также следует учитывать, что ОПГ совершают преступления не вследствие межконфессиональной или межнациональной ненависти, а по утилитарным причинам, как и другие организации, а также мафиозные группировки, занимающиеся нелегальным «бизнесом» - наркоторговлей, проституцией, работорговлей и т.д., чем, естественно, отличаются от террористических организаций с конкретной конфессиональной и этнической принадлежностью, жесткой идеологией и четкой социально-политической программой, таких как «Талибан», «Аль-Каида», «ИГИЛ» и других, запрещенных в России.

Когда субъекту трудно достичь желаемого социально-экономического статуса разрешенными, институционализированными способами, занять свое место в обществе, четко идентифицировать себя в социальной системе, а также удовлетворить свои экзистенциальные потребности, то есть, найти смысл существования (что проистекает от отсутствия четких границ своей личности и конкретных стремлений), он начинает искать утешения в радикальных и часто противозаконных формах коллективной идентичности, что продуцирует конформизм, участие в религиозных сектах, экстремистских движениях, террористических организациях, бандитских группировках.

Либерально-патриотические дискурсы фокусируются на конструировании межэтнических конфликтов, которые выгодны «чужим», а то и зарубежным элитам, осуществляющим борьбу за власть и влияние всеми доступными средствами, включая как средства информационной войны, так и спонсирование радикальных движений и экстремистских бандитских группировок. Например, широко известна причастность Саудовской Аравии, Турции и США к масштабному финансированию джихадистов в период военных кампаний в Чечне, включая содержание плацдармов для тактико-технической, физической и психологической подготовки, ресурсно-

материальное и информационное обеспечение, привлечение частных военных компаний и наемников, а также афганских террористов.

Поддерживание образа врага – один из наиболее простых и эффективных способов формирования коллективной идентичности и общенациональной сплоченности, но не стоит забывать, что он основан на манипуляции общественным мнением.

«Убийство местным полицейским чернокожего подростка в американском городе Фергюсон обнажило имевшиеся структурные противоречия и показало всему миру хрупкость демократии и несбалансированность национальной политики страны».⁷³ По сути, в США до сих пор существует расовая сегрегация наряду, кстати, с совершенно очевидным апартеидом (вспомним индейские резервации).

Поскольку во многих источниках термины «расовая сегрегация» и «апартеид» часто преподносятся как синонимичные, автор работы предлагает уточненные определения.

Расовая сегрегация (от лат. «отделение») – наряду с апартеидом одна из форм расовой дискриминации, выражающаяся в ограничении прав какой-либо расы (народа, этнической группы) на свободу самовыражения, свободу выбора, передвижения, введении раздельного проживания, обучения, дискриминации при приеме на работу, посещении культурно-досуговых и государственных учреждений, жестоком и негуманном обращении из-за цвета кожи. Имеет множество проявлений, может быть закреплена законодательно в качестве направления государственной политики или осуществляться де-факто, несмотря на декларируемое равенство граждан перед законом. В публичном мультикультурном дискурсе корректно обозначается как «параллельное существование».

Итак, под «апартеидом» мы можем подразумевать:

1) форму расовой дискриминации;

⁷³ Ковалева А.М. Роль СМИ в репрезентации «черно-белой» дискурсивной картины мира/ А.М. Ковалева// Управленческое консультирование. – 2015. - №5(77). – С. 212.

2) официальную государственную политику (как евгеника и расовая гигиена в нацистской Германии, евгеника в Сингапуре), в отличие от расовой сегрегации, основанную на ограничении прав нескольких этногрупп с симметричным наказанием за преступление закона, тогда как сегрегация основана на доминировании одной нации, расы или этноса над другим;

3) в буквальном переводе с языка африкаанс «apartheid» - «раздельность», поэтому в данной трактовке апартеид - практика раздельного проживания разных наций или этносов на одной территории (без негативной коннотации, сугубо буквальный перевод).

Средства массовой коммуникации репрезентируют реальность, формируя собственные мировоззренческие парадигмы, которую представляют как единственно верные.

Доля этнической преступности в нашей стране невелика по сравнению с той же Америкой — по словам заместителя министра внутренних дел Игоря Зубова, по стране доля таких преступлений не превышает 3—4% (данные конца 2013 — начала 2014 г.)⁷⁴ Однако в мегаполисах, таких как Санкт-Петербург и Москва, ситуация выглядит более депрессивной. Согласно информации, опубликованной на сайте Интерфакс, в первом квартале 2013 г. мигранты из других государств (внутренняя миграция в данном случае не учитывалась) совершали половину всех преступлений в столице, а во втором квартале только каждое пятое, причем в эту статистику включены особо тяжкие преступления⁷⁵. Также за год были обезврежены 592 организованные преступные группировки (этнические).

Что касается США, то там численность афроамериканцев от общего количества населения составляет примерно 12,5%, однако на их долю

⁷⁴ См.: МВД: На долю мигрантов приходится 20% преступлений в российских мегаполисах [Электронный ресурс] // РосБизнесКонсалтинг. 2013. 16 декабря. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20131216192026.shtm> l (дата обращения: 15.02.2014).

⁷⁵ См.: Каждое пятое убийство совершают мигранты [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2013. 22 мая. URL: <http://www.interfax.ru/moscow/308050> (дата обращения: 15.02.2014).

приходится около половины убийств и грабежей, совершаемых в стране (данные за 2014 год)⁷⁶.

Чтобы получить представление о том, как в СМИ освещаются крупные конфликты на этнической почве или камуфлированные под этнические, обратимся к анализу двух крупных событий последних лет — массовым беспорядкам в Фергюсоне, поводом к возникновению которых послужило убийство 9 августа 2014 года полицейским Дарреном Уилсоном чернокожего подростка Майкла Брауна, и массовым беспорядкам на Манежной площади, вызванных убийством Егора Свиридова 6 декабря 2010 года уроженцем Нальчика Асланом Черкесовым. Как и убийству в ноябре 2010 года студента Максима Сычева в результате черепно-мозговой травмы, нанесенной сокурсником из Ингушетии, этому преступлению СМИ был присвоен маркер межэтнического (вследствие чего прошли массовые митинги с националистическими лозунгами: «Ростов – русский город», «Ростов – не Кавказ» и т.д.). То же относится и к убийству Юрия Волкова 10 июля 2010 года, в результате чего были осуждены трое жителей Чечни.

Несмотря на значительные различия между событиями на Манежной площади и в Фергюсоне, все-таки можно выделить некоторые общие характеристики в этих, на первый взгляд, не похожих конфликтах, связанные с восприятием их как исключительно межэтнических в средствах массовой информации (таблица 2.8).

Анализ приведенных в таблице данных четко показывает, что СМИ являются ключевым актором репрезентации «монохромной» дискурсивной картины мира.

⁷⁶ См: Бессмысленный и беспощадный [Электронный ресурс] // Лента.Ру. 2014. 15 августа. URL: <http://mobile.lenta.ru/articles/2014/08/14/raceriots> (дата обращения: 13.02.2014).

Таблица 2.8

Беспорядки в Фергюсоне	Беспорядки на Манежной площади
1. Ключевые характеристики, отражающие восприятие друг друга сторонами конфликта, воспроизведенные в СМИ	
1. Недоверие к представителям правоохранительных органов и к органам системы правосудия с обеих сторон, неудовлетворенность их действиями и решениями	
«Они не привыкли быть привлеченными к ответственности», – говорится о полицейских в статье «Why Ferguson touched a raw, national nerve» на официальном сайте CNN ⁷⁷	«Следователь искусственно разделил уголовное дело – он выделил убийство одного лица, остальную часть произошедшего инцидента он выделил в отдельное уголовное дело и отпустил всех подозреваемых. Это было совершенно незаконное решение следователя», – заявил первый заместитель генпрокурора Буксман ⁷⁸ . Это явилось одной из причин возникших беспорядков.
В статье «The new threat: “Racism without racists”», на сайте CNN, подчеркивается, что «Правосудие должно быть дальтони́ком», т. е. не	В статье электронного издания «Кавказский узел» высказывается следующее мнение: «Руководитель экспертного совета Рабочей группы

⁷⁷ См.: Why Ferguson touched a raw, national nerve [Электронный ресурс] // Официальный сайт CNN. 2014. 29 ноября. URL: <http://edition.cnn.com/2014/11/29/us/ferguson-national-protests/index.html> (дата обращения: 14.02.2014).

⁷⁸ См.: Буксман: акции на Манежной вызваны неправомерным решением следователя [Электронный ресурс] // РиаНовости. 2010. 15 декабря. URL: <http://ria.ru/moscow/20101215/309008708.html#ixzz3RFodgGfE> (дата обращения: 11.02.2014).

различать «цветов» – речь, разумеется, о цвете кожи ⁷⁹	Общественной палаты РФ по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Кавказе Руслан Курбанов считает, что на суровый приговор Аслану Черкесову повлияли настроения националистов» ⁸⁰
«В городе Фергюсоне, после того как большое жюри приняло решение не привлекать к суду полицейского, застрелившего чернокожего подростка, начались столкновения протестующих с полицией. Об этом сообщает CNN» ⁸¹	
По данным Pew Research center, 68 процентов чернокожих респондентов заявили, что судебная система относится к ним предвзято ⁸²	
2. Гипертрофированное, искаженное восприятие членов этнических меньшинств	
«Это всегда было одной из самых болезненных проблем — восприятие чернокожего человека. Мы регулярно описываемся как гигантские, угрожающие, опасные личности», – высказывается профессор Уитекер в	Для большинства участников беспорядков — как националистов, так и футбольных болельщиков, так называемые «выходцы с Кавказа» являются своеобразной «красной тряпкой» для активизации агрессии,

⁷⁹ См.: The new threat: «Racism without racists» [Электронный ресурс] // CNN. 2014. 27 ноября. URL: <http://edition.cnn.com/2014/11/26/us/ferguson-racism-or-racial-bias/index.html> (дата обращения: 14.02.2014).

⁸⁰ См.: Эксперты усматривают в приговоре Аслану Черкесову национальную подоплеку [Электронный ресурс] // Кавказский узел. 2011. 29 октября. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/194927> (дата обращения: 14.02.2014).

⁸¹ См.: В Фергюсоне начались столкновения с полицией [Электронный ресурс] // Лента.Ру. 2014. 25 ноября. URL: <http://lenta.ru/news/2014/11/25/ferguson> (дата обращения: 14.02.2014).

⁸² См.: Бессмысленный и беспощадный [Электронный ресурс] // Лента.Ру. 2014. 15 августа. URL: <http://mobile.lenta.ru/articles/2014/08/14/raceriots> (дата обращения: 13.02.2014).

статье «Why Ferguson touched a raw, national nerve» ⁸³	поскольку уже на чисто подсознательном уровне они представляются угрожающими и девиантными
3. Четкое конструирование дискурсивных образов «своих» и «чужих»	
Анализ публикаций свидетельствует о том, что налицо очевидное противопоставление «белых» и «черных», которые считают друг друга угрозой благосостоянию их группы.	Анализ публикаций свидетельствует о том, что налицо очевидное противопоставление «наших» и «выходцев с Кавказа», налицо обоюдное непонимание и нетерпимость. В других случаях место «выходцев с Кавказа» занимают любые другие мигранты, чья национальность отличается от национальности доминирующей группы.
4. Использование стратегии отрицания расизма/национализма	
Заголовок статьи на сайте электронного издания «Голос Америки» отражает главную ее мысль: «Мэр Фергюсона отрицает расовый конфликт в городе» ⁸⁴	«Причиной беспорядков на Манежной стала именно ошибка следствия», – заявил зампред комитета Госдумы по безопасности Геннадий Гудков. Он подчеркнул, что беспорядки не

⁸³ См.: Why Ferguson touched a raw, national nerve [Электронный ресурс] // CNN. 2014. 29 ноября. URL: <http://edition.cnn.com/2014/11/29/us/ferguson-national-protests/index.html> (дата обращения: 14.02.2014).

⁸⁴ См.: Мэр Фергюсона отрицает расовый конфликт в городе [Электронный ресурс] // Голос Америки. 2014. 19 августа. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/fergusson-mayor-says-no-racial-divade-in-riot-plagued-city/2418964.html> (дата обращения: 11.02.2014).

	связаны с национальным вопросом⁸⁵ В статьях, посвященных событиям на Манежной площади, акцентируется внимание на том, что в беспорядках виноваты «националисты», «леворадикальная молодежь», «подстрекатели», «либеральная оппозиция» и т. д., т. е. отрицается глубокий системный кризис, проблема возникновения противоречий «взваливается» на отдельные маргинализированные группы лиц или политических противников
5. Неэффективная молодежная политика	
«По данным национального Бюро экономических исследований, среди черных мужчин среднего возраста, не имеющих диплома о среднем образовании, почти 70 процентов сидели в тюрьме. Так, 20-летний черный мужчина, не закончивший школу, скорее попадет за решетку, чем устроится на работу»⁸⁶. Из чего следует, что молодежная политика неэффективна в вопросе воспитания	«Для нынешних 15-летних войны и конфликты – норма. Они родились в 1995-м, когда шла первая чеченская. Когда учились читать и писать, пока длилась вторая. Потом были Норд-Ост, Беслан, десятки терактов и т. д. Для нынешних подростков война – это реальность (все то же самое касается в еще большей степени тех, кто вырос на Кавказе). Для них война – это норма, и то, что они более агрессивны

⁸⁵ См.: Буксман: акции на Манежной вызваны неправомерным решением следователя [Электронный ресурс] // РИАНовости. 2010. 15 декабря. URL: <http://ria.ru/moscow/20101215/309008708.html#ixzz3RFodgGfE> (дата обращения: 11.02.2014)

⁸⁶ См.: Протесты в США: расовый вопрос по-прежнему разделяет общество Америки [Электронный ресурс] // РИАНовости. 2014. 7 декабря. URL: <http://ria.ru/world/20141207/1037013839.html> (дата обращения: 11.02.2014).

афроамериканской молодежи

и менее толерантны, – это тоже, увы, норма, которую нужно учитывать, – высказывает свою точку зрения Андрей Архангельский. – Для них [детей и подростков] условный "Кавказ" есть символ угрозы и опасности вообще»⁸⁷.

⁸⁷ См.: Девочка с зигом [Электронный ресурс]// Взгляд. 2010. 17 декабря. URL: <http://vz.ru/columns/2010/12/17/455438.html> (дата обращения: 13.02.14)

2.2. Метафорическое конструирование межнациональных конфликтов и образа врага зарубежными СМИ как основа ведения информационной войны против России

Предварительная подготовка к конструированию конфликта или войны начинается со стратегического планирования на несколько десятков лет вперед. Предположим, существует государство (влиятельный представитель экономической/политической элиты, группа, состоящая из крупных политических деятелей или промышленников, в частности, относящихся к военной или нефтедобывающей отрасли, нужное подчеркнуть), которое не устраивает политический режим другого государства/ политика другого государства. Обозначим его как «заказчик». Ввиду того, что этноконфессиональные группы обладают наибольшим мобилизационным потенциалом, он («заказчик») решает сделать ставку на дестабилизацию межэтнических/межконфессиональных отношений или на противоречия, существующие в пределах какой-то одной конфессии, например, ислама, издревле расколотого на шиитов и суннитов.

Сейчас мы опишем общую гипотетическую схему подобного конструирования⁸⁸.

Порядок действий примерно следующий:

1) привлечение политических консультантов, специалистов по пиару, вербовке, финансам, представителей интеллектуальной элиты;

2) организация мониторинга с целью точного определения структуры общественных отношений в данный момент времени, геополитической обстановки, расстановки политических сил, выделение групп недовольных существующими порядками, государственным режимом, политикой государства или собственным статусом.

⁸⁸ Ковалева А.М. Теоретические и практические аспекты конструирования конфликта на примере изучения текущей политической ситуации/ А.М. Ковалева// Управленческое консультирование. – 2016. - №8 (92). – С. 151.

3) определение «врага», выявление тех черт, которые могут быть использованы в агитационно-пропагандистских мероприятиях. «Самые мощные четкие изображения вражды (образы врага), как правило, приходят в мир как сознательные творения пропагандистской машины и через агрессивное распространение с помощью доступных средств массовой информации»⁸⁹;

4) подробное конструирование образа «врага» таким, каким его должны увидеть «потребители», с использованием нейролингвистических приемов и лингвистических конструкций, направленных на формирование нужного «заказчику» общественного мнения, а также ярких и запоминающихся нарративных образов и символов;

5) дискредитация/деморализация/дезинформация/компрометация противника на уровне «символического пространства» (методы ведения информационной войны). Средства массовой информации, используя негативный дискурс, способны повысить уровень конфликтности в обществе и склонить аудиторию к принятию точки зрения, выгодной «заказчику»⁹⁰;

б) параллельно с п. 4 необходимо, выявив в п. 1 возможных «союзников», создать в качестве прикрытия общественные организации с определенным уклоном (например, правозащитные, выступающие за сохранение культурного наследия такой-то этнической группы), открыв на их базе вербовочные центры, также в рамках гражданского общества создать легитимные структуры, посвященные решению проблем той самой «ущемленной» группы (так называемой «жертвы»), которую «заказчик» выбрал для конструирования конфликта;

⁸⁹ Enemy images in war propaganda / Ed. by M. Vuorinen. United Kindom : Cambridge Scholars Publishing, 2012. P.5

⁹⁰ Следующая задача — используя весь возможный арсенал методов ведения информационно-психологической или гибридной войны, убедить группу, которая в дальнейшем выступит в качестве мобилизационного фактора для остальной части населения в том, что такая-то, в нашем случае, этническая группа (миноритарная), подвергается жестокой дискриминации со стороны группы «врага» и/или при поддержке государства, что вступает в противоречие с демократическими устоями общества.

7) действие на всех уровнях подразумевает тесное сотрудничество со спецслужбами.

Таким образом, у «заказчика» постепенно сложилась сеть из оппозиционных «врагу» организаций, также неправительственных организаций, использующих насилие (т. е. террористическое подполье), и тех, которые косвенно поддерживаются спецслужбами или иными государственными структурами;

8) следующий, более высокий уровень — уровень международных институтов и организаций, представителей которых также можно завербовать.

Учитывая нынешнюю критическую ситуацию в Европе, связанную с мигрантами, которые не стесняются прибегать к открытому насилию по отношению к коренным жителям, рядовые граждане «оккупированных» приезжими стран начинают понимать, что не Россия является их настоящим врагом несмотря на активную пропаганду СМИ и агрессивную, переходящую границы адекватности и рациональности, воинствующую русофобию (которая очень четко и ярко иллюстрируется международным скандалом, вызванным «делом Скрипалей», и пассажами влиятельных изданий вроде «The Times», сравнивающими Путина с фюрером). Это лишний раз доказывают убийство 22-летнего мужчины в Кётене и убийство 35-летнего мужчины в Хемнице в Германии, за которыми стартовали масштабные протестные акции, а праворадикальные организации называют миграционную обстановку, сложившуюся в Европе за последние годы не иначе как «расовая война». Министр внутренних дел ФРГ Хорст Зеехофер заявил в начале сентября 2018 года, что «иммиграция — мать всех наших проблем», а Маттиас Карлссон из партии «Шведские демократы», сравнив «Коран» с «Майн Кампф», заговорил о «геноциде христиан» в то время как русские националисты говорят о «войне против русских».

Информационный мусор, распространяемый авторитетными изданиями, препятствует объективному пониманию ситуации рядовыми

гражданами, а интересы мегакорпораций и политических институтов в эпоху постдемократии плотно переплетены⁹¹. При адекватном взгляде на конкретные случаи современных этнических конфликтов с применением насилия целенаправленная деятельность по конструированию этих конфликтов становится очевидной, ее трудно скрыть. Поэтому конструктивизм является на данный момент времени наиболее актуальной и перспективной теоретико-методологической концепцией. Широко известно, что США причастны к конструированию войн в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и т.д. Спецслужбы Америки, такие как ЦРУ, были замечены в создании и поддержке террористических организаций, чтобы те, в случае необходимости, поддерживали правящий режим или, наоборот, действовали в качестве оппозиции, развязывая гражданскую войну для устранения неудобных им режимов и установления проамериканских, поддерживаемых местными элитами, заинтересованными в перераспределении власти. Действуя в связке со спецслужбами стран НАТО, они распространяют свое влияние и вербуют новых членов в диаспорах, пользуясь, в частности, общественными правозащитными организациями, а также организациями, ратующими за сохранение и популяризацию историко-культурного наследия и развитие этнического самосознания.

Турции, как и США с Великобританией, крайне выгодна дестабилизация межэтнических и межконфессиональных отношений в России, размывание гражданской идентичности – один из инструментов, которые они используют в противостоянии с РФ, стремясь сформировать на территории нашей страны зоны регионального сепаратизма (например, с этой целью подходят Ингушетия, Кабардино-Балкария, Башкортостан, Дагестан). Турция, а также Европа развязали информационно-психологическую войну, используя подконтрольные ей СМИ. Согласно А.В. Манойло, «целью

⁹¹ Molander R. C. Strategic information warfare: a new face of war. Santa Monica : RAND, 1996. – P.15

информационной войны является оказание воздействия на системы знаний и представлений противника»⁹².

Катарский канал «Аль-Джазира» известен своей антироссийской позицией и красноречивой русофобской риторикой. Например, в выпуске от 29 ноября 2015 года говорится о том, что ВКС РФ нанесли авиаудар по сирийскому рынку и уничтожили людей из местного населения. Помимо этого, властями активно насаждается мысль о том, что бомбардировщик СУ-24 был сбит на совершенно законных основаниях с целью защиты границ страны, поскольку турецкое оборудование засекло несколько нарушений воздушного пространства. Также сообщается, что пилотам неоднократно были вынесены предупреждения. В Сети даже были размещены фальшивые видеоролики (что наглядно демонстрирует актуальность дискурсов постправды), подтверждающие, что турецкие пилоты предупреждали российских перед тем, как сбить бомбардировщик. «Hurriyet Daily News» утверждает, что «пилоты проигнорировали предупреждения турецкой стороны»⁹³. В статье «Ближний Восток: игра с неизвестным финалом», опубликованной на сайте интернет-журнала «Česká Pořice», который является частью газеты «Lidové noviny», сообщается о том, что, «судя по событиям, последовавшим за атакой на Су-24, ясно, что этой операцией турки «развязали руки» российскому президенту Владимиру Путину»⁹⁴. Британское издание «The Telegraph» не отстает от своих чешских коллег в стремлении описывать Россию не как союзника в борьбе с международным терроризмом, а в качестве дестабилизирующего фактора и «империи», жаждущей реализовать свои «имперские амбиции»: «президент Владимир Путин использует операцию в Сирии как повод продемонстрировать

⁹² Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях/ А.В.Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – С.249

⁹³ См.: <https://russian.rt.com/inotv/2015-11-24/Hurriyet-Turciya-sbila-Su-24-VKS> [Электронный ресурс] (дата обращения: 13.10.2017)

⁹⁴ См.: <http://inosmi.ru/politic/20151217/234831800.html> [Электронный ресурс] (дата обращения: 13.10.2017)

российскую военную мощь»⁹⁵. «The Washington Post» именует действия РФ «путинской авантюрой» и даже «провалом». Адекватная трактовка внешней политики нашей страны в западной прессе встречается исключительно редко, что со всей очевидностью свидетельствует о целенаправленном конструировании образа врага.

Согласно политически ангажированным турецким СМИ, российские военные самолеты бомбили район, где проживают сирийские туркмены и где нет позиций группировки ИГИЛ. Теперь уже бывший премьер-министр Турции А. Давутоглу 9 декабря 2015 г. в беседе с иностранными журналистами в Стамбуле заявил, что Россия проводит этнические чистки в сирийской провинции Латакия⁹⁶. Президент Турции Реджеп Эрдоган акцентирует внимание на усилиях своей страны в борьбе с ИГИЛ: «...ответственный подход к борьбе с террористами помогает завоевывать умы и сердца людей», а английский «The Guardian» обвиняет Россию в преступлениях против человечества, тем не менее, признавая, что она является наиболее влиятельным государством на Ближнем Востоке.

Корреспондент «The Washington Post» в статье «Сирия на грани новой катастрофы» пишет буквально следующее: «совершенно очевидно наблюдается повторяющаяся схема интенсивных бомбежек территорий, о которых и не подумали бы те, кто не хочет повредить мирному населению»⁹⁷.

Искажение информации в целях психологической обработки населения, реконструирование общественного мнения в нужном для заинтересованных лиц направлении – один из популярных методов ведения информационной войны, которая постепенно становится основным внешнеполитическим инструментом развитых и развивающихся государств.

⁹⁵ См.: <http://inosmi.ru/politic/20151215/234803695.html> [Электронный ресурс] (дата обращения: 13.10.2017)

⁹⁶ См.: <http://lenta.ru/news/2015/12/09/davutoglu/> [Электронный ресурс] (дата обращения: 13.10.2017)

⁹⁷ http://www.inopressa.ru/article/15Dec2015/wp/syria_rus.html [Электронный ресурс] (дата обращения: 13.10.2017)

Особенно проблематичным для «жертвы» и эффективным для «заказчика» подобное конструирование делает господствующие в медиапространстве дискурсы постправды, позволяющие с помощью, например, искусственных нейронных сетей и иных достижений технического прогресса распространять фейковые новости, лживость которых зачастую невозможно опровергнуть, а если это получается, то, в любом случае, задача выполнена, и общественное мнение сформировано, поскольку, в конечном счете, для большинства людей истинность предоставленных фактов не является приоритетом в отличие от развлекательного компонента новостного контента. Постправда как дискурсивный конструкт, базисный для некоторых видов политтехнологий, осуществляет реконструкцию общественного мнения на основе использования инверсий, т.е. кардинальной семантической и семиотической трансформации фактов, искажения реальности в угоду интересам конкретных лиц и групп, формирования ложных представлений и парадигм в контексте повестки дня как совокупности актуальных социально-политических проблем и вопросов публичной политики, транслирующихся средствами массовой коммуникации.

Фальсификация контента стала бичом информационной эпохи, ее технология уже стала общедоступной благодаря интенсивному развитию систем искусственного интеллекта, дигитализации и соответствующему программному обеспечению, находящемуся в свободном доступе. Вскоре с помощью нейросетей станет возможной массовая персонализированная политическая пропаганда — новый высокотехнологичный способ манипуляции общественным мнением наряду с генерацией фейкового контента, дезинформирующего граждан относительно каких-либо событий или, например, поступков конкретных политических деятелей. Технологическое превосходство становится серьезной социально-политической силой, что четко видно на примере Китая. Так называемый «технонационализм» - это, фактически, идеология внешнеполитической и (или) внешнеэкономической экспансии с помощью технологического и

превосходства, базирующаяся на утверждении тесного сотрудничества между государственными структурами и корпорациями, что является отличительной чертой современных постдемократий. Информационно-коммуникационные технологии несут не только угрозы: медиакратия имеет и положительные стороны, например, «новые медиа» служат одним из самых эффективных инструментов, обеспечивающих функционирование и развитие гражданского общества и различных форм коллективных объединений.

Граждане глобального общества находятся в эпицентре «паноптикума постправды» и погружены в искореженные политические дискурсы, с помощью которых разворачивается борьба элит за право владения «символическим капиталом», информационными ресурсами и возможностью конструирования реальности. Готовые нарративно-архетипические примордиалистские схемы фреймирования (включающие предрассудки, социальные ярлыки, шаблоны, когнитивные искажения, универсальные многокомпонентные концепты, встречающиеся в любой национальной концептосфере: «родина», «народ», «семья» и пр.), будучи глубоко укорененными в разнородных социальных дискурсах, эффективно используются для программирования социальной реальности с помощью средств массовой коммуникации.

Это касается:

- 1) использования концептуально-метафорических средств дискурса этнического национализма с целью эскалации межэтнических и межконфессиональных противоречий;
- 2) попеременного конструирования противоборствующими элитами образа то внешнего, то внутреннего врага в зависимости от результатов рекогносцировки геополитического ландшафта и собственных целей.

Использование метафорических языковых конструкций (как коммуникативных приемов), формирующих националистический дискурс, в качестве элементной базы конструирования репрессивных практик эксклюзии, социальной стигматизации и акцентирования на различиях между

нациями (гражданскими и этническими) – основа конструирования «межэтнического»/ «межнационального» конфликта СМИ. Когнитивная функция языка подразумевает возможность создания любого мировоззрения, парадигмы мышления, выраженной в специфических для конкретного дискурса категориях, понятиях, метафорах. Речь идёт о конструировании социальной реальности с помощью манипулирования единицами языка (знаками) и их семантическими (смысловыми) значениями.

«Информационная травля» России подконтрольными заинтересованным лицам СМИ формирует у целевой аудитории искаженное представление о действительности и может серьезно угрожать ее безопасности с учетом того, что масс-медиа, настроенные против нашей страны, контролируются, скорее всего, теми же лицами, которые стоят за «Гладио», способствуют дестабилизации геополитической обстановки и распространению терроризма по Европе и Ближнему Востоку.

Выводы к главе:

1) В российских средствах массовой информации существуют две конкурирующих модели интерпретации межэтнических конфликтов — одна официально отрицает этническую подоплеку конфликтов (это характерно для государственных СМИ, старающихся использовать гражданско-правовую терминологию), а другая транслирует противоположную точку зрения, фреймируя конфликты в терминах языка вражды между этническими группами, возможно, будучи ангажированными заинтересованными лицами, использующими высокий мобилизационный потенциал этногрупп в своих интересах (этноцентристский дискурс).

2) Намеренное или непроизвольное акцентирование внимания на этнических различиях является проявлением националистического дискурса и способствует возникновению или разжиганию межэтнических конфликтов.

3) Готовые нарративно-архетипические примордиалистские схемы фреймирования (включающие предрассудки, социальные ярлыки, шаблоны,

когнитивные искажения, универсальные многокомпонентные концепты, встречающиеся в любой национальной концептосфере: «родина», «народ», «семья» и пр.), будучи глубоко укорененными в разнородных социальных дискурсах, эффективно используются для программирования социальной реальности с помощью средств массовой коммуникации.

4) Использование метафорических языковых конструкций (как коммуникативных приемов), формирующих националистический дискурс, в качестве элементной базы конструирования репрессивных практик эксклюзии, социальной стигматизации и акцентирования на различиях между нациями (гражданскими и этническими) – основа конструирования «межэтнического»/ «межнационального» конфликта СМИ.

Глава 3. Дискурс гражданской солидарности в эпоху постдемократии

3.1. Тенденции развития современных демократических обществ и их влияние на российскую демократию

В первом параграфе «Тенденции развития современных демократических обществ и их влияние на российскую демократию» автором анализируется концепция постдемократии, описанная К. Краучем в его монографии⁹⁸. Она имеет определяющее значение для конструирования дискурса гражданской нации ввиду возникновения новых форм коллективного действия, а также институциональных и неформальных изменений в структурах демократических государств, функционировании политических институтов и коллективном поведении вследствие развития информационно-коммуникационных технологий и как результат глобальных геополитических трансформаций.

Итак, рассмотрим основные черты постдемократии, многие из которых, так или иначе, можно экстраполировать на российскую действительность.

Автором данного исследования были выделены следующие черты и признаки постдемократии:

1) реструктуризация «классических» партий 20 века в связи с колоссальными изменениями в структуре занятости, упадок рабочего класса в постиндустриальном обществе, идеологическая переориентация партий и активное взаимодействие, финансовая коллаборация с частным сектором, крупными корпорациями, как следствие – рост политического влияния и возможностей эксплуатации политической системы и лоббирования своих интересов у последних;

⁹⁸ Крауч К. Постдемократия/ К. Крауч.- М., 2010. – 192 с.

2) эрозия традиционных демократических институтов, сохранение видимости влияния рядовых граждан, чувствующих себя «пассивными респондентами», на формирование политической повестки дня при фактическом отсутствии такой возможности. С другой стороны, пишет К. Крауч, усиление недовольства государственной политикой может свидетельствовать о необходимости преобразования системы представительства интересов граждан и о развитии сильного гражданского общества, в результате деятельности институтов которого люди стали требовать от политиков и государственных работников больше, чем раньше, поскольку им кажется, что слишком многое из того, что обязано делать государство, передано на откуп частному бизнесу с его ориентацией на коммерческую прибыль, а не на качество услуг, а также в руки самих граждан;

3) построение имиджа политика с использованием пиар-технологий, воздействие на эмоционально-чувственное восприятие граждан, фидеистичность (т.е. акцент не на критическое мышление и логику, а на веру, убеждение) и театрализация предвыборных кампаний и политических дебатов, построение политики партий и государства с опорой на харизматичных лидеров, которые с помощью лингвокогнитивного программирования с использованием как специфических языковых конструкций, так и невербальной коммуникации, склоняют граждан на свою сторону, элиминируя реальные проблемы, скрывая их за внешне правильно и логично звучащими, но на деле расплывчатыми речевыми оборотами. Освещение деятельности политиков все больше напоминает рекламные акции, привлекающие «покупателей» к определенным «брендам». Электоральная политика становится максимально персонализированной. К. Крауч пишет о деградации политической коммуникации и образовании ее коммерческой модели, основанной нередко на сенсациях, эпатаже, громких красивых лозунгах, сказочных предвыборных обещаниях; как следствие - утрачивается коммуникативная рациональность;

4) контроль за СМИ по большей части сосредоточен в руках крайне узкой группы лиц – бизнес-элиты, в том числе транснациональных корпораций. Власть над публичными дискурсами и формированием общественного мнения принадлежит им. Граница между общественными интересами и интересами частных корпораций становится все более зыбкой, а политика – все более элитарной, как во времена до демократии;

5) политика становится все более похожей на торговлю, пишет К. Крауч, программы партий – на рекламные листовки, а избирательные кампании – на маркетинговые;

6) по факту, за «спектаклем электоральной игры», в кулуарах разворачивается реальная политическая деятельность, направленная на достижение взаимовыгодного соглашения, оптимального распределения сфер интересов и ресурсов, включая «символический капитал», между политической и корпоративной элитой. К. Крауч фокусируется на том, что в условиях постдемократии происходит стремительный упадок эгалитаризма, а власть все больше переходит в руки бизнес-лобби несмотря на успехи демократии, основанные на функционировании политических сетей и региональной политике со значительной степенью автономности руководства административно-территориальных единиц в принятии решений по актуальным проблемам населения и финансированию. Постдемократия противоречива ввиду того, что является «ребенком» глобализации и постиндустриальной эпохи. Дистанцирование власти от потребностей граждан происходит параллельно с формированием новых способов взаимодействия государства и социума в рамках демократических институтов и гражданского общества;

7) рост коррупционной составляющей в формировании приоритетов деятельности акторов политической системы. Это, безусловно, чрезвычайно дискуссионный пункт теории К. Крауча, но коррупционные скандалы с известными политиками приводят к мысли, что доля истины в этом есть;

8) положительная сторона постдемократии, точнее, ее воздействия на социально-политическую реальность заключается в том, что ввиду трансформации мировоззренческой парадигмы граждан демократических государств в 21 веке и развития телекоммуникационных технологий, Интернета как свободной площадки обмена мнениями и информационного ресурса, а также все более либерального отношения данных государств к критике своей деятельности, публика и СМИ могут критически оценивать события и высказывать любое нелицеприятное мнение, поскольку попытки скрыть неблагоприятные поступки часто оказываются тщетными, информация о них рано или поздно «просачивается» в Сеть. Сейчас любой скандал легко раздувается СМИ и интернет-пользователями;

9) новые стратегии обеспечения информационной и стратегической безопасности государств, а также безопасности граждан ввиду активизации террористических угроз в глобальном масштабе вызвали массовое недовольство, поскольку вторжение в частную жизнь вплоть до контроля над персональными данными Интернет-пользователей многие считают вопиющим нарушением гражданских прав. На первый план вновь выходят полицейские функции государства;

10) разнородные общественные организации (от экологических инициатив до защиты прав человека), и официально зарегистрированные, и внеинституциональные, существующие на добровольческой основе, чье возникновение обусловлено развитием демократии, обладают более широким спектром возможностей для защиты интересов граждан, чем избираемые политики;

11) электоральное финансирование партий бизнес-элитами и разная степень доступа к СМИ создает неравные возможности для освещения партийной деятельности и предвыборных инициатив;

12) один из важнейших признаков постдемократии – электоральный абсентеизм. В России на президентских и партийных выборах с начала двухтысячных неявка составляет порядка 30-40%;

13) большее значение в политической сфере, связанной с корпорациями, приобретает не реальная деятельность по решению проблем государства, проведению грамотной и эффективной внешней и внутренней политики, а манипулирование общественным сознанием для поддержания демократической легитимности.

14) государство коммерциализирует сферу предоставления общественных услуг, отдает все больше своих функций частным подрядчикам. Предприятия, некогда принадлежавшие государству, нередко становятся частными полностью или частично. Отдельные виды социальных услуг приватизируются или отдаются коммерческим компаниям. Таким образом, государство избавляется от ответственности, если услуги ненадлежащего качества, т.к. виноваты подрядчики. То есть, социальные услуги приобретают постдемократический характер: правительство отвечает за политику в целом, а не за конкретное ее воплощение;

15) государство не способно контролировать транснациональные корпорации, напротив, если бизнес-элиту не устраивает политический режим, фискальная политика, трудовое или таможенное законодательство, правящая партия, отдельные политики или государственные деятели и т.д., она, пользуясь колоссальными финансовыми средствами, способна воздействовать на расстановку политических сил в большей степени, чем граждане государства;

16) растет зависимость государства от корпораций и частного сектора. «Правительство становится своего рода институциональным идиотом», - считает Крауч;

17) все больше научных, культурных и иных некоммерческих (и государственных, и негосударственных) организаций ищут корпоративного финансирования, и только после этого заручаются поддержкой государства, т.к. оно не желает вкладываться в проекты, которые, возможно, не окупятся, а покровительство частных благотворителей свидетельствует о коммерческой привлекательности. Вследствие этого бизнес способен влиять

на структуру государственного финансирования. Более того, он открыто вмешивается в дела государства.

Автору данного исследования хотелось бы внести в этот перечень дополнительную характеристику постдемократии, не сформированную К. Краучем. Для этого следует обратиться к трудам М. Фуко, посвященным биополитике. Частично Крауч затронул тему избыточного навязчивого вмешательства государства в личную жизнь граждан, формально связанную со стратегиями по обеспечению информационной безопасности, а также возвращение прежних репрессивно-полицейских функций государства, оправдывающего сбор персональных данных о пользователях социальных сетей и Интернета в целом (от музыкальных предпочтений и группы крови до реквизитов банковских карт и политических взглядов), наличие огромного количества камер видеонаблюдения, насилие, особенно незаконное (касающееся всех – от рядовых граждан до политзаключенных), если оно является выгодным для высших эшелонов власти.

М. Фуко в своем понимании биополитики, которая зиждется на «администрировании» всех форм человеческой жизнедеятельности, очерчивает широкий круг репрессивных практик, использующихся государством, которое прикрывается, как шитом, защитой гражданских прав и территориальных границ, проникая все глубже в частную жизнь с помощью современных телекоммуникационных технологий⁹⁹. То, что государство не способно более обеспечивать физическую безопасность граждан и целостность границ, наглядно демонстрируют массовые миграции с Ближнего Востока и Африки в Евросоюз и разгул этнического насилия, индуцированный политикой «жесткого мультикультурализма», которая в угоду этническим и религиозным меньшинствам (в биологии есть аналог этих миноритарных групп, нарушающих эффективное функционирование социальной «экосистемы» - «инвазивный вид») ограничивает или, точнее,

⁹⁹ Фуко М. Безопасность и государство/ М. Фуко Интеллектуалы и власть. Ч.3. М., 2006. С. 46-47.

попирает права титульных наций и мажоритарных групп, ставя их в положение дискриминируемых.

Таким образом, не обеспечивая реальную безопасность, «толерантные» европейские государства усиливают полицейские функции в отношении своих же граждан, поощряя в среде мигрантов существование моделей поведения, подчас неприемлемых с точки зрения социальных и юридических норм. Фактически, это то, о чем писал Фуко – о зарождении нового типа власти – всепроникающей, «растекающейся» повсюду, гипертрофированной, абсурдной и антиутопической власти «Большого Брата». В постдемократических обществах при наличии всех формальных признаков демократии эта «власть-хамелеон», обладающая впечатляющей способностью к мимикрии, имеет тоталитарные или авторитарно-олигархические черты, она существует в уже сформированных институтах демократических государств и маскирует свои интересы под интересы социума. Демократия во многих государствах стала «*corps sans organes*» (фр.), «телом без органов», формой, совокупностью лакун, которые заполняет эта новая власть, связанная с бизнес-элитой мегакорпораций, во многом формирующих выгодную для них политическую повестку дня, которая транслируется подконтрольными ей СМИ, что отражено в теории «*agenda-setting*»¹⁰⁰. Постдемократия опирается на этот новый тип власти и во многом благодаря ему процветает.

Для постдемократий также характерна трансформация либерального принципа «*laissez-faire*» (фр.): государство вмешивается в экономику, как ни парадоксально, через те частные корпорации, которые представляют его интересы. Р. Михельс в своем труде «Социология политических партий в условиях демократии» писал о том, что использование диктатуры во имя демократии равнозначно использованию войны для поддержания мира; группа, которой демократическим образом досталась власть, будет

¹⁰⁰ McCombs M., Shaw D. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty Five Years in the Marketplace // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. № 2. P. 58-67.

стремиться эту власть удержать, постепенно вырождаясь в «демагогическую олигархию».

К. Крауч, в первую очередь, акцентирует внимание на сращивании политической и бизнес-элиты, однако хотелось бы охарактеризовать еще одну, не упомянутую им постдемократическую тенденцию: сращивание институтов государства, в том числе, с религиозными и мафиозными структурами. Несмотря на формально светский характер некоторых постдемократических государств, в них осуществляется диффузия политической идеологии и религиозной/квазирелигиозной догматики, таким образом, формируются современные синкретические политические религии, которые:

1) ранее возникали лишь в странах третьего мира (ввиду того, что в них не осуществлялась/частично осуществлялась секуляризация и четкая демаркация политической и религиозной сферы общества, а власть сохраняла характер племенной с некоторыми архаическими институтами);

2) являлись цементирующим элементом тоталитарных политических режимов, основанных на сакрализации политики, отдельных лиц (вождей), формировании особой системы ценностей и ритуалов внерелигиозного характера.

Это органически вытекает также из изменений в структуре политической коммуникации и уже упомянутой театрализации политики: пиар-технологии заимствовали некоторые принципы и специфические особенности конструирования культов тоталитарных вождей для более эффективного продвижения своих «клиентов», экстраполировав их на создание имиджа политических деятелей, ведение предвыборных компаний и т.д. в условиях рыночной экономики и «отката» постдемократических государств к додемократическому состоянию и традиционализму.

Термин «политическая религия» в настоящее время применим:

1) к идеологиям фундаменталистских террористических организаций, опирающимся на радикальный исламизм;

2) к теократическим государствам (например, некоторым ближневосточным и североафриканским странам, в том числе исламским республикам), чьи религиозные основы отличаются эклектичностью и допускают существование светских элементов в структурах своих идеологий;

3) к азиатским государствам, сохраняющим отдельные черты деспотий, а также неототалитарным/посттоталитарным режимам с культом национальных вождей;

4) к демократическим государствам, обладающим чертами постдемократий (например, в США понятие «нация» является сакрализированным, национальные мифологемы и нарративы выстроены вокруг государственных символов, а выдающиеся политики, оставившие след в истории, с помощью средств массовой коммуникации, памятников культуры приравнены к мифологическим героям – вспомним гору Рашмор).

По сути, все современные формы политических религий являются порождениями глобализованного общества, существующего в парадигме постмодернизма.

Основываясь на вышеприведенном перечне, мы можем выделить типы политических религий:

1) политическая религия как средство мобилизации этноконфессиональных групп (например, политизированный ислам, использующийся террористами, джихадистами, интеллектуальной элитой, диаспорами, отдельными сообществами мигрантов, образующими т.н. «этнические анклав»; национализм, основанный на христианских (католических, православных) ценностях, использующихся для разжигания межнациональной и межконфессиональной ненависти в политических целях);

2) политическая религия, основанная на сакрализации политических институтов, символов государства, трансформации исторических личностей в аналог мифологических героев, связанная с постдемократическими изменениями демократических государств, заимствующая принципы

конструирования имиджа политиков и партий у религиозных культов и маркетинговых технологий по продвижению брендов, имеющая светский/частично светский характер;

3) политическая религия как государствообразующий консолидирующий фактор (исламские республики, живущие по законам шариата; православие в Российской империи; англиканская церковь в Англии и т.д.);

4) политическая религия неототалитарных/посттоталитарных режимов, сконструированная на основе идеологии с обязательным наличием культа вождя, утопизмом, сильными иерархическими структурами, жесткой дисциплиной и абсолютной лояльностью, безоговорочной верой в лидера, олицетворяющего собой государство, мифологизацией его личности.

Автору хотелось бы уточнить: любая религия может быть политизирована и использована в политических целях. Бассам Тибби в своей статье «Является ли ислам политической религией?» пишет, что «политические религии – это новая форма тоталитаризма»¹⁰¹.

Также хотелось бы дополнительно прокомментировать п.8, в котором автор данного исследования затронул тему постправды, доминирование которой в политических дискурсах является еще одной ключевой особенностью постдемократии, хотя сам К. Крауч данным термином не пользуется. Несмотря на относительную новизну самого термина «постправда» (которое стало словом 2016 года согласно Оксфордскому словарю), она обладает огромной популярностью и используется давно как составная часть корпоративных, государственных и частных пиар-технологий, как инструмент конструирования положительного имиджа политических деятелей, представителей культурной, экономической и иных видов элит, как средство манипуляции общественным мнением. Дискурс постправды сделал национальными героями таких людей, как С. Бандера и Й.

¹⁰¹ Б. Тибби. Является ли ислам политической религией? См.: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/tib1.html> [электронный ресурс] (дата обращения: 13.09.2018)

Норейка. Понятийные основы постправды были заложены еще в Древней Греции – например, в наполненной метафорами истории Платона о пещере. Люди, сидящие в ней, принимают тени за подлинные явления, настоящие вещи и предметы.

Для конкретизации идеи Платона и наглядности в целях более точного понимания постправды стоит упомянуть о теневом театре, существующем в Индонезии, который называется «Ваянг Кулит». Мастера согласно старинной технологии изготавливают плоские фигурки из буйволодой кожи и богато декорируют их, вручную расписывают золотой и серебряной краской.

Позже линию Платона о перцептивном несовершенстве разума и когнитивных искажениях, ошибках мышления, продолжил Ф. Бэкон, сформулировав свою теорию об идолах пещеры, площади, театра и других.

Кукловод-даланг, он же рассказчик истории (аллегория с представителем элиты, формирующим дискурсивные нарративы, фреймы и концепты, программирующие с помощью масс-медиа общественное мнение), сидя за ширмой, показывает представление, а зрители вместо красиво украшенных расписных фигурок видят иссиня-черные тени (т.е. постправду вместо объективных фактов, тиражируемую СМИ). В отличие от реальной социально-политической жизни, в этом национальном театре зритель может заглянуть за ширму или вообще смотреть представление с другой стороны – со стороны даланга. Такой возможности лишены обыватели, не имеющие эксклюзивного доступа к информационным ресурсам и публичным дискурсам, «присвоенным» элитой.

Постдемократия конструируется на основе политтехнологий, эксплуатирующих дискурсы постправды, фейки, нарративные триггеры, и разумно учитывающих слепые пятна, «мёртвые зоны» человеческой психики - когнитивные искажения наподобие фундаментальной ошибки атрибуции, эвристики доступности или репрезентативности, психологические феномены вроде когнитивного диссонанса, механизмы психологической защиты, такие как проекция, идентификация, рационализация и т.д., а также перманентную

необходимость принимать решения, формировать мнение или точку зрения, особенно о социально-политической ситуации, на базе неполной, неverifiedируемой и зачастую искажённой информации, и на основе нечеткой логики.

Со временем метамодернизм как «преемник» постмодернизма будет способен дать постдемократии предположительно адекватный и актуальный ответ в виде совершенно новой формы демократии – метадемократии, чьи гипотетические черты можно попытаться сформулировать уже сейчас, например, активное участие т.н. «новых медиа» в осуществлении новых способов демократической репрезентации, трансформация форм и появление новых видов социальной активности как отдельных граждан, так и целых социальных групп и институтов гражданского общества, получивших новые рычаги воздействия на политическую сферу в частности, в связи с развитием и конвергенцией информационно-коммуникационных технологий, как следствие, распространением сетевых социальных движений, стремительным развитием электронной демократии, а также политических сетей как промежуточного звена между государством и гражданским обществом, совокупностью акторов, не объединенных в четкую иерархическую систему.

В определенной степени метамодернизм движется по пути деконструкции, имеющей мощный созидательный инклюзивный компонент: подвергая сомнению «сакральные тотемы» политики – авторитет и власть (делая акцент на антиавторитарности, деэлитизации и децентрализации власти), он способен создать для гражданина новые возможности деятельного участия в конструировании социально-политической реальности и принятии политических решений. Поэтому можно утверждать, что метамодернизм лишен каких-либо однозначно определенных опорных констант – скорее речь идет о множестве таковых.

Метамодернизм, как и постдемократия, вошел в политическое дискурсивное пространство в начале 21 века, хотя само понятие существовало и раньше. Фактически, он, являясь своеобразной точкой

равновесия между модерном и постмодерном, олицетворяет собой состояние промежуточности, «срединности», и может стать парадигмой глобального постиндустриального мира информационных технологий и масштабных политических изменений, которая сменит постмодернизм. Метамодернизм – это своего рода квантовая физика: он живет и развивается в потенциальной гиперреальной плюралистичности, множественности истин и смыслов, ризомоморфной неопределенности, т.е. номадизме и вероятностном детерминизме, являясь исследовательским феноменом, пригодным для систематизации, операционализации и концептуализации. В парадигму метамодернизма вписывается постправда, постирония, новая искренность, новый популизм и постдемократия, анализируемая, в том числе, с помощью постпозитивистской парадигмы; постмодерн представляется частью рекурсивной матрешки «метамодерна», который обладает своеобразной «нейронной пластичностью» - универсальной приспособляемостью: он реконструирует «под себя» некоторые дискурсы, принципы и характеристики предыдущих парадигм, модернизма и постмодернизма.

Рис.3.1 Тени фигурок Ваянг Кулита (прим. фотография автора исследования)

Рис. 3.2. Фигурки Ваянг Кулита как они есть (прим. фотография автора исследования)

Масс-медиа оперируют интерпретациями фактов, превращенных ими в абстрактные симулякры, наполняя их новым содержанием и воздействуя, в первую очередь, на эмоциональное восприятие аудитории. А. Грамши предложил теорию гегемонии, согласно которой основным инструментом государства помимо насилия является убеждение, которое способно максимально содействовать «согласию». Социум с приемлемым для власти уровнем «согласия» является продуктом гегемонии, которая основана на ненасильственном принуждении с помощью манипулятивной деятельности элит - лингвокультурного программирования, инвазии в массовое сознание соответствующих ценностей, императивов, нарративных схем и метафорических концептов, способных сформировать нужные для высших эшелонов власти установки, поскольку воздействует на «культурное ядро» в осуществлении этих «молекулярных» процессов, подразумевающих постепенную реконструкцию и реструктуризацию социального менталитета или его полную деконструкцию с последующей «сборкой». Выражаясь метафорически, гегемония – это когда овца сама идет на заклание, считая это

отличным решением, полностью выражающим ее интересы и решающим ее проблемы наиболее оптимальным способом. Ибо такова мощь Идеи, сформированной нужным языком и правильными образами. Люди, вдохновленные соответствующими нарративами, способны на все, включая самопожертвование и насилие по отношению к другим.

Гегемония, фактически, - «старшая сестра» постправды. Й. Геббельс четко понимал, как она работает: «Ложь, повторенная сто раз, становится правдой». И она ощутимо перекликается с индонезийским теневым театром Ваянг Кулит, в котором кукловод говорит голосами персонажей, а они, существуя в своем гиперреальном мире «фата морган», кишасим симулякрами, полагают, что их мысли принадлежат исключительно им, а не были внушены кем-то другим.

Постправда по характеру своего манипулятивного воздействия, способов и механизмов, использующихся в рамках данной технологии, сходна с пропагандой и агитацией – она взяла «все самое лучшее» из опыта тоталитарных государств по конструированию общественного мнения и гражданского согласия. Стоит, однако, заметить, что «общественное мнение» - конструкт, который можно использовать в аналитике, но с небольшой натяжкой: сложно оценить адекватность и объективность статистических опросов и иных мероприятий по выявлению доминирующих в социуме мнений в связи со «спиралью молчания» - психологическим эффектом, чья суть была сформулирована Э. Ноэль-Нойман в результате наблюдений за электоральной активностью в Германии. Итак, феномен «спирали молчания» заключается в том, что люди, опасаясь быть подвергнутыми социальному ostracismу, боясь оказаться в изоляции, предпочитают открыто не высказывать свое мнение и пассивно соглашаться с большинством¹⁰², причем понятие о том, что думает «большинство», навязываются им публичными дискурсами средств массовой коммуникации. Масс-медиа способны

¹⁰² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания/ Э. Ноэль-Нойман. – М.: Прогресс-Академия, 1996. – С. 40

искажать факты намеренно, например, формируя у большинства представления о том, что они меньшинство, заставляя граждан верить в явную ложь, не подкрепленную весомыми доказательствами, осуществляя психологический прессинг, на который возникает инстинктивная защитная реакция – молчание, согласие с позицией тех, кого индивид опасается, забывая о том, что у него есть собственные убеждения и собственный голос. Имплоссия – страх утраты идентичности – оказывается менее пугающим, чем общественное порицание.

Ввиду распространения сети Интернет люди начинают «тонуть» в информации, становясь жертвами так называемой «медиабулимии» - будучи пресыщенными огромным количеством данных, они воспринимают их все менее объективно, становится сложнее отличать правду от сконструированных профессионалами суррогатов-симулякров. Постправда акцентирует внимание на ярких экспрессивных метафорических концептах и нарративах, вызывающих у граждан интенсивный эмоциональный отклик, «затмеваящий» доводы рассудка о возможной лживости медиаконтента, «завернутого» в красивые, интересные и эффектные метафоры. Фактически, это суть «театра жестокости» А. Арто. Он писал о «страстном магнетизме образов», способных шокировать, удивить, вызвать бурную реакцию у зрителя, наслаждающегося «спектаклем искушения». Театр, считал он, должен ставить под сомнение все аспекты объективного мира, да и внутреннего мира индивида тоже¹⁰³. Его театр похож на то, что разворачивается в средствах массовой информации, подчиненных постправде, - у людей вырабатывается эмоционально-психологическая зависимость от масс-медиа и Интернета, вследствие чего ими все легче манипулировать. Доходит до абсурда – индивиды начинают сомневаться в реальности того, что не репрезентировано в СМИ, которые инсценируют смыслы, симулируют коммуникации, согласно Ж. Бодрийяру, а также,

¹⁰³ Арто А. Театр и его двойник. / А. Арто. - М.: Мартис, 1993, с. 100.

заваливая истину тоннами лживых фактов, уничтожают реальность, поскольку практически невозможно отследить источник информации и проверить ее достоверность. Он писал о «полицейской глобализации», об усилении контроля государства над гражданами, который благодаря развитию СМК приобрел ранее немыслимый масштаб. СМИ уподобляются Уроборосу (змею, пожирающему свой хвост), симулируя реальность ради рекуррентного порождения симулякров.

Количество политических программ на российском телевидении увеличивается, как и идеологически окрашенной популистской демагогической риторики, которая превалирует над объективным, непредвзятым, политически нейтральным изложением фактов и событий. Вместо этого дикторы нередко замещают спокойную компетентную аналитику субъективными оценочными суждениями, ироничной, даже насмешливой критикой деятельности зарубежных политиков, отдающей скоморошеством. Таким образом, происходит переориентация на те проблемы, на которые высшим эшелонам власти требуется отвлечь внимание граждан. Политизация СМИ – уже не тренд, а данность. Технология постправды, используемая политическими акторами, связана с социальными процессами легитимации и делигитимации, осуществляющимися в «символическом пространстве».

Социальные медиа внесли масштабный вклад в развитие институтов и новых форм демократической репрезентации, в том числе внеинституциональных, но развитие информационного общества индуцировало также и новые возможности для осуществления манипуляций и программирования общественного мнения с помощью политтехнологий, включая генерирование фейков, вплетаемых в дискурс постправды. Метамодернизм, дополняющий постмодернизм, по крайней мере, способен дать «оружие» для борьбы с постдемократией, с помощью информационно-коммуникационных технологий дать голос тем, кто был его лишен, или кто «говорил» недостаточно «громко», чтобы быть услышанным – например, как

миноритарные этнические и культурные группы, так и конкретные индивиды (от одиночных эко-активистов до правозащитников). В метамодернизме солидарность, в том числе и гражданская, - например, трансконтинентальная и транснациональная, - выстраивается по образу автопоэтической системы, оперативно реагирующей на триггерные точки общества (в том числе и глобального), на возникновение и рецидивы социально-политических «недугов». Государство в перспективе может использовать дискурсы не только постмодернизма, но и метамодернизма для культивирования такой солидарности, для конструирования ее в качестве гибкого адаптивного нарратива (метанарратива) и вписывания в нормативные контуры гражданской идентичности.

Характеризуя постдемократию, К.Крауч упоминает также и о возрастающей роли транснациональных корпораций в политике вплоть до того, что некоторые крупные постдемократические государства вроде США как во внешней, так и во внутренней политике реализуют именно интересы ТНК, и именно они контролируют «свободный рынок», монополизировав его. Фактически, речь идет о формировании наднационального, надгосударственного мирового правительства, во главе которого стоит бизнес-элита с учетом того, что мегакорпорации и так представляют собой государства «в миниатюре», содержат собственные армии (например, частные военные компании), спецслужбы, подразделения разведки и контрразведки, владеют наукоемкими производствами, в том числе и оружия, ввиду диверсификации обладают масштабным инструментарием для экономического и финансового давления на институты государства и общества. Они напрямую заинтересованы в «цветных революциях» и постдемократических режимах, финансируя выгодные им социально-политические оппозиционные движения, «независимые СМИ» и осуществляя государственные перевороты при поддержке «третьих лиц» - от преступных организаций, занимающихся торговлей наркотиками и оружием, до наемников и террористических организаций.

Принципиальным, крайне существенным моментом, не указанным К. Краучем в его описании концепции постдемократии, но логически выводимым из нее является свойственная некоторым современным демократическим государствам:

- 1) архаизация общественных отношений и политической сферы;
- 2) традиционалистская регрессия, «откат» к патримониализму;
- 3) регрессия к олигархическому неототалитаризму/постаталитаризму/авторитаризму под бюрократически-корпоративным управлением при сохранении внешних признаков демократического режима.

Таким образом, существует три варианта деформаций демократических политических режимов, которые отличаются вариативностью.

Автор считает целесообразным сделать важное замечание относительно сути постдемократии, проливающее суть на ее кажущуюся концептуально-коннотативную и семантическую неоднозначность и противоречивость. Постдемократия – это не новый тип политического режима, а широкое постпозитивистское аналитическое понятие, обобщающее воздействие глобализационных процессов на демократические государства, функционирующие в социально-политической и экономической парадигме постиндустриального общества развитых информационно-коммуникационных технологий с существенным влиянием на политические процессы частных корпораций, включая ТНК.

Стоит упомянуть также две перспективные современные модели демократии, кое-что из которых вполне можно заимствовать для совершенствования нашей российской демократической системы и конструирования гражданской нации ввиду их опоры на солидарность.

Партиципация как теория и практика совместного действия зиждется на высокой социальной ответственности, проистекающей из потребности граждан артикулировать свои интересы и чужие – как свои. Это наиболее эффективная форма гражданского участия. Б. Барбер отмечает, что

«демократия – это не столько правление народа или правление масс, сколько правление образованных граждан»¹⁰⁴. Современные демократии, сохраняя все свои внешние атрибуты, постепенно выхолащиваются, о чем было сказано выше. Теория партиципаторной демократии, демократии участия тесно связана с развитием гражданского общества и парадигмой новых социальных движений, порождающих уникальные модели коллективного поведения из единичных поступков, растиражированных СМИ. Героизм одного через социальные сети и Интернет вдохновляет тысячи. Акты насилия, совершаемые он-лайн, в прямом эфире, например, публичные казни, устраиваемые радикальными исламистами, являются порождениями миметического, подражательного насилия и провоцируют новый виток агрессии и жестокости.

Партиципация – это:

1) соучастие, причастность, интеграция личности в определенное сообщество, семью, группу, в том числе, этническую, или в государство, принятие идентичности, разделяемой данной группой, «правил игры», ощущение взаимосвязанности с ее членами, групповой солидарности;

2) культура соучастия, причастности к принятию политических решений как одно из фундаментальных оснований гражданского общества, гражданской нации;

3) производство культурных практик, культура совместной деятельности, создания новых идей, смыслов, концепций, обмена информацией, поддержки инициатив и проектов, реконструирования общества и парадигм мышления, в котором может принять участие каждый.

Т. Фотопулос выделяет три элемента инклюзивной демократии (демократии участия): экономический, социальный и политический.

«Создание общественного пространства на политическом уровне само по себе окажет существенное влияние на снижение привлекательности

¹⁰⁴ Barber B. Participatory Democracy// Encyclopedia of Democracy. N.Y., 1995. Vol. 3. P. 923

материализма. Это связано с тем, что общественное пространство обеспечит новый смысл жизни, чтобы заполнить экзистенциальную пустоту, которую создает нынешнее общество потребления»¹⁰⁵. Т. Фотопулос предлагает концепцию развития общества, основанную на солидарности, уважении друг к другу и окружающей среде, что немаловажно и что хотелось бы интегрировать в дискурс российской гражданской солидарности. Также он критикует олигархическую рыночную экономику, в которой ресурсы сосредоточены в руках меньшинства, что вписывается в концепцию постдемократии.

С. Московичи в монографии «Век толп» писал о том, что «погружение в толпу» приводит к параличу инициативы и обезличиванию умов, каждый из людей по отдельности разумен и логичен, но, подвергаясь воздействию коллектива, способен на любые сумасбродства¹⁰⁶. Однако, помимо стихийно образующихся толп существуют и организованные, обладающие структурой и дисциплиной – это церковь, армии, политические партии¹⁰⁷. Можно отнести к ним и террористические организации, «специализирующиеся» на массовом насилии и базирующиеся на мощных, основанных на религиях идеологиях, оказывающих мощное воздействие на лабильную, поддающуюся внушению психику и людей с высоким уровнем когнитивной ригидности.

Консоциальная модель демократии, предложенная А. Лейпхартом, описывает общество как совокупность обладающих значительной степенью автономности разнородных сегментов, дифференцирующихся по этнокультурным, конфессиональным, идеологическим, территориальным, лингвистическим и другим признакам. Согласно его модели, у каждого

¹⁰⁵ T. Fotopoulos. Towards An Inclusive Democracy. The Crisis of the Growth Economy and the Need for a New Liberatory Project (London/New York: Cassell Continuum, 1997). – P. 214 «At the political level, there are grounds for believing that the creation of a public space will by itself have a very significant effect in reducing the appeal of materialism. This is because the public space will provide a new meaning of life to fill the existential void that the present consumer society creates».

¹⁰⁶ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс/ С. Московичи, СПб: Академический проспект, 2011. – с. 24

¹⁰⁷ Там же. С. 56.

сегмента есть свой политический лидер, и данная демократия есть ни что иное как осуществление власти коалициями этих самых лидеров, представляющих интересы определенной группы, с правом взаимного вето. При этом провозглашается «пропорциональность как главный принцип политического представительства»¹⁰⁸.

Для конструирования сплоченной гражданской нации требуется интенсифицировать процессы вовлечения рядовых граждан в принятие актуальных политических решений, расширить перечень форм и способов общественного участия в государственных делах и предоставить больше возможностей для продуктивной реализации гражданских инициатив. Это один из способов формирования коллективной идентичности, основанной на солидарности, наряду с деятельностью средств массовой информации по репрезентации когнитивных структур дискурса гражданской нации. Следует параллельно стремиться ликвидировать антисистемный дезинтеграционный потенциал некоторых неинституционализированных форм гражданского участия, которые способны активизировать сепаратистские настроения, создавать нелегальные секты и организации, в том числе и террористические, но при этом не подавлять либеральную оппозицию, а привлекать ее к решению проблем.

¹⁰⁸ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах/ А.Лейпхарт, 1997. – Аспект Пресс, с. 189

3.2. Конструирование гражданской солидарности российскими средствами массовой информации в парадигме постдемократии и глобализации

В активно трансформирующихся постдемократических обществах, чьими сущностными характеристиками является, по К. Краучу, эрозия традиционных демократических институтов, выходят на первый план новые формы социального движения как результат стремления граждан продуктивно артикулировать свои интересы и решать наболевшие социально-экономические проблемы с помощью прямого воздействия на государство или в обход него. Политическая активность в положительном смысле «мутировала», что отмечает П. Розанваллон, называя данные тенденции «контрдемократическими»: «в определенном смысле это демократическая жизнь без посредников»¹⁰⁹. Власть перестает быть прерогативой исключительно органов государственной власти, становясь всепроникающей, «древообразной», также, используя терминологию Ж. Делеза и Ф. Гваттари, можно назвать ее «ризоморфной» или децентрализованной.

При этом электоральный абсентеизм - не индикатор снижения интереса граждан к участию в процессе принятия политических решений, а напротив свидетельствует в пользу утраты эффективности институтами представительной демократии, своего рода усугубляющейся «импотенции» демократии, а также растущей продуктивности как институтов гражданского общества, так и неинституциональных форм гражданского участия.

К ним можно с уверенностью отнести:

1) деятельность неправительственных организаций различной направленности, решающих проблемы, некогда находившиеся в ведении государства;

¹⁰⁹ Rosanvallon P. Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 1–27

2) флэшмобы в социальных сетях, вызывающие широкий общественный резонанс;

3) использование интернет-площадок для распространения петиций, информации о случаях нарушения прав человека и гражданина, противозаконных действиях, актах насилия, благодаря чему государство вынуждено вмешиваться в данные ситуации вместо того чтобы игнорировать их;

4) благотворительные акции на общественных началах;

5) экологические, этнокультурные, спортивные, правозащитные движения и движения по популяризации науки и искусства, в поддержку политзаключенных, против гендерной, расовой, конфессиональной и иных видов дискриминации, в том числе и возникающие стихийно в качестве реакции на какую-либо проблему, находящуюся – несознательно либо намеренно - вне фокуса внимания институтов государства, существующие на некоммерческой основе, идейно мобилизованные.

6) одиночные пикеты и единичные поступки (например, сбор средств на лечение больных детей, на финансирование некоммерческих приютов для животных и т.д.) в духе гражданской солидарности, наглядно иллюстрирующие готовность рядовых граждан помогать друг другу в трудных ситуациях, которые массово освещаются в СМИ благодаря повсеместной доступности информационных технологий, повлиявших на возникновение новых форм гражданской солидарности, гражданского участия.

На государственном уровне, в первую очередь, следует избавиться от агрессивной политической пропаганды, окрашивающей патриотизм в кровавые милитаристские тона, от апологии войны и антигуманного дискурса «можем повторить» (подразумевая победу в Великой Отечественной и во Второй мировой войне), а также по возможности избегать использования военно-патриотического дискурса в СМИ и менять его на нейтральный дискурс гражданской солидарности.

Когда индивиду трудно достичь желаемого социального статуса, занять место в обществе, идентифицировать себя в социальной системе (рессентимент), он начинает искать утешения в коллективной идентичности, что продуцирует конформизм, участие в религиозных сектах, экстремистских движениях, террористических организациях, бандитских группировках. Сакрализация политического насилия происходит из так называемого «миметического кризиса», описанного Р. Жираром в монографии «Насилие и священное». Коллективное насилие является следствием подражания, усвоения деструктивных поведенческих моделей, транслируемых определенными социальными группами и отдельными лицами, в том числе, в интернет-пространстве, в котором оно распространяется, как вирус. Корень бытового этнического насилия – низкий уровень интеллектуального развития и отсутствие критического мышления, чем пользуются заинтересованные лица, превращая невежество некоторых представителей конкретной этнической группы в реальную политическую силу.

Б. Барбер в своем труде «Джихад против макмира»¹¹⁰ рассматривает две тенденции развития глобального общества:

1) «джихад» (интенсификация, разрастание радикальных религиозных движений, увеличение количества террористических организаций, рост этносепаратистских настроений, способных привести к сецессии);

2) «макмир» (интеграционные процессы, унификация культур, постепенное стирание государственных границ, деградация национальных государств, власть транснациональных корпораций, таких как «Макинтош» и «МакДональдс», выражающих неприглядную суть капитализма и общества потребления)¹¹¹.

¹¹⁰ Barber, Benjamin. 1995. «Jihad Vs McWorld» in Braving the New World: Readings in Contemporary Politics, pp. 17-27.

¹¹¹ Там же. Р. 19 «Four imperatives make up the dynamic of McWorld: a market imperative, a resource imperative, an information-technology imperative, and an ecological imperative. By shrinking the world and diminishing the salience of national borders, these imperatives have in combination achieved a considerable victory over factiousness and particularism, and not least of all over their most virulent traditional form – nationalism». («Четыре императива составляют динамику «макмира»: рыночный

В парадигме «джихада» он определяет войну не как инструмент политики, а как «an emblem of identity, an expression of community, an end in itself» («...как символ идентичности, выражение общности, самоцель»).

«“Джихад” – богатое (по смыслу) слово, общим значением которого является борьба души для предотвращения зла. Строго применяемое к религиозной войне, оно используется только по отношению к битвам из-за нападков на веру или против правительства, отрицающего ислам»¹¹².

Резюмируя вышесказанное, Б. Барбер пишет, что «джихад» привел к крушению цивилизованности, гражданственности во имя идентичности.

Возвращаясь к постдемократии, следует упомянуть, что ее генезис напрямую связан с истощенностью демократии как таковой, поскольку постдемократия – это, безусловно, продукт глобализации, результат перехода от индустриального общества к информационному постиндустриальному, также как и «джихад» с «макмиром», «процветающие» не в последнюю очередь благодаря постдемократиям. Глобальные процессы индуцировали масштабную постдемократическую реконфигурацию геополитического пространства.

Гражданская солидарность хороша тем, что отчасти является автопоэтической системой – она способна воспроизводить сама себя, и сама же себя репрезентировать в средствах массовой информации.

Для конструирования сплоченной гражданской нации требуется интенсифицировать процессы вовлечения рядовых граждан в принятие актуальных политических решений, расширить перечень форм и способов общественного участия в государственных делах и предоставить больше

императив, ресурсный (включающий материально-технические ресурсы, интеллектуальный и символический капитал – прим. авт.), информационно-технологический и экологический. Сжимая мир в рамках, уменьшая значимость национальных границ, эти императивы в совокупности добились победы над фрагментарностью мира и партикуляризмом, и не в последнюю очередь над его опасной формой – национализмом»)

¹¹² Barber, Benjamin. 1995. «Jihad Vs McWorld» in *Braving the New World: Readings in Contemporary Politics*, p. 24 «"Jihad" is a rich word whose generic meaning is struggle of the soul to avert evil. Strictly applied to religious war, it is used only in reference to battles where the faith is under assault, or battles against a government that denies the practice of Islam».

возможностей для продуктивной реализации гражданских инициатив. Это один из способов формирования коллективной идентичности, основанной на солидарности, наряду с деятельностью средств массовой информации по репрезентации когнитивных структур дискурса гражданской нации.

Следует параллельно стремиться ликвидировать антисистемный дезинтеграционный потенциал некоторых неинституционализированных форм гражданского участия, которые способны активизировать сепаратистские настроения, создавать нелегальные радикальные секты и организации, в том числе и террористические.

Далее рассмотрим основные тенденции глобализации, оказывающие первостепенное влияние на формирование текущей социально-политической обстановки в России и гражданской солидарности.

Таблица 3.9

Воздействие глобализационных процессов на социально-политическую обстановку в мире выражается в следующем:
1) происходит формирование интернациональной космополитической парадигмы социокультурного и этноконфессионального развития, предполагающей сохранение уникальности культур и этнических групп, их массовую популяризацию в связи с интенсивным развитием и совершенствованием телекоммуникационных технологий и все большего охвата планеты сетью Интернет наряду с параллельным формированием глобального общества на основе внеполитических гуманистических ценностей;
2) осуществляется постепенная (частичная) интеграция государственных экономик в единую экономическую систему, функционирующую на основе неолиберализма;
3) увеличение степени самостоятельности отдельных регионов (особенно регионов-локомотивов), подъем националистических и сепаратистских настроений, интенсификация международного

сотрудничества между региональными государственными структурами разных стран, а также между отдельными городами, реализующими программы экономического и социокультурного сотрудничества;
4) выход на глобальный уровень локальных террористических организаций, расширение сфер их влияния, увеличение количества средств продвижения своих идей, возможностей для вербовки сторонников, агитации и поиска источников финансирования (т.е. произошла их коммерциализация, их методы все более становятся похожими на продвижение брендов в связи с использованием современных пиар-технологий) вследствие глобального распространения информационных технологий, формирование наряду с транснациональными корпорациями транснациональных преступных группировок, синдикатов и наркокартелей, глобальное распространение этнических ОПГ (якудза, Триада, русская мафия, кавказская и т.д.);
5) параллельный рост солидарности и уважения к другим этносам, конфессиям и культурам наряду с эскалацией межэтнических и межконфессиональных противоречий как на региональном, так и федеральном уровне;
6) развитие информационных технологий индуцировало генезис такой политехнологии, как постправда, которая стала популярным и крайне эффективным инструментом формирования положительного имиджа или, наоборот, дискредитации политических деятелей, а также представителей корпоративных элит путем распространения ложной, на вид неотличимой от правды, информации, включая фейковые видеоролики и интервью (благодаря искусственным нейронным сетям можно подделать не только голос какого-либо человека, но также и снять фальшивое видео);

- 7) возрастающая прозрачность частной жизни политиков и работников государственных организаций благодаря сети Интернет, естественно, не существовавшая в СССР, а также крупные коррупционные скандалы последних лет наряду со сращиванием государственных и корпоративных структур, передачей государством части своих функций частной сфере (экспоненциальное увеличение количества частных платных школ, детских садов, кружков и секций, клиник, юридических организаций) и коммерциализацией сферы предоставления социальных услуг подорвали доверие простых граждан к политике государства, а политическая власть становится более децентрализованной, усугубляется дистанцирование властей от граждан, их нужд, проблем, возникает дисфункция обратной связи;
- 8) формирование новой мировоззренческой парадигмы – наряду с локальной коллективной идентичностью, которая может быть этнической, религиозной, социокультурной одновременно, существует и общегражданская, а глобализация, в свою очередь, индуцировала массовую популяризацию еще одного типа идентичности: глобальной, космополитической, которая получила свое распространение и в России – все больше молодежи предпочитает путешествовать по всему миру и идентифицировать себя не только как граждан России, россиян, но и как граждан мира, несущих ответственность за происходящее в мире, как следствие, развивается интернациональное волонтерство, возрастает популярность международного сотрудничества в образовательной сфере, люди предпочитают менять место жительства не только в пределах своей родины, но и в других государствах, при этом не теряя гражданской идентичности, осознания себя как граждан Российской Федерации. Национальная этническая идентичность в условиях глобализации меняется, приспосабливается к новым

реалиям, развиваясь в полиэтническую, трансэтническую (близкую к космополитической);
9) формирование нового феномена социальной жизни – «глокализации» (Р. Робертсон), что означает динамическую взаимосвязь и взаимообусловленность локальных и глобальных процессов, локализации и глобализации (не только в едином экономическом пространстве, как, например, в Европе).
10) возрастание роли наднациональных организаций (ВТО, НАТО, ЕС и т.д.) как таковых, а также решающих проблемы как мирового масштаба, так и локальные (например, глобальные волонтерские организации, решающие экологические, экономические, социальные проблемы, в том числе стран третьего мира, занимающиеся сохранением этнокультурного разнообразия, памятников культурного наследия наряду с официальными организациями, такими как ООН, ВОЗ, ЮНЕСКО и транснациональными корпорациями, также реализующими благотворительные программы).
11) возрастание значимости политических сетевых коммуникаций в глобальном пространстве и в пределах государств. Сети, по трактовке М. Кастельса¹¹³, представляют собой структурно-функциональную совокупность узловых компонентов, чье содержание является ситуационно детерминированным. Политические сети – комплекс взаимоотношений, взаимодействий между политическими государственными и общественными институтами¹¹⁴.
12) переформатирование традиционного понимания профсоюзов ввиду размывания рабочего класса и изменения структуры занятости, возникновение новых форм продуктивного коллективного

¹¹³ Кастельс М. Становление общества сетевых структур// Новая постиндустриальная волна на Западе: антология/ под. ред. В.Л. Иноземцева.- М.: Academia, 1999, с. 495-496.

¹¹⁴ Rhodes R. Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflectivity and Accountability. – Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 1997, p. 97

представительства интересов.

О глокализации пишет и Э. Гидденс¹¹⁵. Он считает, что главным «камнем преткновения» в глобальном обществе станет противостояние между фундаментализмом и космополитической толерантностью.¹¹⁶

Социально-политическая фрагментация, кризис неолиберализма, систематическое ослабление институтов демократических государств, возвращение от парадигмы эгалитаризма к элитаризму, возрастающая проницаемость территориальных границ, интернационализация экономики, этнокультурная и конфессиональная гетерогенность мегаполисов с кварталами-гетто, фавелами, шанти-таунами, населенными зачастую маргинализированными и трайбализированными этническими меньшинствами или слоями населения, находящимися за чертой бедности, социальная рестратификация и политическая нестабильность, индуцированная массовыми миграциями, межэтнической напряженностью, выливающейся в акты насилия, а также деструктивная деятельность террористических организаций, которые с большой степенью вероятности спонсируются бизнес-элитами или даже представителями высших эшелонов власти, - все эти явления, по сути, последствия глобализации, выгодные транснациональным корпорациям, что напрямую свидетельствует об актуальности концепции постдемократии и объективности существования тех типов угроз, о которых сигнализируют ее дискурсы.

Постдемократия предполагает значительный, даже критический уровень социальной неопределенности, психологически угнетающий и физически усложняющий повседневную жизнь граждан, которые приходят к пониманию, что государство не в состоянии продуктивно представлять их интересы и все более ориентируется на интересы мегакорпораций, бизнес-лобби, а также передает свои функции частному сектору.

¹¹⁵ Giddens A. The consequences of modernity. - Cambridge, 1990. - p. 64

¹¹⁶ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь/ Э. Гидденс. – М.: Весь Мир, 2004. – 31 с.

Вследствие этого происходит трансформация политической активности: индивиды активно ищут способы отстаивания своих интересов и народного суверенитета, реализации законных прав – этим объясняется интенсивное развитие гражданского общества, политических сетей, внеинституциональных форм гражданского участия и механизмов контрдемократии (т.н. «демократии косвенной власти», дисперсной, рассеянной в обществе) как результата делегитимации, организованного выражения институционального политического недоверия, а также поиск продуктивных как транснациональных, космополитических форм объединения в атомизированном (по выражению З. Баумана – «индивидуализированном») социуме, так и субнациональных. Вспомним концепцию «сатьяграха», разработанную М. Ганди, который был вдохновлен философией Л.Н. Толстого. Сатьяграха подразумевает ведение ненасильственной борьбы за социальную справедливость, гражданское неповиновение, включающее принятие страданий и ахимсу – непричинение вреда.

Ввиду вышеперечисленного экспоненциально растет значимость грамотного этнополитического государственного регулирования отношений между мажоритарными и миноритарными группами как на региональном, так и на федеральном уровне, а также формирование универсального комплекса общегражданских ценностей, основанных на примате гражданско-правового дискурса и солидарности.

В российских средствах массовой информации представлены некоторые сегменты солидарности, рассмотренные во второй главе работы, а именно историко-патриотическая и этноконфессиональная солидарность. Отечественные СМИ предпринимают множество усилий для пропаганды патриотизма, стоит, например, вспомнить ежегодный конкурс «Патриот России», проводимый Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям при поддержке Роспечати с участием Минобороны Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов РФ,

Союза журналистов России, который призван выявить лучшие статьи патриотической тематики, опубликованные в печатных и электронных СМИ, а также акцию «Россия – это я!», приуроченную к годовщине вхождения автономной республики Крым в состав Российской Федерации.

В определенной степени тенденции развития постдемократии и вышеперечисленные глобализационные процессы оказали несомненное воздействие на российский политический режим, а черты и признаки постдемократии в разной степени, но, так или иначе, характеризуют российскую социально-политическую реальность, достоинства и недостатки государственной политики. В данный момент автор исследования делает акцент на изменении национальной мировоззренческой парадигмы: граждане становятся более открытыми глобальным социокультурным процессам и положительно воспримут идею гражданской солидарности как основополагающую для строительства гражданской нации.

В главе 2 «Фундаментальные концепты националистического дискурса» был подробно описан процесс конструирования конфликтов средствами массовой информации путем тиражирования метафор националистического дискурса, направленного на разжигание вражды между не только между этническими группами, но также и целыми нациями в их гражданском понимании. Если трактовать политику как искусство разрешения конфликтов, а также управления ими, возникает вопрос о том, как именно следует бороться с этноцентристским дискурсом вражды, сепаратизма и этнического превосходства, который обладает неиссякаемым манипуляционным потенциалом, способным трансформировать социально-политическую реальность в угоду заинтересованным лицам, от политической элиты до бизнес-лобби.

Коннотативные сепарационные характеристики термина идентичность семантически отделяют ее от солидарности, к тому же, практическая направленность у них абсолютно различна: если функция первой – категоризация, то второй – консолидация. Идентичность подразумевает

параллельное диахронное и синхронное тождество, основанное на стабильности, именно по этой причине она неадекватна для использования в процессуальном анализе, а также обязательное выстраивание бинарной дихотомии «свой»-«чужие», отделение себя от «чужих» и механическую идентификацию, соотнесение со «своими», не подразумевающее по смыслу активной деятельности. Солидарность, в отличие от толерантности и идентичности, не несет в себе с точки зрения семантических свойств конфликтогенного потенциала, в ней не заложена «бомба социальной атомизации» и «штамм социальной разобщенности». Тем не менее, идентичность может выступать фундаментом солидарности, которая, в свою очередь, способна нивелировать противоречивые характеристики данного понятия и эффективно использовать его положительные стороны.

Идентичность в эпоху постмодернизма, постдемократических метаморфоз и глобализации претерпевает коренные изменения. В ранней формулировке К. Леви-Стросса идентичность выступает в качестве своего рода «виртуального центра» или, как сейчас можно сказать, «бота», к которому можно обратиться для конкретизации парадигматических вопросов социальной идентификации, но которого в реальности не существует.

Из эссенциалистской категории, очерчивающей однозначную принадлежность индивида к какой-либо группе (социальной, этнической, профессиональной и т.д.), в том числе в целях более удобного управления гражданами институтами общества и государства, она постепенно превратилась в многослойную, достаточно самостоятельную постмодернистскую структуру, которой свойственны:

- 1) множественность и фрагментарность (идентичностей у индивида может быть не одна и не две, они пересекаются, взаимно дополняют друг друга, иногда конфликтуют);

- 2) исключительная субъективность (ранее в примордиалистской парадигме идентичность, как и этнос, понималась как нечто реально существующее, исторически и культурно детерминированное, гомогенное и

имеющее четкие границы, теперь она воспринимается как дискурсивный конструкт, результат субъективного выбора);

3) перманентная изменчивость (идентичность вследствие когнитивной гибкости и смены господствующих в социуме парадигм меняется, как социальный статус, профессия, конфессиональная или даже национальная/этническая принадлежность).

Ввиду всего вышесказанного термин «идентичность» нецелесообразен для использования в серьезной аналитической работе, и его необходимо заменить на солидарность путем постепенного преобразования семантических и семиотических коннотаций данного понятия и инклюзивного включения его компонентов в солидарность.

Идентичность - многокомпонентный концепт, состоящий из базового слоя и окружающих его слоев, равнозначных по уровню абстракции.

Автором данного исследования было выделено десять основных компонентов идентичности (которая может быть как групповой, так и индивидуальной) в результате обобщения множества различных классификаций.

Таблица 3.10.

Сегменты идентичности	
Статусно-ролевая идентичность	
1)	социально-стратификационная (включающая самоидентификацию индивида с определенным статусом в социальных структурах и соотнесением себя с конкретной группой, организованной по семейно-родственному, возрастному или иному принципу, социальным институтом);
2)	поколенческая (разделение ценностей, наличие когнитивно-поведенческих особенностей и мировоззренческой парадигмы, характеризующей людей, родившихся в определенный промежуток времени, например, «поколение 90-х», «битники», «миллениалы», и

более общее разделение на «советские» (включая «довоенное» и «послевоенное») и «постсоветские» поколения и т.д.»);
3) профессиональная (а также корпоративная, свойственная для обществ с жесткой иерархией и наличием крупных корпораций (США, Япония), в том числе и тех, в которых наблюдается преемственность, а сами компании организованы по «семейному типу» с пожизненной занятостью работников).
Гендерно-сексуальная идентичность
1) гендерная идентичность (внутреннее самоощущение личности как представителя конкретного пола вне зависимости от биологических характеристик);
2) сексуальная идентичность (включает в себя индивидуальные сексуальные предпочтения личности и выбор ориентации).
Экзистенциальная идентичность – ассоциирование личностью себя с людьми, репрезентирующими разделяемую ею мировоззренческую парадигму, т.н. «единомышленниками».
Религиозная идентичность - самоидентификация, отождествление личностью себя с представителями определенной конфессии, вероисповедания, соблюдающими религиозные догмы, традиции, разделяющими общие символы конкретной религии (православная, исламская, католическая, буддистская идентичность и пр.)
Гражданско-политическая идентичность
1) гражданская (национальная) идентичность (осознание индивидом себя как гражданина государства, уважающего его законы, символы, историко-культурное наследие; в моноэтническом государстве тождественная национальной идентичности);

2) политическая идентичность (интериоризация индивидом ценностей политической культуры, принятой в конкретном обществе, осознание себя как субъекта политического процесса, наличие сформированной позиции в отношении политических институтов)
Территориальная идентичность - ассоциирование индивидом себя с людьми, проживающими в его городе/деревне/регионе/стране. Может быть локальной (региональной) и федеральной.
Идеологическая идентичность - приверженность конкретному комплексу идей, формирующих идеологию (имперская, коммунистическая, фашистская и т.д.)
Этническая идентичность - осознание индивидом своей принадлежности к определенному этносу/нации/расе.
Культурная идентичность - идентификация индивидом себя как представителя определенной культуры.
Цивилизационная идентичность - осознание индивидом, этногруппой, религиозной группой или государства своей принадлежности к определенной цивилизации.

Таблица 3.11.

Лексемы к понятию «идентичность»
Тождественность
Подобие
Одинаковость
Равнозначность
Равноценность
Равенство
Единство

В статье «Цивилизационная идентичность России как вектор современной государственной политики» авторы утверждают, что произошел методологический поворот от дискурса этнонационального к цивилизационному и постулируют необходимость формирования государственной политики на основе цивилизационной идентичности Российской Федерации¹¹⁷. В.А. Ачкасов отмечает, что именно культурная идентичность является фундаментом легитимации современных государств-наций, а этническая и национальная идентичности до сих пор существуют в бинарной оппозиции, будучи противопоставленными друг другу¹¹⁸.

В статье «Обще происхождение, общая сила или общая жизнь: меняющийся пейзаж национализма» трактовка национальной идентичности представлена в парадигме конструктивизма: «Socio-territorial psychic constructs, such as national identities, are perhaps the most important psychic phenomena for political science»¹¹⁹. Эмоциональная привязанность к местности/региону всегда была близка к ценностям патриотизма, утверждает автор. «Предполагается, что содержание национальной (гражданской) идентичности соответствует интересам и политическим целям общества, для которого она была сконструирована».¹²⁰

Особняком от классификаций идентичности стоит теория нарративной идентичности, которую сформулировал П. Рикер в своей монографии «Я-сам как другой».

Нарратив – термин, широко употребляемый в когнитивной лингвистике, политической метафорологии, психологии, философии

¹¹⁷ Алибегиллов Ш.А. Цивилизационная идентичность России как вектор современной государственной политики/ Алибегиллов Ш.А., Волков В.А.// Управленческое консультирование. – 2016. - №5. – С. 20-21

¹¹⁸ Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичность в обществе модерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2012.Сер. 6. № 1 – С. 85, 88.

¹¹⁹ Koos A.K. Common Origin, Common Power, or Common Life: The Changing Landscape of Nationalisms/ A.K. Koos. Open Journal of Political Science 2012. Vol.2, No.3, p. 45 «Социально-территориальные психические конструкции, такие как национальные идентичности, являются, пожалуй, наиболее важными психическими явлениями для политической науки»

¹²⁰ Там же. Р.48 «The content of national identity is rightly expected to be functional for the interests and political goals of the collectivity for which it has been elaborated, while the salience of national identity»

постмодерна, его можно рассматривать как последовательность изложения фактов и событий в произведении, как способ изложения, как структуру, на которой основан сюжет, модель, которая является фундаментом сюжета. Можно трактовать дискурс как комплекс смыслов, создающих однородную картину реальности, сумму текстов, высказываний, создающих картину сегмента мира, а нарратив, наполненный метафорами, как инструмент конструирования дискурса.

Нарративная, или сюжетно-описательная идентичность:

1) основана на интерпретационных схемах и когнитивных структурах, связанных с рефлексивной саморепрезентацией в символическом дискурсивном пространстве, наполненном метафорическими концептами, складывающимися в нарративы и фреймы;

2) это своеобразная «идентичность самоконструирования», опосредованная текстами, сюжетами, знаками, мифами и т.д., рождающаяся в преломлении коллективного опыта, в том числе и исторического, в индивидуальном сознании, которое интерпретирует его и ситуативно «подгоняет» под себя, словно костюм.

Каждый из индивидов по-своему воспринимает и усваивает опыт родителей, далеких предков, даже мифологических персонажей и героев легенд и сказок, а также тех личностей, которые оставили след в истории, учась на их ошибках, ориентируясь на их успехи, ассоциируя себя с ними более или менее буквально, сплетая семантическую паутину собственного жизненного нарратива из фрагментов уже существующих метафорических концептов и нарративов¹²¹.

В концепции П. Рикера личность скорее выступает не как данность, а как процесс. Таким же процессом, по сути, является и нарратив нации, чье формирование растянуто во времени, гармоничный синтез истории прошлого

¹²¹ Рикер П. Я-сам как Другой/ П. Рикер. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – С. 143

и настоящего, в которую органически «вплетено» будущее, подвержен изменениям.

Итак, нарратив – это конструкт, сконцентрированный вокруг какого-либо события, обладающий свойством интертекстуальности и универсальности, являющийся дискурсивным консолидирующим образованием, фреймирующим от политических метафорических концептов до мифологем, которые практически не существуют вне историй и сюжетов. Он концептуализируется с помощью метафор. Нарратив можно трактовать как лингвистически закодированную в каком-либо дискурсе детерминированную последовательность событий, произошедших с конкретной персоной (политиком, мифическим героем и т.д.), складывающуюся в единый логичный сюжет с инкорпорированным смыслом – полезным с практической точки зрения, выведенным на основе опыта героя истории, поучительным, развлекательным либо имеющим цель по привлечению внимания аудитории, мобилизации ее на определенные действия, формирования положительного имиджа/дискредитации (что повсеместно встречается в политическом дискурсе) героя или использования нарратива заинтересованными лицами. Самые популярные виды нарратива, широко представленные в средствах массовой информации - этнические и политические.

Нарративы и метанарративы становятся логичной частью нового миропонимания, которое постепенно придет на смену постмодернизму, поэтому можно формулировать и формировать гражданскую солидарность не только в русле нарративного направления психологии и когнитивной лингвистики, не только с позиций постмодернизма, использующегося для конструирования коллективной идентичности наиболее оптимальным для заинтересованных лиц и элит способом, но и с позиций метамодернизма, фокусирующегося непосредственно на субъекте, использующем дискурсы, свободную коммуникативную деятельность для создания и закрепления собственных смыслов, констатации определенных личностных

характеристик, идентичности внутри социума на основе индивидуального опыта, этики и мировоззрения, а также творческой инкорпорации индивидуальной идентичности в коллективную без «поглощения» и «растворения».

Для граждан, по сути, политика репрезентируется в масс-медиа как набор сюжетов (нарративов), по мнению Е.И. Шейгал, поэтому самыми популярными, обладающими наибольшей частотностью употребления, являются:

- 1) социоморфные метафоры, коннотативно связанные с четырьмя сферами-источниками: «Война», «Театр», «Спорт», «Семья»;
- 2) зооморфные метафоры, представляющие государства как живые субъекты (животных, птиц), обладающие индивидуальными поведенческими особенностями и характером;
- 3) антропоморфные метафоры, уподобляющие государства (социальные группы, организации) телу человека, способному болеть, выздоравливать, умирать, развиваться и т.д.

В нашей истории существует множество опорных точек и ключевых концепций, позитивных и негативных, но, тем не менее, определяющих гражданскую нацию (Крещение Руси, Куликовская битва, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война, Великая Октябрьская революция, летние Олимпийские игры в Москве в 1980 году, «Москва – Третий Рим», «Россия – правопреемница Византии», «У России свой особый путь», «железный занавес», сталинские репрессии, «девяностые» и т.д.), которые складываются в многомерный, «ризоморфный» и «живой» национальный нарратив, перманентно пополняющийся новыми событиями – присоединение Крыма, антироссийские санкции, Олимпиада в Сочи и т.д.

Нарратив динамического единства событий прошлого – как триумфальных, так и трагических, - консолидирующих граждан на основе исторической памяти, а также настоящего – на данный момент, оптимальная и наиболее эффективная основа метафорического конструирования дискурса

гражданской солидарности в России. Ж.-Ф. Лиотар ввел понятие «метанарратив», который, в первую очередь, описывает историю, органически объединяя как свершившиеся исторические события, так и те, которые произойдут в будущем, т.е., он имеет прогностическую функцию, которая четко прослеживается, например, в российских патриотических дискурсах, рисующих «светлое будущее» для нашей нации. Метанарратив, можно трактовать как стратегию развития конкретной общности, «облаченную» в более или менее художественные лингвистические конструкции, своего рода национальный «happy end», который, несмотря на возможный утопизм, является объектом коллективных устремлений и инструментом обеспечения народной лояльности к государству во время обострения внешнеполитических противоречий и появления внутренних проблем ввиду своей наполненности так называемыми «социальными мантрами».

«Социальные мантры» - это дискурсивные конструкции, совокупность метафорических концептов, формирующих благоприятные национальные метанарративы, опирающиеся на мифологические сюжеты о победе «добра» над «злом», которые адаптированы под конкретные социально-политические реалии. Политические дискурсы наполнены подобными «мантрами», апеллирующими к примордиалистскому мышлению и осуществляющими программирование общественного мнения в тяжелые периоды с помощью СМИ, которые репрезентируют институциональную власть в выгодной для нее модальности.

Метанарратив, несмотря на его конструктивную пользу для формирования гражданской солидарности, несет в себе потенциальную конфликтогенность по двум причинам:

- 1) он служит средством легитимации целей, методов и форм политической борьбы;
- 2) семантически метанарратив включает в себе бинарную оппозицию «друг»-«враг», характерную для дискурсов вражды, а также

мифологических сюжетов и иных фольклорных текстов, в этом он смыкается с историческими мифами¹²².

К метанарративам, по расширенной классификации Ж.-Ф. Лиотара, под которыми можно также понимать все интерпретационные системы, определяющие и легитимирующие реальность тем или иным образом, он отнес науку, психологию, историю, идеологии, религии, в том числе и политические, описанные в предыдущем параграфе диссертации.

По сути, сейчас в большей степени единство нации зиждется именно на исторической памяти, связи и преемственности поколений, на соответствующих нарративах (метанарративах) и метафорических концептах («Россия – страна-миротворец», «подвиг советского народа во время Великой Отечественной войны», «Россия – семья народов», «Россия-матушка», «дружба народов»). «Дружба народов» на постсоветском пространстве все еще является концептуальной цементирующей метафорой, репрезентирующей как общегражданскую национальную сплоченность и солидарность, так и лояльное, «братское», отношение России к странам СНГ помимо готовности оказывать помощь и защищать интересы «братских народов» - от белорусов и армян до сербов и осетин.

В рамках анализа способов конструирования гражданской нации нам следует обратиться к уже рассмотренному компоненту солидарности – историко-патриотическому, который неразрывно связан в сознании россиян с духовно-ценностным и общечеловеческим. Результаты опроса, проведенного в июле 2018 года фондом «Общественное мнение» показали, что патриотами себя считают 77% россиян¹²³.

Р. Брубейкер писал, что грамотный институциональный политический дизайн способен, по большей части, дезактивировать конфликтогенность межэтнических конфликтов и дезинтеграционный потенциал этнического

¹²² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/ Ж.-Ф. Лиотар. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С.10

¹²³ См: <https://snob.ru/news/163962> [электронный ресурс] (дата обращения: 15.09.2018)

национализма с помощью неэтнической, гражданско-правовой терминологии, способствующей национальной консолидации¹²⁴. В статье «Именем нации: размышления о национализме и патриотизме» он утверждал, что принадлежность к нации является политическим заявлением¹²⁵, требующим солидарности. Он также пишет об опасности так называемого «ура-патриотизма», который нередко связан с милитаристской риторикой, примордиалистским культом силы, постепенно «эволюционирующим» до сакрализации насилия, основанной на инклюзии когнитивных нарративно-архетипических схем фреймирования в социально-политические дискурсы, агрессивной внешней политикой, ксенофобией и гипертрофированной национальной гордостью, опосредованной по большей части политизированными и идеологизированными мифологемами. Стоит помнить, что преступления против человечества, акты массового насилия, военные конфликты часто осуществлялись под знаменами «демократических» гражданских наций, с одобрения партий, международных организаций и религиозных деятелей. «Нация» может функционировать и как механизм социальной эксклюзии, и как инклюзии.

Б. Андерсон не зря определял нацию как товарищество, характеризующееся горизонтальными связями. Идентификация себя с другими представителями сообщества способствует осознанию ответственности за других и формированию гражданской солидарности, а патриотизм – ответственности за действия правительства и, как следствие, увеличению гражданско-политической активности, которая стала наиболее рельефно проявляться на контрасте с дезинтегрирующими постдемократическими тенденциями, в том числе и с растущей неспособностью институтов государства лишать актуальные проблемы

¹²⁴ Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма/ Р. Брубейкер// Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М.: Новое издательство, 2010. – С. 74-75

¹²⁵ Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме/ Р. Брубейкер// Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М.: Новое издательство, 2010. – С. 111

граждан и обеспечивать их защиту – как психологическую и физическую, так и юридическую.

В совокупности патриотизм и гражданский национализм могут оказать влияние на перераспределение материальных ресурсов в социуме, что непосредственно связано с актуализацией солидарности как движущей силы макрополитической консолидации. По Р. Брубейкеру – патриотизм, национализм, идентичность – это чрезвычайно адаптивный, пластичный политический язык, способ трансляции политической позиции государства с помощью нарративно-метафорических дискурсивных средств, кодирующих реальность, осуществляющих апеллирование к определенным ценностям с целью формирования сплоченного общества.

Фактически, избыточное фокусирование на этнической/национальной идентичности увеличивает риск насильственной конфронтации с учетом конкретного историко-культурного, социально-экономического и политического контекста.

Современный российский патриотизм базируется на колоссальном, часто болезненном историческом опыте, который из года в год, независимо от политического режима, идеологии и пропаганды делает нашу страну сильнее, а ее граждан – более сплоченными несмотря на гражданские войны, межэтнические конфликты и сложную внешнеполитическую обстановку. Фактически, все сегменты солидарности пересекаются, в том числе, и с другими концептами, формируя имеющие корреляционную связь метафорические поля. Сегодняшний патриотизм в большей степени основан на переосмыслении советского наследия и инклюзии его опыта в макрополитической консолидации граждан на основе гуманистической идеологии, сформированной поверх этнических и религиозных различий, в современные политические дискурсы. В СМИ (от рекламы операторов связи и продуктов питания до политической пропаганды) активно используются, эксплуатируются характерные символы СССР, его культурные нарративы и фреймы. Государство заимствует положительный опыт прошлого и

«вплетают» его в дискурс гражданской нации, тиражируя метафоры патриотизма, которые органично интегрируются в новые нарративы, формирующие соответствующие социально-культурные и, по цепочке, индивидуальные мировоззренческие парадигмы и идентичности.

Основываясь на вышесказанном, автор данного исследования предлагает развить теорию П. Рикера о нарративной идентичности и ввести термин «нарративная солидарность», а в контексте темы диссертации – «нарративную гражданскую солидарность». Тиражирование нарративов (идеологических, событийных и пр.), паттернов, фреймов, метафорически кодирующих положительные образы, сценарии, истории взаимодействия, сотрудничества, взаимовыручки представителей разных этногрупп и конфессий в СМИ, а также ключевых особенностей их мировоззрения, обычаев и традиций, включая мифы и легенды, - это эффективный инструмент конструирования гражданской солидарности в ее нарративной модальности, т.е. через культурную экспликацию и «рассказывание историй», что является важным элементом архитектоники дискурса гражданской нации, одной из «несущих стен». Постдемократические тенденции развития современных демократических государств во многом характеризует всплеск интереса к уникальным этническим группам, включая экзотические племена, о существовании которых было мало кому известно до массового внедрения телекоммуникационных технологий, в частности сети Интернет.

Итак, нарративная солидарность основана на динамическом единстве, сотрудничестве и симбиозе граждан для решения актуальных социально-политических проблем и индуцирована консолидацией индивидов вокруг конкретной историко-культурной парадигмы, которая, в свою очередь, является совокупностью нарративных метафорических концептов и иных дискурсивных образований (вроде мифологем как универсальных образов, сцен и сюжетов мифологии, которые органично инкорпорируются в политические нарративы) положительно воспринимаемых большей частью

социума вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности. Фактически, это объединение граждан на основе «унифицированной плюралистичности», а также исторического опыта, уважения и интереса к разнородным мифам, легендам, традициям и обычаям, принятым в данном обществе. В данном случае метафорически нарративную солидарность можно проиллюстрировать картиной сидящих у костра людей, рассказывающих истории, которые их объединяют независимо от цвета кожи и вероисповедания.

Многомерный нарратив (метанарратив) гражданской солидарности должен учитывать дискурсивный контекст парадигм постмодернизма и метамодернизма и существовать как адаптивный и в чем-то автопоэтический конструкт, предположительно состоящий из относительно стабильного ядра и окольцовывающих его гибких семантических пластов, способных трансформироваться под конкретные социально-политические обстоятельства. Консолидирующая функция солидарности должна быть исчерпывающе публичной, прозрачной и лишённой манипулятивных коннотаций, нередко сопровождающих любой постдемократический авторитарный этатизм.

М. Маклюэн в «Понимании медиа» писал о том, что одежда – «расширение» нашей кожи, а оружие – «расширение» наших рук¹²⁶. Говоря на языке метафорических концептов, нарративную и гражданскую солидарность можно назвать «расширением» нашего «социального тела».

Популярный, разделяемый большинством граждан российский нарратив (унаследованный от СССР и впоследствии гармонично трансформированный под современные реалии), который может стать фундаментом конструирования солидарности, закодирован во фразе «Россия – это семья» (или, как вариант – «Россия – это дом»). Это – концептуальное метафорическое ядро данного нарратива, которое может быть семантически

¹²⁶ Маклюэн М. Понимание медиа/ М. Маклюэн. М.: Кучково поле, 2014. – с. 241.

развернуто во множество сценариев, текстов, историй, подходящих для распространения в СМИ и «инвазии» в общественное сознание для формирования нарративной солидарности.

Мы можем метафорически рассматривать государство как расширенный вариант племени, в котором тотемы и табу заменены на символы государственности (гербы, флаги) и законы, обрядовые песни – на национальные гимны, вожди и шаманы – на президентов и пиарщиков, касты – на страты, непотизм – на патриотизм, а мифы и эпосы – на рассказы об исторических персонах и выдающихся членах общества, подающих положительный пример для граждан.

Влияние на продуктивное поведение человека оказывает именно подражание, интериоризация социального опыта, усвоение эффективных ценностных установок и ролевых поведенческих моделей, что связано с функционированием зеркальных нейронов, отвечающих также и за эмпатию – сочувствие и сопереживание, без которых немыслима солидарность в любом ее понимании. Как конструктивные, так и деструктивные модели поведения основаны на подражании, что грамотно раскрывает концепция «миметического насилия» Р. Жерара, о которой говорилось в предыдущей главе. Теодор В. Адорно в своей монографии «Эстетическая теория» называет искусство прибежищем миметического поведения¹²⁷. П. Рикер также уделяет значительное внимание мимесису в конкретизации понимания его концепции нарратива¹²⁸. «Мимесис» в переводе с греческого языка означает «подобие», «подражание». Аристотель в трактате «Поэтика» пишет о том, что искусство подражает природе, в этом – сущность мимесиса¹²⁹. Демокрит экстраполировал мимесис на человеческую деятельность в целом, что, в частности, доказывает генезис такой перспективной современной науки, как бионика.

¹²⁷ Адорно Т. Л. В. Эстетическая теория/ Т. Л. В. Адорно. М.: Республика, 2001. – С. 158

¹²⁸ Рикер П. Время и рассказ. Том 1/ П. Рикер. М., СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 65

¹²⁹ Аристотель. Поэтика/ Аристотель. – М.: Риппол-классик, 2017. – С. 142

Еще одна сущностная особенность постдемократии, влияющая на формирование общественного мнения – театрализация политики, выстраивание политических программ вокруг харизматичных лидеров, обладающих своими уникальными историями, опытом, которые усилиями профессиональных политтехнологов грамотно и красиво «упаковываются» в соответствующие нарративы. Такая же стратегия применима и для основных метафорических концептов гражданской нации.

Основные нарративно-метафорические модели, которые отвечают за формирование представлений о России, тиражируемые в западных СМИ, эскалируют противоречия, существующие с другими странами. Набор этих метафорических концептов и моделей уже можно назвать «классическим» для прессы, раздувающей русофобию до размеров ветхозаветного Левиафана или чудовища Годзиллы из популярного старого фильма. Это, прежде всего, социоморфные метафоры с понятийными сферами-источниками «Война», «Империя», «Изоляция»: «Россия – империя», в том числе и «империя зла», «Путин – царь», «русская агрессия», «Россия – государство-изгой» (которое, по мнению радикальных масс-медиа, проводит империалистическую политику внешнеполитической экспансии). Также некоторыми СМИ конструируется концепт «путинизм=фашизм», все внимание акцентируется на милитаризме и угрозах, как военных, так и информационных, исходящих от России, что прекрасно иллюстрирует непомерно раздутый скандал по «делу Скрипалей». Неизменной на протяжении многих лет популярностью в медийных дискурсах пользуются также зооморфные метафоры наподобие «Россия – это злой медведь». Любопытны и нарративные метафоры, которые называются «антропоморфными»: «Россия восстанавливает боевую потенцию»¹³⁰. Итак, как мы можем видеть, усилия европейского общества по конструированию националистического дискурса дезинтеграции, соперничества и вражды с Российской Федерацией направлены не только на

¹³⁰ См.: <https://inosmi.ru/politic/20180913/243228446.html> [электронный ресурс] (дата обращения: 30.07.2018).

дестабилизацию ее геополитического положения, но и межэтнических и межконфессиональных отношений внутри нашего государства. «Противоядием», «антидотом» является, как мы уже выяснили, дискурс гражданской солидарности.

С учетом специфики российской государственности конструирование гражданской нации возможно при соразмерной репрезентации в ее дискурсе метафорических концептов и нарративов не только гражданского и историко-патриотического сегментов солидарности, но и этноконфессионального.

Л.Й. Хен фокусируется на том, что национальное сознание – это *modus operandi* патриотизма, то, без чего он не может существовать¹³¹.

Р. Михельс пишет о том, что «любовь к дальнему», т.н. «*die Fernstenliebe*» (нем.), постепенно развивается к интернационализму от патриотизма, таким образом, патриотизм, построенный на гуманистических ценностях, способствует моральной и интеллектуальной эволюции граждан и, в перспективе, может индуцировать объединение человечества с помощью парадигмы космополитизма, который не отрицает важности патриотизма, а придает ему в большей степени пацифистский характер, так как во многих современных государствах патриотизм представляет собой «социальную иррадиацию», реакцию на внешние угрозы, поэтому основан на милитаризме и даже культе насилия, его сакрализации. У. Ганнерс ввел понятие «глобальной ойкумены», которая, в его понимании, является областью гармоничного сосуществования и коммуникации разнородных культур в глобализованном постиндустриальном обществе с развитыми технологиями аккумуляции и передачи информации¹³². Самым адекватным сценарием он считал взаимообогащение культур «центра» и «периферии», который реализуется за счет симбиоза мировой культуры и местных этнических, что в большей степени стало возможным благодаря глобализации.

¹³¹ Хен Л. Й. Влияние этнических процессов на патриотическое сознание// Л.Й. Хен// Социально-политический журнал. - 1996. - № 2. - С. 210

¹³² Hanners U. Notes on the global ecumene// Public Cuiture, 1989. № 12. P. 70.

Технократический характер культуры общества потребления в «электронном глобальном мире», а также ее поверхностность и бездуховность¹³³ автоматически повышают значимость традиций этногрупп и религиозных объединений, гражданско-правовых, а также универсальных гуманистических ценностей вроде солидарности. У. Хазлитт считает, что патриотизм как исторически детерминированный феномен является продуктом интеллектуальной, духовно-нравственной зрелости граждан, а не следствием примордиалистской, эссенциалистской физической привязанности к конкретной территории¹³⁴.

Национализм, в том числе гражданский, относится к сфере ума и духа, а не к физической привязанности, что подчеркивают и другие исследователи¹³⁵, поскольку он является результатом субъективного перцептивного конструирования и обладает в связи с этим эвристической вариативностью.

Наряду с конструктивистским направлением формирования гражданской нации автор данного исследования предлагает обратиться к постмодернистской методологии деконструкции. Основным объектом деконструкции, семантического расчленения, по Ж. Деррида, является так называемая «логоцентрическая метафизика»¹³⁶, построенная на системах дихотомических бинарных оппозиций (формально-логических, философских, мифологических и т.д.) в том числе и оппозиции «Друг»-«Враг», выступающей метафорической основой дискурса национализма, да и любого конфликтогенного дискурса атомизации, дезинтеграции и межгрупповой борьбы. Представитель Йельской школы деконструктивизма, П. де Ман, в своей работе «Слепота и прозрение» исследует амбивалентную, противоречивую природу текста, принципиальную субъективность и

¹³³ Smith A. Nationalism and modernism. - L., 1998. - p. 215

¹³⁴ Hazlitt W. On Patriotism: A Fragment, written Jan. 5, 1814 // Hazlitt W. Collected Works / Ed. by A.R. Waller and A. Glover. London, 1902. Vol. 1. P. 67

¹³⁵ Pillsbury W.B. The Psychology of Nationality and Internationalism. N.Y., 1919. P. 267.

¹³⁶ Деррида Ж. О грамматологии/ Ж. Деррида. СПб: Ад Маргинем, 2000. – С. 167

многомерность его интерпретаций и приходит к выводу, что текст не может быть сведен к однозначной совокупности каких-либо смыслов¹³⁷.

В соответствии с концепцией интертекстуальности, введенной Ю. Кристевой, текст является открытой структурой, пространством конструирования смыслов и интерпретаций, включенном в более широкий контекст. Текст, наполненный фреймами, метафорами и нарративами, существует в нескольких дискурсах, пересекающихся между собой и формирующих в местах пересечений новые смыслы. По этой причине в современном медиапространстве разворачиваются масштабные информационные метаконфликты за право конструировать интерпретации, создавать метафорические концепты для формирования общественного мнения. Дискурсивные высказывания, по П. де Ману, трактуются по принципу матрешки из-за многоуровневой структуры самих дискурсов.

Деконструкция подразумевает органическое соединение анализа и синтеза, структурализма и постструктурализма: сначала осуществляется «секвенирование», «демонтаж», систематическая разборка целостных структур на составляющие их элементы, а затем происходит сборка, причем для толкования текста одинаковой значимостью обладают как отдельные тропы, так и способы их инклюзии в тексты; постструктурализм обращен к необходимости трансграничности, рассмотрения лингвистических конструкций вне структур, выявление архитектоники составляющих их метафор. Истина в деконструкции Ж. Деррида является продуктом интерпретации, фактически, она может формироваться в русле дискурса постправды.

Помимо конструирования гражданской солидарности необходимо произвести декодирование, дешифровку метафорического смысла концептов, составляющих националистический дискурс, наглядно показать процесс конструирования межэтнических и межконфессиональных конфликтов с

¹³⁷ Ман де П. Слепота и прозрение/ П. де Ман. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. —10 с.

помощью СМИ, чтобы граждане понимали, кто, каким образом и с какой целью продуцирует межгрупповые противоречия, чья эскалация приводит к насилию. Как уже упоминалось, дискурсы «пронизывают» друг друга, поэтому дискурс гражданской нации и националистический дискурс следует рассматривать диалектически противопоставленными.

П.А. Кропоткин в своем труде «Взаимопомощь как фактор эволюции» писал, что любовь и способность к самопожертвованию, несомненно, имели ключевое значение для прогрессивного развития нравственности, однако истинное единство человечества основано на сознании солидарности, взаимозависимости людей, чувстве справедливости, диктующем индивиду необходимость помощи ближнему и уважения к его потребностям, интересам и проблемам, таким образом, несмотря на декларируемую многими философами «*bellum omnia contra omnes*», «созидательный гений» в человеке превалирует¹³⁸. По мнению некоторых исследователей гражданского общества, отсутствие солидарности – признак социальной патологии¹³⁹.

Солидаризм – это, фактически, концептуализация, гражданско-правовое оформление и закрепление солидарности как движущей силы социума, в котором его представители обладают реальной возможностью правового и социально-политического совместного действия ради консолидированного обеспечения интересов всех участников общественных отношений, а также политико-управленческая практика демократического общества. В своей монографии «Благосостояние для всех» Л. Эрхард описывает, фактически, постдемократическую тенденцию, так что можно с уверенностью говорить об актуальности его монографии в наше время. Итак, организации, которым граждане доверили представлять их групповые интересы, зачастую действуют в соответствии со своими целями, расходящимися с требованиями тех, кого они взялись защищать и отстаивать

¹³⁸ Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции/ Кропоткин П.А. - М.: НИЦ «Луч». – 2011. – С. 21

¹³⁹ Гражданское общество: истоки и современность/ под ред. И.Кального, И.Лопушанского. - СПб: Юридический центр Пресс, 2006. —С. 426–427

перед государством¹⁴⁰. Вследствие этого, как было сказано выше, формируются новые формы представительства коллективных интересов, в том числе, и внеинституциональные, основанные на солидарности, в особенности гражданской. Важной задачей социума является поиск такой формы коллективного объединения, при которой каждый гражданин полностью будет осознавать свою ответственность за принятие решений, избегать анонимности и предоставления права использования его мандата по собственному усмотрению какой-либо организации (например, партии), имеющей свои представления о волеизъявлении народа, а также, возможно, осуществляющей манипулирование электоратом ради власти и престижа. Л. Эрхард считал необходимым укрепление воли к независимости и свободе у граждан как основы социального благосостояния.

Солидарность как практика грамотного согласования интересов – корпоративных, групповых, частных, государственных – способна содействовать переходу нашего государства к инновационному типу развития и успешному осуществлению модернизации.

Дж. Сартори в своей монографии «Пересматривая теорию демократии» писал о том, что этнические, конфессиональные, лингвокультурные меньшинства имеют значение для так называемой «вертикальной» демократии (с жесткой иерархией, ведущей ролью элит в политическом процессе, неравномерным распределением власти и, фактически, пренебрежением к равенству), только если «выступают в качестве политической контролирующей группы». Он описал «стратархию» как такую конфигурацию системы социальной стратификации, согласно которой в каждом социальном слое на его «верхушке» существует свое «контролирующее меньшинство», своя управляющая элита, а саму систему назвал «стратократией». В идеале демократия должна быть «селективной полиархией», то есть, честной, открытой, объективной системой

¹⁴⁰ Эрхард Л. Благосостояние для всех/ Л. Эрхард. – М.: Начала-пресс, 1991. – С.145

конкурирующих между собой групп, в результате борьбы между которыми на выборах власть получает та, что наиболее достойна представлять интересы граждан¹⁴¹.

Однако роль партий в постдемократическую эпоху трансформировалась ввиду их тесной коллаборации с частным сектором, с корпорациями, а также социальной рестратификации и открытого использования политиками манипулятивных технологий в масс-медиа и сетевом пространстве, в том числе и дискурса постправды для привлечения электората. Согласно теории социальных расколов С.М. Липсета и С.Роккана, возникновение партий связано с социальными конфликтами и необходимостью институционального представления парадигм враждующих сторон, кристаллизации групповых, классовых интересов¹⁴². Партия как элемент гражданского общества, в качестве посредника между институтами политической системы и гражданами предназначена для артикуляции интересов тех граждан, которых она представляет, но сейчас, как было рассмотрено в предыдущем параграфе, партия утратила свои первоначальные функции, адаптируясь к реалиям постиндустриального глобального общества.

В.А. Гуторов в своей статье «Национальная идентичность и политическое образование» упоминал, что Й. Шумпетер сомневался в реализации «классической концепции демократии» ввиду ее несоответствия социальным реалиям и повседневному поведению индивидов¹⁴³.

Солидарность – это автопоэтическая форма коллективной регуляции социальных процессов, она подразумевает синергетическое взаимодействие граждан и социальную субъектность, которая является движущей силой

¹⁴¹ Sartori G. The Theory of Democracy Revised. Part One The Contemporary Debate. Chatham House Publishers, Inc., Chatham House, N J., 1987. – 389-390 pp.

¹⁴² Lipset M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // Party Systems and Voter Alignments. New York: Free Press, 1967. – 31-33 p.

¹⁴³ Гуторов В.А. Национальная идентичность и политическое образование // Университетское образование и гражданское общество. Издательство Санкт-Петербургского университета. - 2006, С. 174.

социальной активности индивида и зиждется на осознанном выборе поведенческой модели и полной ответственности за свои действия, а также деятельном участии в конструировании социально-экономической, социально-политической реальности. П. Леру считал, что основой общегражданской солидарности являются независимые социальные организации¹⁴⁴ – то есть, в современном понимании – институты гражданского общества. И.А. Ильин писал о свободной лояльности как о самоограничении ради коллективной пользы и о гармоничном балансе индивидуализма и общественных интересов, соответствии поведения индивида духовно-нравственным гуманистическим ценностям – честности, справедливости, стойкости, патриотизму, отвращению к деструктивным формам деятельности, от коррупции и подлости до преступности. Гражданин должен обладать полной правосубъектностью и отчетливо осознавать границы своей свободы и начало ответственности – не только за себя, но и за окружающих. «Человек – не объект террора и эксплуатации», – считал И.А. Ильин¹⁴⁵.

Для того чтобы понять, как именно следует конструировать солидарность, в том числе и гражданскую, в Российской Федерации, необходимо произвести анализ воздействия постдемократических тенденций и глобализационных процессов на развитие гражданского общества, социальную консолидацию для решения ключевых социально-политических и социально-экономических проблем. Для этого автор исследования использовал SWAT-анализ (таблица 3.12).

¹⁴⁴ Эпштейн А. Д. Неслучайно забытый мыслитель: Пьер Леру и вычеркнутые из памяти истоки демократического солидаризма/ А.Д. Эпштейн, А.Кожевников. - Неприкосновенный запас. - 2014. - № 6(98). См.: http://magazines.russ.ru/nz/2014/6/20k.html#_ftn17 [Электронный ресурс] (дата обращения: 14.07.2018).

¹⁴⁵ Ильин И.А. О свободной лояльности / Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. - М.: 1993. - С. 229.

Таблица 3.12

SWAT-анализ воздействия постдемократии и глобализационных процессов на формирование солидарности любого типа	
Сильные стороны	Слабые стороны
1) Интернет как свободная площадка для обмена информацией и мнениями позволяет гражданам объединяться и решать некоторые проблемы в онлайн-формате (например, путем подписания петиций). Здесь идет речь о формировании сетевой солидарности (которая может быть любой – этноконфессиональной, гражданской, историко-патриотической, космополитической и т.д.) 2) Понимая, что государство не может решать все насущные проблемы, граждане стали брать на себя ответственность и стали более инициативными, конструируя гражданское общество и наращивая взаимодействие с государством в рамках демократических режимов и политических сетей. Рост коррупционной составляющей в формировании приоритетов государства мотивирует индивидов	1) Общественное мнение и солидарность зависят от усилий государства по осуществлению политической мобилизации и консолидации населения, формированию коллективной идентичности с помощью средств массовой информации, которые могут быть как основанными на демократических принципах и быть конструктивными, направленными на укрепление общества и его процветание, так и на интересах высших эшелонов власти и разных видов элит, которые могут идти вразрез с интересами граждан. 2) В некоторых постдемократических (и не только) государствах наблюдается ренессанс политических религий, осуществляющих политическую мобилизацию населения в интересах политических групп и элит, которые негативно влияют

объединяться в рамках гражданского общества и участвовать в его развитии. 3) Гражданская солидарность, основанная на политически, этнически и религиозно нейтральных гуманистических, гражданско-правовых ценностях, является «противоядием» против дискурса этнического национализма и мощной основой для макрополитической консолидации населения в пределах государств в нестабильном глобализованном мире. 4) Солидарность как форма коллективной регуляции социальных процессов, которая основана на гражданской, социальной и политической сознательности, ответственности граждан за свои действия, подразумевает их деятельное участие в конструировании реальности. Это способствует усилению гражданской активности, формированию понимания у граждан того, что их будущее – в их руках, а не в руках различных	на солидарность, подменяя ее, например, политизированной коллективной идентичностью. 3) Солидарность может быть стихийной, ситуативной, т.е. не являться стабильной детерминантой поведения человека и гражданина. 4) Солидарность во многом зависит от социально-экономической стабильности, существующей в государстве – тем, кто в системе социальной стратификации находится за чертой бедности или в принципе имеет низкий доход, не позволяющий/позволяющий крайне ограниченно удовлетворять первичные потребности, не до гражданской солидарности и артикуляции своих политических интересов, у них в приоритете стоит выживание. Что, тем не менее, может быть использовано для политической мобилизации. По словам действующего председателя Конституционного суда России В. Зорькина (2018 г.),
--	--

организаций, нередко имеющих свои интересы, сосредоточенные вокруг приобретения власти и коммерческой прибыли. 5) Солидарность, основанная на взаимодействии граждан с государственными структурами, способствует «реанимации» демократии, восстановлению системы связей между субъектами политики. Таким образом, солидарность, например, гражданская, способна в определенной степени противодействовать постдемократическим тенденциям (при активном участии государства), негативно влияющим на политические режимы. 6) Солидарность как практика грамотного согласования интересов – корпоративных, групповых, частных, государственных, – способна содействовать переходу государства к инновационному типу развития и успешному осуществлению модернизации. Солидарность может	за чертой бедности в России находится свыше 20 миллионов россиян¹⁴⁶. Критический уровень социального неравенства увеличивает недоверие к власти, влечет рост преступности и маргинализацию обширных слоев населения, что приводит к усилению полицейских функций государства. 5) Солидарность может быть ограничена рамками – то есть, этническая или конфессиональная солидарность не обязательно подразумевает у индивида наличия гражданской или иной солидарности, помимо прочего, она может быть политическим ресурсом и продуцировать межгрупповую дифференциацию. 6) Наличие неструктурированных кластеров частных интересов, социальная фрагментация, «лоскутный» характер публичной сферы, ее политизация и экспансионизм со стороны политических институтов препятствуют возникновению
--	--

¹⁴⁶ См.: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html> [электронный ресурс] (дата обращения: 10.08.2018)

способствовать нахождению баланса между государственным управлением и инициативами граждан (самоорганизацией, самоуправлением).	общенациональной солидарности на уровне государства (в России)¹⁴⁷. Т.е. в основном у нас представлена локальная гражданская солидарность. Для модернизации и формирования солидарности на всех уровнях требуется демократизация социальной жизни, уверенность граждан в том, что они являются свободными (естественно, в рамках закона) и полностью правосубъектными, а также полноправными акторами конструирования социальной реальности¹⁴⁸.
Возможности 1) Разнородные общественные организации обладают широким спектром возможностей для защиты интересов граждан, иногда даже большим, чем политики и политические партии, способствуя усилению солидарности. 2) Ввиду развития информационно-коммуникационных технологий и, в	Угрозы 1) Некоторые современные демократии можно представить как «тело без органов», совокупность лакун, заполняемых новым, биополитическим, бюрократически-олигархическим типом государственной власти, обладающей чертами неототалитаризма/посттоталитари

¹⁴⁷ Красин Ю.А. Политическая рефлексия и модернизация // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. — М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История. - 2011. — Вып.10. - С. 135-137.

¹⁴⁸ Красин Ю.А. Модернизация российского общества: соотношение экономики и политики// Власть. - 2010. -№2. – С.4

частности, сети Интернет в глобальном масштабе появляется множество новых возможностей для решения социально-экономических и социально-политических проблем граждан, в том числе и на уровне международных организаций. 3) Взаимодействия между отдельными городами и регионами в глобальном наднациональном масштабе способствуют формированию космополитической солидарности и развитию межнационального сотрудничества – экономического, культурного и т.д. 4) Благодаря интернациональной кооперации парадигма космополитической солидарности как практик взаимопомощи независимо от национальной, этнической и конфессиональной принадлежности имеет огромный созидательный потенциал. Космополитическая солидарность позволит объединить человечество поверх различий. 5) Гуманистические этические ценности становятся как никогда	зма/авторитаризма, которая способна воздействовать на общественное мнение и формировать выгодную для себя солидарность с помощью политтехнологий, включая дискурс постправды, пропаганду и идеологически окрашенные метафоры и нарративы. 2) Интенсивное вторжение государства в частную жизнь через аккумуляцию информации о гражданах, сбор персональных данных, которые могут использоваться для манипулирования – например, формирования политических взглядов и квазисолидарности, выгодной государству и подчиненной ему. 3) Эскалация международного терроризма, радикальных движений и массовые миграции благодаря глобализации способствуют развитию ксенофобии, подъему национализма и возникновению религиозной вражды, угрожая формированию
---	--

важными в социально атомизированном обществе и способствуют консолидации. 6) Солидарность, нацеленная на достижение социально-экономической и социально-политической стабильности путем объединения граждан вне зависимости от классовой принадлежности, способна снизить социальную дифференциацию и послужить сглаживанию межклассовых противоречий. 7) Вследствие коллаборации политических институтов и крупных корпораций возрастает влияние частного сектора на политические процессы и формирование повестки дня, что приводит к дистанцированию власти от граждан, ввиду чего они ищут новые способы артикуляции своих интересов, которые выражаются в солидаристских формах коллективного действия с целью решения общественных проблем.	космополитической солидарности и деструктивно воздействуя на внутригосударственную этноконфессиональную солидарность. 4) Постправда как политтехнология, использующаяся во внешней политике, способна с помощью средств массовой коммуникации воздействовать на национальную идентичность, а также гражданскую, этноконфессиональную, историко-патристическую солидарность, размывая ее, способствуя возобновлению конфликтов внутри государств. 5) Часто преодоление рассогласованности интересов является проблематичным ввиду эгоистического индивидуализма, «вращенного» обществом потребления, основанном на прагматизме и индивидуальной выгоде, для достижения которой в парадигме т.н. «макмира» считается нормальным использование «грязных методов», противоречащих гуманистических
--	--

	ценностям и солидарности.
--	---------------------------

В предыдущих главах научного исследования были подробно рассмотрены теоретико-методологические основания дискурса гражданской нации и националистического дискурса, проведен анализ практик дискурсивного конструирования межэтнических и межнациональных конфликтов средствами массовой информации как в России, так и за рубежом, осуществлен компаративный анализ конфликтов, выделены базисные нарративные схемы их фреймирования, основанные на двух концептуальных метафорах, образующих бинарную оппозицию – «друг» - «враг», которая является основой абсолютно любого конфликта, от социально-бытового до политического. Автором была выкристаллизована типовая схема гибридной войны, применяемая в конструировании «цветных революций», а также детально рассмотрена постдемократия как логичная, исторически детерминированная стадия развития демократии в условиях глобального постиндустриального общества гегемонии телекоммуникационных технологий, влияние которого на интенсификацию онтогенеза политических институтов в России трудно недооценить. Ввиду этого экстраполяция теории постдемократии с разумной корректировкой и дополнениями, пусть и не в полном объеме, является конструктивным направлением в анализе генезиса, развития и трансформации демократического политического режима, а также витально необходима для понимания механизмов и путей формирования и трансформации гражданской солидарности, гражданской нации и гражданского общества в современной России.

Автором была по возможности объективно охарактеризована как внешне-, так и внутривнутриполитическая обстановка в парадигме мультидисциплинарности с целью формирования целостного представления о трудностях и возможностях конструирования макрополитической коллективной идентичности, гражданской нации на основе солидарности.

Выводы к главе:

1) Концепция постдемократии имеет определяющее значение для конструирования дискурса гражданской нации и солидарности ввиду возникновения новых форм коллективного действия, а также институциональных и неформальных изменений в структурах демократических государств, функционировании политических институтов и коллективном поведении вследствие развития средств массовой коммуникации и как результат глобальных геополитических трансформаций.

2) Автор данного исследования дополнил перечень характерных признаков постдемократии, сформированных К.Краучем, следующими положениями:

1. демократия во многих государствах стала «corps sans organes» (фр.), «телом без органов», формой, совокупностью лакун, которые заполняет новый, авторитарно-олигархический тип государственной власти, связанный с бизнес-элитой мегакорпораций, биополитической, проникающей в частную жизнь граждан, в том числе и через частные корпорации, представляющие ее интересы;
2. так называемая «постправда», инкорпорированная в политические дискурсы, оказывает все большее влияние на политические процессы и конструирование социально-политической реальности;
3. постдемократическое глобальное общество характеризуется ренессансом политических религий и их трансформацией согласно реалиям постмодернизма, сращиванием политических и религиозных институтов в некоторых формально светских государствах, сакрализацией государственных символов, политических институтов, мифологизации истории в ряде государств, обладающих признаками постдемократий;
4. автор выделил три вида тенденций, характеризующих деформации политических режимов различных постдемократических государств:

- архаизация общественных отношений и политической сферы;
- традиционалистская регрессия, «откат» к патримониализму;
- регрессия к олигархическому неототалитаризму/посттоталитаризму/авторитаризму под бюрократически-корпоративным управлением при сохранении внешних признаков демократического режима.

3) Постдемократия – это не новый тип политического режима, а широкое постпозитивистское аналитическое понятие, обобщающее воздействие глобализационных процессов на демократические государства, функционирующие в социально-политической и экономической парадигме постиндустриального общества развитых информационно-коммуникационных технологий с существенным влиянием на политические процессы частных корпораций, включая ТНК.

4) Многомерный нарратив (метанарратив) гражданской солидарности существует как адаптивный и в чем-то автопоэтический конструкт, предположительно состоящий из относительно стабильного ядра и окольцовывающих его гибких семантических пластов, способных трансформироваться под конкретные социально-политические обстоятельства.

5) Солидарность как практика грамотного согласования интересов – корпоративных, групповых, частных, государственных - способна содействовать переходу нашего государства к инновационному типу развития и успешному осуществлению модернизации.

6) Постдемократия как логичная, исторически детерминированная стадия развития демократии в условиях глобального постиндустриального общества гегемонии информационных технологий не могла не проявиться, пусть даже и в определенной степени редуцированном виде, в России.

Заключение

Для конструирования сплоченной гражданской нации требуется интенсифицировать процессы вовлечения граждан в принятие политических решений, расширить перечень форм и способов общественного участия в государственных делах и предоставить больше возможностей для продуктивной реализации гражданских инициатив. Это один из способов формирования коллективной идентичности, основанной на солидарности, наряду с деятельностью средств массовой информации по репрезентации когнитивных структур дискурса гражданской нации. Влияние глобализации и постиндустриального информационного общества на социально-политическую сферу и на демократические режимы в целом выражается не только в постдемократических тенденциях, но и в активном участии т.н. «новых медиа» в осуществлении новых способов демократической репрезентации, трансформации форм и появлении новых видов социальной активности как отдельных граждан, так и целых социальных групп и институтов гражданского общества, получивших новые рычаги воздействия на политическую сферу, в частности, в связи с развитием и конвергенцией информационно-коммуникационных технологий, как следствие, распространением сетевых социальных движений, стремительным развитием электронной демократии, а также политических сетей.

Базисом конструирования гражданской нации, способствующим консолидации населения поверх этнокультурных, конфессиональных, региональных различий, является политически, этнически, религиозно нейтральная идея гражданской солидарности. Солидарность как практика грамотного согласования интересов – корпоративных, групповых, частных, государственных - способна содействовать переходу нашего государства к инновационному типу развития и успешному осуществлению модернизации.

Концепция постдемократии, сформированная К.Краучем, исключительно важна для понимания социально-политической обстановки в

России и конструирования гражданской солидарности из-за трансформации складывавшихся веками традиционных институтов демократических государств, частичной утраты их дееспособности и легитимности вследствие глобализации и перехода от индустриального к постиндустриальному обществу гегемонии информационных технологий и разветвленных международных коммуникаций, в том числе в сетевом пространстве, открывающих возможности для кросс-культурного сотрудничества и решения как глобальных, так и локальных проблем ввиду максимальной открытости Интернета для огромного количества людей, причем в обход правительств или, наоборот, для привлечения внимания государства.

Постдемократия - это реальность, с которой следует считаться, гражданская солидарность конструируется с учетом ее воздействия, выражающемся, в частности, в театрализации политики, в противоборстве за право интерпретировать события на основе дискурсов постправды, которая является эффективным инструментом конструирования имиджа политических деятелей и групп, представителей разнообразных элит в политтехнологиях, включая т.н. «черный пиар», а также средством манипуляции общественным мнением. К. Крауч пишет, что в условиях постдемократии происходит стремительный упадок эгалитаризма. При этом дистанцирование власти от потребностей граждан происходит наряду с формированием новых способов взаимодействия государства и социума в рамках демократических институтов и гражданского общества.

Постдемократия конструируется на основе политтехнологий, эксплуатирующих дискурсы постправды, фейки, нарративные триггеры, и разумно учитывающих слепые пятна, «мёртвые зоны» человеческой психики - когнитивные искажения наподобие фундаментальной ошибки атрибуции, эвристики доступности или репрезентативности, психологические феномены вроде когнитивного диссонанса, механизмы психологической защиты, такие как проекция, идентификация, рационализация и т.д., а также перманентную необходимость принимать решения, формировать мнение или точку зрения,

особенно о социально-политической ситуации, на базе неполной, неverifiedируемой и зачастую искажённой информации, и на основе нечеткой логики. Социальные медиа внесли масштабный вклад в развитие институтов и новых форм демократической репрезентации, в том числе внеинституциональных, но развитие информационного общества индуцировало также и новые возможности для осуществления манипуляций и программирования общественного мнения с помощью политтехнологий, включая генерирование фейков, вплетаемых в дискурс постправды.

Постдемократия – это не новый тип политического режима, а широкое постпозитивистское аналитическое понятие, обобщающее воздействие глобализационных процессов на демократические государства, функционирующие в социально-политической и экономической парадигме постиндустриального общества развитых информационно-коммуникационных технологий с существенным влиянием на политические процессы частных корпораций, включая ТНК.

Гражданская нация – дискурсивный конструкт, репрезентирующий примат политико-правового над этнокультурным на основе единых общегосударственных ценностей и стандартов во всех сферах жизни общества. Солидарность разрушается извне и внутри с помощью дискурсивных средств. Те масс-медиа, которые описывают конфликты с помощью националистических нарративов, продуцируют нестабильность и насилие, а те, кто с помощью гражданско-правового языка – стараются представить события с максимальной объективностью.

Наиболее оптимальным, не ущемляющим права миноритарных групп, является конструирование гражданской нации на основе дискурса солидарности, имплицитно подразумевающего социальную ответственность, взаимное уважение, взаимовыручку, инициативность и эффективный симбиоз граждан в решении социально-экономических и политических проблем совместно с государством.

Тиражирование нарративов (идеологических, событийных и пр.), паттернов, фреймов, метафорически кодирующих положительные образы, сценарии, истории взаимодействия, сотрудничества представителей разных этногрупп и конфессий в СМИ, а также ключевых особенностей их мировоззрения, обычаев и традиций, включая мифы и легенды, - это эффективный инструмент конструирования гражданской солидарности в ее нарративной модальности, т.е. через культурную экспликацию и «рассказывание историй», что является важным элементом архитектуры дискурса гражданской нации в представлении автора этой работы.

С учетом специфики российской государственности конструирование гражданской нации возможно при соразмерной репрезентации в ее дискурсе метафорических концептов и нарративов не только гражданского и историко-патриотического сегментов солидарности, но и этноконфессионального.

Помимо конструирования гражданской солидарности необходимо произвести декодирование, дешифровку метафорического смысла концептов, составляющих националистический дискурс, наглядно показать процесс конструирования межэтнических и межконфессиональных конфликтов с помощью СМИ для понимания того, кто, как и с какой целью продуцирует межгрупповые противоречия, чья эскалация приводит к насилию.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. – СПб: Литера, 2016. – 64 с.
2. О национально-культурной автономии [Электронный ресурс] URL: <http://www.base.garant.ru/135765> (дата обращения: 27.08.2020).
3. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350 (дата обращения: 14.09.2020).
4. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151043 (дата обращения: 20.10.2020).

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Власть и совесть: политики и народы в лабиринтах смутного времени/ Р.Г.Абдулатипов. — М.: Славянский диалог, 1994. — 286 с.
2. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы/ В.А. Авксентьев. - Ставрополь, 2002. - 267 с.
3. Адорно Т. Л. В. Эстетическая теория/ Т. Л. В. Адорно. М.: Республика, 2001. – 528 с.
4. Акопов С.В., Розанова М.С. Идентичности в эпоху глобальных миграций. Научное издание. / С.В. Акопов, М.С. Розанова // СПб.: Изд-во ДЕАН, 2010.- 272 с.
5. Александрова, Т. А. Метафорическая оппозиция «свой-чужие» в политическом дискурсе / Т. А. Александрова // Единицы языка и их функционирование. – Саратов, 2004. – Вып. 10. – С. 205–208.

6. Алибегиллов Ш.А. Цивилизационная идентичность России как вектор современной государственной политики/ Алибегиллов Ш.А., Волков В.А.// Управленческое консультирование. – 2016. - №5. – С. 19-24
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма /Б. Андерсон. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. - 286 с.
8. Антипина, О. В. Метафорический всплеск и метафорическое затишье: образ политической России в англоязычных СМИ / О. В. Антипина // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 102–106.
9. Аристотель. Политика. Наука об управлении государством/ Аристотель. - М., 2003. – 328 с.
10. Аристотель. Поэтика/ Аристотель. – М.: Риппол-классик, 2017. – 224 с.
11. Аронсон А. Конфликты и сообщества Язык и этнический конфликт. – М.: Гендальф, 2001. – С.15-34.
12. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт — М.: ЦентрКом, 1996. – 231 с.
13. Арто А. Театр и его двойник. / А. Арто. - М.: Мартис, 1993. – 412 с.
14. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры: Сб. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–33.
15. Арутюнян Ю.В. Этносоциология/ Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.
16. Афанасьев В.В. Россия и Европа: нации в эпоху глобализации / В.В. Афанасьев// М.: Книж. дом «Университет», 2009. - 183 с.
17. Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичность в обществе модерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2012. Сер. 6. № 1 – С. 85-91.
18. Ачкасов, В.А. Этнополитология. М.: Юрайт, 2015. - 495с.

19. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
20. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
21. Баранов Н.А. Современные трансформации демократии: выбор России / Н.А. Баранов// Политэкс: Политическая экспертиза: Научный журнал. Том 2. №1. СПб: Изд-во С.-Петеб. Ун-та, 2006. - С. 280-299.
22. Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах/ М.Ю. Барбашин. – Ростов-н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2013. – 356 с.
23. Барбашин М.Ю. Современные социологические подходы в изучении этничности. — Социально-гуманитарные знания, 2005. — № 4. — С. 167-181.
24. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы/ Ф. Барт. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
25. Белт, Т. Политическое убеждение путем метафорического моделирования / Т. Белт // Политическая лингвистика. – 2007. – № 22. – С. 18–25.
26. Бергер П. Социальное конструирование реальности/ П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. – 323 с.
27. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция/ Ж. Бодрийяр. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
28. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии/ Н.Н. Болдырев. — Изд. 2-е, стер. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. — 123 с.
29. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса/ Ю.В. Бромлей. - М.: Наука, 1983. - 418 с.

- 30.Брубейкер Р. Этничность без групп/ Р. Брубейкер. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 408 с.
- 31.Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. М.: Наука; Флинта, 2008. - 352 с.
- 32.Будаев Э.В. Метафора в политической коммуникации: монография/ Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта, 2008. – 248 с.
- 33.Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2006. – С. 70–89.
- 34.Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология/ Э.В. Будаев. - Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. – 330 с.
- 35.Буланов П.Г. Лингвокультурное моделирование аксиосферы этноспецифического дискурса/ П.Г. Буланов. – Киев: Киевский университет, 2002. – 293 с.
- 36.Бурдьё П. Социология социального пространства/ П. Бурдьё. СПб: Алетейя, 2007. - 288 с.
- 37.Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации/ Т. Ван Дейк. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. - 344 с.
- 38.Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. – Л.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. – 384 с.
- 39.Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация/ Т. Ван Дейк. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
- 40.Вебер М. Хозяйство и общество/ М.Вебер. - М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010. – 432 с.
- 41.Вевьерка М. Возвращение расизма/ М. Вевьерка// Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... - М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 13-43.
- 42.Верещагин Е.М., Язык и культура/ Е.М. Верещагин, Костомаров В.Г. - М.: Индрик, 2005. — 1038 с.

43. Волков В.А. Цивилизационная идентичность России: евразийский вектор / НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Северо-Западного института управления РАНХиГС. Выпуск 4(31). ИПЦ СЗИУ РАНХ и ГС, 2017. С.155-161.
44. Ганди М. Моя жизнь/ М. Ганди. - М., Гл. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1969. - 359 с.
45. Геллнер Э. Нации и национализм/ Э. Геллнер. - М.: Прогресс, 1991. - 320 с.
46. Герасимова О.Ю. Дискурс власти в современном обществе/ О.Ю. Герасимова// Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. - № 42. - С.60-64.
47. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь/ Э. Гидденс. – М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.
48. Гирц К. Интерпретация культур /К. Гирц. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 560 с.
49. Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 124–136.
50. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине/ Т. Гоббс. — Москва-Минск: АСТ, Харвест, 2001. — С. 158
51. Голубовская И.А. Этнические особенности языковых картин мира/ И.А. Голубовская. — Киев: Издательско-полиграфический центр "Киевский университет", 2002. — 293 с.
52. Гражданское общество: истоки и современность/ под ред. И.Кального, И.Лопушанского. - СПб: Юридический центр Пресс, 2006. — 496 с.
53. Греймас А. Структурная семантика. Поиск метода/ А. Греймас. - М.: Академический проект, 2004. - 368 с.
54. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки/ М.Н. Губогло. - М.: Наука, 2003. -764 с.

55. Гуляихин В.Н. Этноколлективное бессознательное как детерминанта социально-психологического развития// Вестник ВолГУ. – 2007. – Серия 7. Выпуск 6. – С. 76-79.
56. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н.Гумилев — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. — 496 с.
57. Гумилев Л.Н. Этнос: мифы и реальность// Дружба народов. — 1988. — № 10. — С. 218—231.
58. Гуторов В.А. Глобализация и кризис современного государства / Материалы Второй международной научно-практической конференции по вопросам государственного управления и общественного развития «ГОРЧАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (28 февраля 2017 г.) В двух томах Том 2. СЗИУ РАНХ и ГС. - 2017. - С.60 - 77.
59. Гуторов В.А. Национальная идентичность и политическое образование // Университетское образование и гражданское общество. Под редакцией В.Г. Марахова. Издательство Санкт-Петербургского университета. – 2006. - С. 172–179.
60. Дебор Ги. Общество спектакля/ Ги Дебор. – С-Пб: Логос, 2000. – 232 с.
61. Делез Ж. Капитализм и шизофрения/ Ж.Делез, Ф.Гваттари. - Екатеринбург.: У-Фактория, 2007. – 672 с.
62. Деррида Ж. О грамματοлогии/ Ж. Деррида. СПб: Ад Маргинем, 2000. – 512 с.
63. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 1995. № 5
64. Дмитриев А.В., Жуков В.И., Пядухов Г.А. Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество / А.В. Дмитриев, В.И. Жуков, Г.А. Пядухов // М.: Изд-во РГСУ, 2009.-354 с.
65. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России/ Л.М. Дробижева. - М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. - 376 с.

- 66.Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Пер. с англ. И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. — М.: Идея-Пресс, 2002.
- 67.Жиран Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. 2-е изд., испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. - 448 с.
- 68.Здравомыслов А.Г. Трансформация смыслов в национальном дискурсе/ А.Г. Здравомыслов// Язык и этнический конфликт. — М.: Гендальф, 2001. — С. 34-58.
- 69.Здравомыслов А.Г. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм /А.Г. Здравомыслов, А.А. Цуциев // Социологический журнал. -2003. - №3. - С.20-50.
- 70.Зиммель Г. Человек как враг/ Г. Зиммель// Социологический журнал. — 1994. - № 2. — С. 114-119.
- 71.Зорин Ю.В. От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики/ Ю.В. Зорин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. - Том VI. - №3. — с. 122-154.
- 72.Зорин Ю.В. Государственная национальная политика в России и современность/Зорин Ю.В.//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 225. — М.: ИЭА РАН, 2011. — 33 с.
- 73.Иванова С.В. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения/ С.В. Иванова, З.З. Чанышева. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. — 366 с.
- 74.Ильин И.А. О свободной лояльности / Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. - М.: 1993. — 521 с.
- 75.Калугина Г.В. Местная власть и трансформация дискурса национальной политики в постсоветскую эпоху// Полития. — 2010. - № 2(57). — С. 91-106.
- 76.Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием/ С.Г. Кара-Мурза. — С-Пб: Эксмо, 2000. — 864 с.

77. Кара-Мурза С.Г. Нациестроительство в современной России/ С.Г. Кара-Мурза, О.В. Куропаткина. – М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. – 408 с.
78. Кара-Мурза С.Г. Теория и практика конструирования народов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.contrtv.ru/common/1995/> (дата обращения – 12.01.2016).
79. Карасик В.И. О типах дискурса Текст. / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. - Волгоград, 2000. С. 5-20.
80. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс Текст. / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
81. Карасик В.И. Языковая матрица культуры/ В.И. Карасик. - М.: Гнозис, 2013. — 320 с.
82. Кассирер Э. Сила метафоры/ Э.Кассирер// Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
83. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
84. Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике/ И.Ф. Кефели. – СПб: «Северная звезда», 2004. – 286 с.
85. Кефели И.Ф. Философия геополитики/ И.Ф. Кефели. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2007. – 208 с
86. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры Текст. / И.М. Кобозева // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 2001. - № 6.
87. Ковалева А.М. Роль СМИ в репрезентации «черно-белой» дискурсивной картины мира/ А.М. Ковалева// Управленческое консультирование. – 2015. - №5(77). – С.211-217.
88. Ковалева А.М. Теоретические и практические аспекты конструирования конфликта на примере изучения текущей

- политической ситуации/ А.М. Ковалева// Управленческое консультирование. – 2016. - №8(92). – С.150-156.
- 89.Коваленко А.М. Политический дискурс как объект лингвистического исследования/ А.М. Коваленко// Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. - №4(8). – С.297-301.
- 90.Колесников В.Н. Актуальная повестка дня в современной России: факторы формирования/ В.Н. Колесников// Управленческое консультирование. – 2017. - № 9. – С.8-17.
- 91.Колосов С.А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти/ С.А. Колосов. – Критика и семиотика. - № 7. – 2004. – С. 248-256.
- 92.Кон Х. Идея национализма/ Х. Кон// Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М.: Новое издательство, 2010. — 426 с.
- 93.Концен П. Фанатизм/ П.Концен. М.: Гуманитарный центр, 2011. – 341 с.
- 94.Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире/ А.П. Кочетков. - М.: Аспект Пресс, 2020. - 208 с.
- 95.Красин Ю.А. Модернизация российского общества: соотношение экономики и политики// Власть. - 2010. -№2. – С.4-7
- 96.Красин Ю.А. Политическая рефлексия и модернизация// Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011/ Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. — М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История. - 2011. — Вып.10. - С. 127-140.
- 97.Крауч, К. Постдемократия/ К. Крауч. М.: Высшая Школа Экономики, 2010. – 192 с.
- 98.Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции/ Кропоткин П.А. - М.: НИЦ «Луч». – 2011, 256 с.
- 99.Кубрякова, Е.С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности Текст. / Е.С. Кубрякова, Л.В Цурикова //

- Язык средств массовой информации: Учеб. пособие по специализации. Часть 2. -М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. - С. 126-159.
100. Кугай А.И. Россия в условиях диктатуры геополитических проектов // Управленческое консультирование. СЗИУ РАНХиГС. - 2015. - № 4(76) - С. 8-13.
 101. Кугай А.И. Этиология терроризма // Управленческое консультирование. СЗИУ РАНХиГС. - 2017. - №3 (99) - С. 16-27
 102. Кугай А. И. Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства // Управленческое консультирование. СЗИУ РАНХиГС - 2018. - №5. (113) - С. 152-162
 103. Кугай А.И. Миграционные потоки и условия реализации миграционной политики (на примере Санкт-Петербурга) / ОБЩЕСТВО И ЦЕРКОВЬ: МИГРАЦИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ. Материалы научно-практической конференции с международным участием 29—30 мая 2018 г. Новосибирск 2018. С. 11-115.
 104. Кугай А.И. Расистский дискурс электронных СМИ как фактор конструирования межэтнических конфликтов/ Кугай А.И., Ковалева А.М. // Управленческое консультирование. – 2016. - №1 (73). – С. 86-94.
 105. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
 106. Лассуэлл Г. Язык власти / Г. Лассуэлл // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 264–280.
 107. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику Текст. / Дж. Лайонз. М.: Прогресс, 1978. - 542 с.
 108. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах/ А.Лейпхарт, 1997. – Аспект Пресс, 288 с.
 109. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

110. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
111. Луман Н.. Реальность массмедиа. / Н. Луман. - М.: Праксис, 2005. – 315 с.
112. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры: Сб. науч. ст. / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–386.
113. Маклюэн М. Понимание медиа/ М. Маклюэн. М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.
114. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология/ В.С. Малахов. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.
115. Ман де П. Слепота и прозрение/ П. де Ман. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002.— 256 с.
116. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова – М. : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.
117. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
118. Малахов В.С. Еще раз о националистическом дискурсе/ В.С. Малахов// Pro et contra. – 1999. - №1. – С.129-132.
119. Малахов, В.С. Национализм как политическая идеология : учеб. пособие, рек. М-вом образования и науки Рос. Федерации / В. С. Малахов. - 2-е изд. - М. : Книж. дом "Университет", 2010. - 316 с.
120. Малахов В. Расовый образ мыслей после расизма: случай России на общеевропейском фоне/ В. Малахов// Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... - М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 115-139.

121. Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт/ В. Малахов// Язык и этнический конфликт. – М.: Гендальф, 2001. – 150 с.
122. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях/ А.В.Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.
123. Маркузе Г. Одномерный человек/ Г.Маркузе. - М.: «Refl-book», 1994. — 368 с.
124. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
125. Менджерицкая Е.О. Особенности национального публицистического дискурса/ Е.О. Менджерицкая// Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – С. 52-58.
126. Миронов В.В., Миронова Д.В.Г Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. С.16-27.
127. Михалёва, О.Л. Политический дискурс: Специфика мапулятивного воздействия Текст. / О.Л. Михалёва. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 256 с.
128. Михельс Р. Социология политической партии в условиях современной демократии/ Р. Михельс. Диалог. 1990. № 5, 9; 1991, №4.
129. Моска Г. Правящий класс/ Г. Моска // Социс. 1994. № 10. С. 187—198.
130. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс/ С. Московичи, СПб: Академический проспект, 2011. – 396 с.
131. Мукомель В.И.Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // «Мир России», 2011, №1, с. 34-50.
132. Мукомель В. И., Рыжова С. В.. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. 2017. № 1, С. 37-46

133. Мукомель В. Роль государства и общества в продуцировании дискриминаций/ В. Мукомель// Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... - М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 195-212.
134. Мусаев И.М. Современные подходы к изучению национализма/ И.М.Мусаев// Человек. Сообщество. Управление. - №1. – 2006. – С. 36-49.
135. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания/ Э. Ноэль-Нойман. – М.: Прогресс-Академия, 1996. – 352 с.
136. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс/ Х.Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2008. – 352 с.
137. Оруэлл Дж. 1984/ Дж. Оруэлл. – СПб: АСТ, 2016. – 320 с.
138. Осборн М. Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет – тьма» / М. Осборн // Будаев Э. В. , Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафоро- логия. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – С. 125–142.
139. Осипов А. Расизм в языке социальных наук/ А.Осипов// Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс. - СПб: «Алетейя», 2002. – С. 45-68.
140. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны/ И.Н. Панарин. – М.: 2012. – 411 с.
141. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика Текст. / О.Н.Паршина / Под ред. О.Б. Сиротининой. М.: Издательство ЖИ, 2007. - 232 с.
142. Перепелкин Л.С. Конструктивизм в этнологии: теория и практика/ Л.С.Перепелкин// Вопросы социальной теории. – 2013-2014. – Выпуск 1-2. – С. 59-72.
143. Пименова М. В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. — 2010. — № 2 (32). — С. 47-57.

144. Платон. Диалоги. (Серия «Философское наследие». Т. 98)/ Платон. — М.: Мысль, 1986. -561 с. Аристотель. Политика. Наука об управлении государством/ Аристотель. - М., 2003. – 328 с.
145. Политика постправды в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием Политика постправды и популизм в современном мире / под ред. О.В. Поповой. — СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
146. Попова О.В. Европейская vs общегражданская идентичность: противостояние существует? // Вестник СПбГУ. Серия 6. - 2012. Вып. 1. - С. 78–84.
147. Почепцов Г.Г. Информационные войны/ Г.Г.Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2000. – 280 с.
148. Ренан Э. Что такое нация?// Ренан Э. Собрание сочинений в 12 томах. Том 6. Киев, 1992.
149. Рикер П. Время и рассказ. Том 1/ П. Рикер. М., СПб.: Университетская книга, 2000. – 311 с.
150. Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике/ П. Рикер М.: Медиум, 1995. – 131 с.
151. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение Текст. / П. Рикер // Теория метафоры / Вст. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. - С. 416-434.
152. Рикер П. Я-сам как Другой/ П. Рикер. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
153. Рожкова, О. Е. Метафорическое представление концептов «война» и «терроризм» в политическом дискурсе / О. Е. Рожкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 72–74.
154. Романов А. А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. Москва-Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. — 191 с.

155. Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром / Д. Роткопф М.: АСТ АСТРЕЛЬ, Полиграфиздат, 2010. - 475 с.
156. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений/ З.В. Сикевич - СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 203 с.
157. Синельникова Л. Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика. — 2009. — № 30. — С. 41-47.
158. Скребцова, Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса / Т.Г. Скребцова // *Respectus Philologicus*. - № 1(6). - 2002.
159. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма/ Э. Смит. М.: Праксис, 2004. - 464 с.
160. Соловьева А. С. Вербальная реализация социоморфной метафоры со сферой-мишенью «Евросоюз» в британских СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. - № 4 (22). Ч. 2. - С. 177-179.
161. Спенсер Г. Личность и государство/ Г. Спенсер. – М.:Социум, 2007. – 208 с.
162. Спир А. Роль государства в производстве дискриминаций// *Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели...* - М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 177-195.
163. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология/ Т. Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
164. Сычева Е. В. К проблемам понимания термина «дискурс» // *Молодой ученый*. — 2011. — №3. Т.2. — С. 42-46.
165. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России/ В.А. Тишков. М.: Русский мир, 1997. – 532 с.

166. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — 544 с.
167. Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе...// Вопросы социологии. - 1993. - № 1. — С. 3-38
168. Тоффлер, Э. Шок будущего/ Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2008. — 560 с.
169. Фромм Э. Бегство от свободы/ Э.Фромм. — М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. — 293с.
170. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы/ М. Фуко. — М.: Ад Маргинем, 1999. — 504 с.
171. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие/ Ю. Хабермас. - СПб.: Наука, 2001. - 380 с.
172. Хайдеггер М.: Сборник статей /М.Хайдеггер. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. — 523 с.
173. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/ С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. — 576 с.
174. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций Текст. / Р. Харрис. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. - 448 с.
175. Хен Л. Й. Влияние этнических процессов на патриотическое сознание/Л.Й. Хен// Социально-политический журнал. - 1996. - № 2. — С. 209-217
176. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991)/ Э. Хобсбаум. М.: Издательство Независимая Газета, 2004. — 632 с.
177. Христофорова О. Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтнические взаимодействия/ О.Христофорова// Язык и этнический конфликт. — М.: Гендальф, 2001. — С. 99-114.

178. Хюбнер К. Истина мифа / Пер. с нем. И.Т. Касавина. М.: Республика, 1996. 448 с.
179. Чернобровкин И.П. Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль/ И.П. Чернобровкин. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. - 192 с.
180. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2003. – 248 с.
181. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса/ Е.И.Шейгал. – М.: РГБ, 2005. – 431 с.
182. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход/ Э. Шилз// Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972, с.341-359
183. Шмитт К. Понятие политического/ К. Шмитт// Вопросы социологии. — 1992. — № 1. — С. 35—67.
184. Шнирельман В. Расизм вчера и сегодня/ В. Шнирельман// Pro et Contra. – Сентябрь-октябрь. - 2005. – С. 41-65.
185. Шумилов М.М. Кризис неолиберальной модели экономического развития России в контексте конфликта на Украине и санкций Запада / М.М. Шумилов// Управленческое консультирование. Научно-практический журнал СЗИУ РАНХИГС. 2014. - №6 (66). – С. 110-125.
186. Эпштейн А. Д. Неслучайно забытый мыслитель: Пьер Леру и вычеркнутые из памяти истоки демократического солидаризма/ А.Д. Эпштейн, А.Кожевников. - Неприкосновенный запас. - 2014. - № 6(98).
187. Эрхард Л. Благосостояние для всех/ Л. Эрхард. – М.: Начала-пресс, 1991. – 336 с.

188. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд./В.А. Ядов — М. : ЦСПиМ, 2013. — 376 с.
189. Ярская В.Н. Язык мой - враг мой: расистский дискурс в российском обществе/ В.Н. Ярская// Социологические исследования. – 2012. - № 6. – С. 46-53.

Иностранная литература

1. Barber B. Participatory Democracy// Encyclopedia of Democracy. N.Y., 1995. Vol. 3. P. 908-925.
2. Barber B. 1995. «Jihad Vs McWorld in Braving the New World: Readings in Contemporary Politics», pp. 17-27.
3. Berghe Van den, Pierre L. The ethnic phenomenon. Greenwood Press, 1987. – 301 p.
4. Bowers, S. R. Ethnic Politics in Eastern Europe / S. R. Bowers. — L.: Research Inst, for the Study of Conflicts and Terrorism, 1992.
5. Brown, D. Contemporary Nationalism: Civic Ethnocultural and Multicultural Politics / D. Brown. — L.; N. Y. : Routledge, 2000.
6. Brubaker, R. Citizenship and Nationhood in France and Germany / R. Brubaker. — Cambridge, 1992. — P. 9-11.
7. Brubaker, R. Nationalism Reframe: Nationhood and the National Questions in the New Europe / R. Brubaker. — Cambridge, 1996. — 235 p.
8. Carroll, C. Candidates' stories tell us what we've become //The Boston Globe, March 5, 2007.
9. Cohen, J. L. Globalization and Sovereignty. Rethinking Legality, Legitimacy, and Constitutionalism. — Columbia University, 2012. — 454 p.

10. Connor, W. *Ethnonationalism: the Quest for Understanding* / W. Connor. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1994.
11. Dijk T. A. van. *Discourse and Context* / T. A. van Dijk. N. Y. : Cambridge University Press, 2008. 267 p.
12. Dijk T. A. van. *Introduction: Discourse and Domination // Discourse and Power* / T. A. van Dijk. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2008. P. 1–26.
13. Druckman D. Nationalism, Patriotism, and Group Loyalty: A Social Psychological Perspective/ D. Druckman. *Mershon International Studies Review*, Vol. 38, No. 1 (Apr., 1994), pp. 43-68
14. *Enemy images in war propaganda* / Ed. by M. Vuorinen. United Kindom : Cambridge Scholars Publishing, 2012.
15. Enloe, C. *Police, military and Ethnicity: Foundations of State Power* / C. Enloe. — L., 1980. — P. 5; 10.
16. Eriksen, T. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives* / T. Eriksen. — L. ; Chicago : Pluto Press, 1999.
17. Fairclough N. *Media Discourse*. London, 1995.
18. Fukuyama F. *Reflections on the End of History, Five Years Later // History and Theory*. — 1995. — Vol. 34. — № 2. — P. 27—43.
19. Fotopoulos T. *Towards An Inclusive Democracy. The Crisis of the Growth Economy and the Need for a New Liberatory Project* (London/New York: Cassell Continuum, 1997), 401 p
20. Gellner, E. *Conditions of Liberty. Civil Society and its Rivals* / E. Gellner. — L., 1994.
21. Giddens A. *The consequences of modernity*. - Cambridge, 1990. - 200 p.
22. Gurian W. *Totalitarianism as Political Religion // Totalitarianism*. Ed. by Carl J. Friedrich. N.Y.: Grosset & Dunlap, 1964.

23. Hanners U. Notes on the global ecumene // Public Culture, 1989. № 12. P. 68-75
24. Hazlitt W. On Patriotism: A Fragment, written Jan. 5, 1814 // Hazlitt W. Collected Works / Ed. by A.R. Waller and A. Glover. London, 1902. Vol. 1.
25. Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780. - Cambridge, 1990. - 200 p.
26. Hollinger, D. Post-ethnic America: Beyond Multiculturalism / D. Hollinger. — N.Y. : Basic Books : Horowitz D. L., 1985. 357 p.
27. Koos A.K. Common Origin, Common Power, or Common Life: The Changing Landscape of Nationalisms/ A.K. Koos. Open Journal of Political Science 2012. Vol.2, No.3, 45-58 pp.
28. Kymlicka, W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights / W. Kymlicka. — Oxford : Clarendon Press, 1995.
29. Kymlicka, W. Politics in Vernacular. Nationalism, Multiculturalism and Citizenship / W. Kymlicka. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2001.
30. Kohn H. The Idea of Nationalism. N.Y., 1944.
31. Lipset, M. American Exceptionalism: A Double-Edged Sword / M. Lipset. — N.Y., 1996. — C. 149-150.
32. Lipset M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // Party Systems and Voter Alignments. New York: Free Press, 1967. – 31-33 p.
33. Lyotard J.-F. The Differend: Phrases in Dispute. Manchester: Manchester University Press, 1988. 208 p.
34. McCombs M., Shaw D. The Evolution of Agenda-Setting Research: TwentyFive Years in the Marketplace // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. № 2. P. 58-67.
35. Molander R. C. Strategic information warfare: a new face of war. Santa Monica : RAND, 1996.

36. Moynihan D.P. *Pandaemonium: Ethnicity in International Politics*. Daniel Patrick Moynihan. Published by Oxford University Press, USA (1993)
37. Pillsbury W.B. *The Psychology of Nationality and Internationalism*. N.Y., 1919.
38. Remnick, R. A. *Theory of Ethnicity. An Anthropological Perspective* / R. A. Remnick. — Lanham ; N.Y. ; L., 1983.
39. Sartori G. *The Theory of Democracy Revised. Part One The Contemporary Debate*. Chatham House Publishers, Inc., Chatham House, N J., 1987. - 253 p.
40. Smith, A. *History and Liberty: Dilemmas of Loyalty in Modern Democracies* / A. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. — 1986. — Vol. 9, N 1.
41. Smith A. *Nationalism and modernism*. - L., 1998. - 276 p.
42. Tibi B. *The Challenge of Fundamentalism. Political Islam and the New World Disorder*. Berkeley: University of California Press, 1998.
43. Van den Berghe P. *The ethnic phenomenon*/ Van den Berghe P. - Greenwood Publishing Group, Inc., 1987. – 301 p.
44. Van der Veer, P. *Political Religion in the Twenty-first century* // *International Order and the Future of World Politics*. Ed. by T. V. Paul, J. A. Hall. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
45. Vermeulen T., van der Akker R. *Notes on Metamodernism* // *Journal of Aesthetics and Culture*. 2010/ Vol. 2. P. 1-14.
46. Wodak R. *Discourse and Discrimination. Rhetorics of racism and antisemitism* / R. Wodak. M. : Reisigl. Taylor&Francis. 2000. 312 p.
47. Wodak R. *Discourse and Racism: European Perspectives* / R. Wodak, M. : Reisigl *Annual Review of Anthropology*. 1999. Vol. 28. P. 175–199